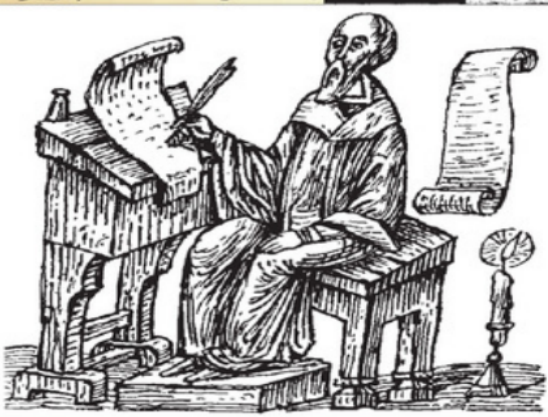
Часть вторая

Учебник-хрестоматия

ЛИТЕРАТУРА

8

класс



ДРОФА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Учебник-хрестоматия для учащихся 8 класса входит в серию учебных пособий, создаваемых по единой программе литературного образования (5—11 классы), составленной Т. Ф. Курдюмовой.

В основу учебника-хрестоматии «Литература. 8 класс» поставлена проблема литературы и времени, исторического прошлого и его осмысления в художественном произведении.

- Литература. 8 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 2
  - Литература XIX века
    -
    - Мотивы былого в лирике поэтов XIX века
      -
      - Василий Андреевич Жуковский
        -
        - Воспоминание
        - Песня
      - Александр Сергеевич Пушкин
        -
        - Воспоминание
        - Стансы[1]
        - Анчар
      - Денис Васильевич Давыдов
        -
        - Бородинское поле
      - Иван Иванович Козлов
        -
        - Вечерний звон
      - Федор Николаевич Глинка
        -
        - Москва
      - Алексей Николаевич Апухтин
        -
        - Солдатская песня о Севастополе
    - Александр Дюма
      - Три мушкетера
    - Алексей Константинович Толстой
      -
      - Василий Шибанов
      - Князь Серебряный. Главы из романа

- Глава 8. Пир
- Глава 14. Оплеуха
- Глава 31. Божий суд
- Вымысел и реальность в художественном произведении
- Народная речь в литературном тексте
- Лев Николаевич Толстой
  - После бала
- Контраст как композиционный прием
- Время и пространство в художественном тексте

○ Литература XX века

- Автор и время на страницах произведений XX века
- Былины и их герои в поэзии XX века
- Иван Алексеевич Бунин
- На распутье
- Святогор
- Святогор и Илья
- Константин Дмитриевич Бальмонт
- Живая вода
- Евгений Михайлович Винокуров
- Богатырь
- Юрий Николаевич Тынянов
- Подпоручик Киже
- Восковая персона. В сокращении
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Марк Алданов
  - Чертов мост
- Стефан Цвейг
  - Невозвратимое мгновение (Ватерлоо, 18 июня 1815 года)

- Борис Львович Васильев
  - «Утоли моя печали…». Отрывки
    -
    - Глава вторая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Эпилог
- Великая Отечественная война в лирике XX века
  -
  - Анна Андреевна Ахматова
    - Клятва
    - Мужество
  - Александр Андреевич Прокофьев
    - Москве
  - Константин Михайлович Симонов
    - Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины…
  - Александр Трифонович Твардовский
    - Рассказ танкиста
  - Юлия Владимировна Друнина
    - Зинка
  - Михаил Александрович Дудин
    - Здесь грязь, и бред, и вши в траншеях…
  - Алексей Александрович Сурков
    - Бьется в тесной печурке огонь…
  - Михаил Васильевич Исаковский
    - Огонек
  - Булат Шалвович Окуджава
    - До свидания, мальчики
  - Евгений Михайлович Винокуров
    - В полях за Вислой сонной…
  - Владимир Семенович Высоцкий
    - Штрафные батальоны
- Леонид Максимович Леонов
  -
  - Золотая карета. Пьеса в четырех действиях
    -
    - Действие первое

- Действие четвертое
- Мотивы былого в лирике поэтов XX века
  -
  - Валерий Яковлевич Брюсов
    -
    - Тени прошлого
  - Зинаида Николаевна Гиппиус
    -
    - 14 декабря
  - Николай Степанович Гумилев
    -
    - Старина
    - Прапамять
  - Михаил Алексеевич Кузмин
    -
    - Летний сад
  - Марина Ивановна Цветаева
    -
    - Домики старой Москвы
    - Генералам двенадцатого года
  - Евгений Александрович Евтушенко
    -
    - Когда звонят колокола
  - Владимир Семенович Высоцкий
    -
    - Иногда как-то вдруг вспоминается…
- Подведем итоги
- Краткий словарь терминов

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41

Литература. 8 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 2 (Под редакцией Т. Ф. Курдюмовой)

Литература XIX века

А. Дюма. А. К. Толстой. Л. Н. Толстой.

Мотивы былого в лирике поэтов XIX века

В лирике находят воплощение глубокие душевные переживания поэта. Каждое или почти каждое лирическое стихотворение можно назвать исповедью, в которой чувства поэта переданы во всей их искренности и непосредственности. Но эта исповедь рассчитана на сопереживание читателя, на то, что он поймет и разделит чувства, которые овладели поэтом и нашли отражение в слове. «Великий поэт, – отмечал В. Г. Белинский, – говоря о своем я, говорит об общем – о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живо человечество. И потому в его грусти всякий узнает и свою и видит в нем не только *поэта*, но и *человека*, брата своего по человечеству».

Тематика лирики разнообразна. Лирическое стихотворение может быть вызвано любым жизненным обстоятельством, способным пробудить в душе поэта ответные чувства и мысли. К лирике гражданской, любовной, пейзажной, философской примыкают и лирические произведения, запечатлевшие былое, прошедшее. Масштаб изображения минувшего в лирическом творчестве неодинаков: поэты изображают в своих стихотворениях и значительные исторические события, и недавнее прошлое, в котором нашел отражение личный жизненный опыт поэта. Порой короткое лирическое стихотворение говорит об эпохе, о минувшем гораздо больше, нежели самая подробная летопись или мемуары.

Независимо от широты охвата прошлого в лирических произведениях, осмысливающих былое, содержится завет последующим поколениям чутко относиться к минувшему, прожитому, беречь память об исторических событиях, хранить национальную культуру, ее язык.

Прочитайте стихотворения, включенные в раздел «Мотивы былого в лирике поэтов XIX века». Ответьте на предложенные вопросы и выполните задания к тем стихотворениям, которые вам

понравились.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Тема исторического прошлого занимает значительное место в поэзии В. А. Жуковского. Участник Отечественной войны 1812 года, поэт постоянно возвращается в своих произведениях к минувшим героическим дням («Бородинская годовщина», «Ночной смотр», «К Ермолову»).

С именем Жуковского связано утверждение в русской поэзии жанра баллады. В них поэт проникновенно воссоздал волновавшие его исторические события и предания.

Через все творчество Жуковского проходит тема воспоминаний, которая находит пояснение в дневниковой записи поэта: «Минуты, в которые какою-то волшебною силой пробуждаются воспоминания, и все знакомые лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что чувствовал, воздух старины, дом, чувство прошедшей жизни». Поэтическое слово Жуковского всегда находило сочувствие, отклик в душе его современников. Оно и сегодня близко читателю искренностью и правдой чувства, выразительностью и музыкальностью его стихотворений. Бессмертие своему учителю предсказал А. С. Пушкин:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль…

Воспоминание

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет,*
Но с благодарностию: *были.*

Вопросы и задания

1. Почему поэт назвал свое стихотворение «Воспоминание»? Почему слова «их нет» и «были» Жуковский выделил курсивом?

1. Устаревшее, книжное слово «животворить» в «Большом толковом словаре русского языка» поясняется так: наполнять

жизненной силой; оживлять. Какое значение для понимания главной мысли стихотворения имеет это слово?

1. Стихотворение «Воспоминание» представляет собой миниатюру – одну из труднейших форм лирики, отличающуюся глубиной содержания и отточенной художественной формой. В чем вы видите глубину его содержания? Каковы особенности художественной формы стихотворения? Какое значение имеет в нем антитеза?

Песня

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалый;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей в минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится;
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

Вопросы и задания

1. Почему поэт назвал свое стихотворение «Песня»? В чем вы видите его музыкальность? Обратите внимание на звукопись

стихотворения, повторы, синтаксис.

⏩**1.** Почему слова «прежде», «живи», «будь», «один» выделены курсивом?

⏩⏩**1.** «Воспоминание и я одно и то же», – написал Жуковский в одном из своих стихотворений. Для поэта воспоминание – это «память сердца», «чувство прошедшей жизни». Что волнует его в стихотворении «Песня»? Что особенно дорого поэту в минувшем? Какие синонимы использует Жуковский, воссоздавая в своей памяти картину былого?

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

А. С. Пушкин много раз говорил о том, что все явления жизни достойны внимания поэта и что у русской словесности есть свой язык – «обычаи, история, песни, сказка»… Историческое прошлое глубоко осмыслено Пушкиным в прозе и драматургии. Но «слава нашей старины», пережитое нашли полнокровное воплощение и в лирике поэта. Уже в раннем своем стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» Пушкин воспел славу русского оружия, военную мощь России, воздал похвалу ее полководцам. К этой теме он возвращается в стихотворении «Перед гробницею святой», посвященном великой роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года. Героем стихотворения «Полководец» является Барклай де Толли, о котором поэт писал, что он «останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом». Мастерски передал Пушкин суровый колорит седой русской старины в «Песни о вещем Олеге». Воспоминания об ушедших из жизни друзьях и крупных общественно-политических событиях («Чему, чему свидетели мы были!») содержатся в цикле стихотворений разных лет, посвященных лицейской годовщине – 19 октября. В коротком стихотворении «Отрок» Пушкин воссоздает суровое детство М. В. Ломоносова. Безошибочное чувство истории не изменяет поэту, когда он пишет в своих произведениях о необходимости помнить и чтить минувшее.

Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:

В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Вопросы и задания

1. Стихотворение «Воспоминание» было написано 19 мая 1828 года в Петербурге. Каким предстает город с его «стогнами» в первых четырех строках стихотворения?

1. Что тревожит поэта в «часы томительного бденья»? Можно ли слова «угрызенья», «мечты», «думы», «воспоминание» выстроить в один ряд как оттенки одного поэтического переживания? Какие метафоры использует поэт, последовательно воссоздавая разные лики переживания?

1. Перечитайте заключительные четыре строки. Почему воспоминание о прошедшей жизни вызывает у поэта горькое, мучительное чувство? В какой мере повторяющиеся союзы «и» и противительный союз «но» усиливают это чувство?

Стансы[1]

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукий.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутолим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Вопросы и задания

1. Почему «дни Петра» поэт называет «славными»? В чем автор «Стансов» видит заслуги самодержца?

2. Какие личные качества Петра I отмечает поэт в стихотворении?

1. Какие строки стихотворения особенно выразительны в звуковом отношении?

1. В «Стансах» поэт проводит историческую параллель между царствованием Петра Великого и началом правления Николая I. В чем вы видите смысл этого сопоставления? К чему призывает поэт нового царя?

Анчар

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит

И тигр нейдет – лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес – и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Вопросы и задания

1. Определите части, на которые распадается стихотворение.

2. Назовите участников событий, описанных в стихотворении.

3. Опишите содержание каждой из частей стихотворения.

1. Какую роль играет в стихотворении союз «но», стоящий на грани первой и второй части?

2. Подбирая эпитет к слову «пустыня», поэт выбирал из следующих определений: *«глухой», «знойной», «мертвой», «тощей», «мрачной»* и остановился на слове *«чахлый»*. Как вы это объясните?

1. Проследите, как поэт выбрал эпитет для изображения приказа царя: «Послал к Анчару *властным* словом», «Послал к Анчару *самовластно*», «Послал к Анчару *равнодушно*», «Послал в

пустыню *властным* взглядом».

2. Какую мысль утверждает поэт своим стихотворением?

Денис Васильевич Давыдов (1784–1839)

«Я считаю себя рожденным единственно для рокового 1812 года» – эти слова принадлежат герою Бородинской битвы, лихому гусару, прославленному руководителю партизанского движения в годы Отечественной войны Денису Давыдову. Судьбу его предугадал замечательный полководец Александр Васильевич Суворов: «Ты выиграешь три сражения». И это предсказание сбылось. Денис Давыдов выиграл сражение военное – он не сходил с седла три десятилетия. Он выиграл сражение гражданское – был предан своему отечеству и готов был отдать за него жизнь. Наконец, он выиграл сражение литературное – в пушкинскую эпоху он вошел в литературу как самобытный поэт. «Он был поэт в душе, – утверждал В. Г. Белинский, – для него жизнь была поэзиею, а поэзия жизнью». Его гусарские песни, элегии, дружеские послания, как отмечал сам Денис Давыдов, «были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн». В его стихах утверждалось право человека на независимость, веселье и счастье. О славе Дениса Давыдова, удалого генерала и певца гусарской отваги, метко сказал Е. А. Баратынский:

Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!..

Бородинское поле

Элегия[2]

Умолкшие холмы, дол, некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы.

О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу – веди меня, я твой:
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

Но где вы?.. Слушаю… Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

Вопросы и задания

1. Историческая элегия «Бородинское поле» написана в 1829 году, в период между персидской и польской военными кампаниями, когда молчали «грозы боев» и поэт-гусар по воле «сильных» находился в глухой провинции, что и вызывает у него грустные мысли о «мече», упавшем из рук. Какие воспоминания рождаются в душе поэта в эти минуты? Каким чувством они проникнуты?

2. Проследите за общим планом стихотворения. В какой мере образы-картины, сменяющие друг друга, передают грустные размышления поэта?

3. В чем вы видите смысл концовки стихотворения?

1. Каких «счастливцев горделивых» вспоминает автор элегии «Бородинское поле»? Как он характеризует их? Какие слова высокого стиля употребляет поэт, размышляя о героическом прошлом, о боевых соратниках и друзьях?

Иван Иванович Козлов (1779–1840)

В литературу И. И. Козлов пришел поздно: первое его стихотворение было опубликовано лишь в 1821 году. К шестнадцати годам он стал подпоручиком, но предпочел гражданскую службу. Уже в молодые годы поражал своих друзей начитанностью и блестящим знанием иностранных языков. В 1818 году тяжелая болезнь приковала Ивана Козлова к постели, а через три года он потерял зрение. Жуковский свидетельствовал,

что Козлов «переносил бедственную свою участь с терпением удивительным – и Божий Промысел, пославший ему тяжкое испытание, даровал ему в то же время и великую отраду: поразив его болезнию, разлучившею его навсегда с внешним миром и со всеми его радостями, столь нам изменяющими, открыл он помраченному взору его весь внутренний, разнообразный и неизменчивый мир поэзии, озаренный верою, очищенный страданием». Стихи, которые рождались в его чутком воображении, он диктовал своей дочери Алине.

Козлов быстро приобрел известность благодаря элегиям, поэмам, переводам. Страстный любитель музыки, судьбою связанный со многими композиторами, он часто обращался в своем творчестве к романсу и песне. Классическими образцами романса стали его «Венецианская ночь» и «Романс», а «Вечерний звон» стал народной песней. «Козлов, – с восхищением говорил Н. В. Гоголь, – гармонический поэт, от которого раздались какие-то дотоле не слышанные, музыкально-сердечные звуки».

Вечерний звон

Т. С. Вдмрв-ой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!
Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

Вопросы и задания

1. Стихотворение «Вечерний звон», являющееся вольным переводом произведения английского поэта Т. Мура, проникнуто мотивами одиночества, вызванного потерей друзей, расставанием с ними. В каких словах стихотворения особенно сильно звучит чувство щемящей тоски о невозвратных днях и навсегда ушедших друзьях?

2. Как в стихотворении «Вечерний звон» создаются «музыкально-сердечные звуки»? Проследите за особенностями рифмы стихотворения. Какую роль играют в нем короткие слова «звон», «дум», «он», «дом», «дней», «сон»?

3. В подлиннике стихотворения содержался подзаголовок «Колокола Санкт-Петербурга». Как вы думаете, почему поэт в публикациях стихотворения отказался от подзаголовка?

Федор Николаевич Глинка (1786–1880)

За свою долгую жизнь Ф. Н. Глинка написал около 200 прозаических произведений и более 800 стихотворений. Высокую оценку поэзии Федора Глинки, как «может быть, самого оригинального» «изо всех наших поэтов» дал А. С. Пушкин. Широкую известность еще в XIX столетии получили его лирические миниатюры «Узник» («Не слышно шуму городского…»), «Тройка» («Вот мчится тройка удалая…»), ставшие народными песнями. Участник многих сражений Отечественной войны 1812 года, Глинка был за храбрость награжден рядом русских и иностранных орденов и золотой саблей. В одном из стихотворений 1823 года поэт провозгласил:

Рабы, влачащие оковы,
Высоких песен не поют!

Эти слова, подхваченные многими современниками и ставшие поговоркой, во многом объясняют деятельное участие Ф. Глинки в декабристских Союзе спасения и Союзе благоденствия. После поражения восстания 14 декабря 1825 года поэт был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и затем выслан в ссылку в город Петрозаводск. Отставленный от военной службы, он длительное время служил коллежским советником губернских правлений Петрозаводска, Твери, Орла. В своих стихотворениях, ставших известными в русской армии, Глинка откликнулся на события Крымской и русско-турецкой войн. Лирика поэта проникнута любовью к народу и отечеству.

Москва

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах;
Сколько храмов, сколько башен
На *семи* твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных…
Это *матушка Москва*!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У *Ивана-звонаря*?.

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле *ворот*?!

Ты не гнула крепкой выи[3]
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,

И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный*, град *сердечный*,
Коренной России град!

Вопросы и задания

1. Какие исторические события отражены в стихотворении?

2. Как раскрываются в стихотворении «Москва» две темы, обозначенные в первой строке, – тема «города чудного» и тема «города древнего»?

1. Почему поэт так часто использует риторические восклицания и риторические вопросы[4]? Проследите, как они сочетаются в стихотворении. В какой мере сочетание риторических восклицаний и риторических вопросов определяет общее построение стихотворения?

2. Почему поэт выделил отдельные слова стихотворения курсивом? Что он стремился подчеркнуть, используя курсив как средство выразительности письменной речи?

Алексей Николаевич Апухтин (1840–1893)

Я хочу во что-нибудь да верить,
Что-нибудь всем сердцем полюбить!.. —

в этих поэтических строках А. Н. Апухтина, исполненных жажды иной, лучшей жизни, отразилось характерное для всего творчества поэта противоречие между жизнью реальной, повседневной и жизнью чувства, воображения. Поэзия А. Апухтина не лишена гражданского пафоса. Его поэтическое творчество питают живительные соки любви к отечеству, поэта тревожит положение народа, он осознает трагизм исторического пути России. Далеко не случайно влечет поэта минувшее. Он ищет для себя опоры в пушкинской эпохе, в творчестве Пушкина. Следование поэтическим традициям великого предшественника определило творческую биографию Апухтина. В идеалах истины,

красоты и добра, воплощением которых стала лирика Пушкина, поэт находит нетленные источники для творческого вдохновения.

Первая книга стихов А. Н. Апухтина, изданная по настоянию его друзей, увидела свет очень поздно – лишь в 1886 году. Но и до выхода поэтического сборника его стихи были широко известны читательской публике. Они звучали на концертах, декламировались в камерной обстановке, распространялись в копиях и списках, послужили основой для многих популярных романсов. Многолетняя дружба поэта с П. И. Чайковским не только способствовала развитию музыкальности, звучности стиха поэта, но и привела к рождению популярных романсов, музыку к которым написал великий композитор («Ночи безумные, ночи бессонные…», «День ли царит, тишина ли ночная…»).

Солдатская песня о Севастополе

Не веселую, братцы, вам песню пою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималося облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей
И пришли к нам, и нас победили.

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом,
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом.

Я спою, как, покинув и дом и семью,
Шел в дружину помещик богатый,
Как мужик, обнимая бабенку свою,
Выходил ополченцем из хаты.

Я спою, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали,
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!

Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью,
Как за каждый клочок нашей русской земли

Нам платили враги своей кровью;

Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым
Под немолчные, тяжкие стоны
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы;

И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов ее смелых…

Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Вопросы и задания

1. Почему, воссоздавая в стихотворении недавнее историческое прошлое, А. Н. Апухтин обратился к жанру песни? Вам известны песни хороводные, плясовые, застольные, колыбельные, свадебные, любовные, бурлацкие, рекрутские, рабочие и т. д. Почему поэт назвал свое стихотворение «солдатской песней»? Как сам поэт характеризует сложенную им песню? Какие известные вам исторические факты героической обороны Севастополя 1854–1855 годов нашли отражение в песне-стихотворении?

1. В каких словах стихотворения особенно ярко выразилось благоговение поэта перед сынами России? Как охарактеризованы в стихотворении враги? Почему в изображении врагов автор «Солдатской песни о Севастополе» использует просторечные словосочетания и выражения?

2. Какую роль в песне-стихотворении выполняют повторы? Как соотносятся начальная и конечная строфы стихотворения?

Вопросы и задания ко всей теме

1. Какое стихотворение произвело на вас наиболее сильное впечатление? Почему? Прочтите стихотворение наизусть.

2. В каком из стихотворений наиболее ярко отражены

исторические события? Как в нем выражено отношение к прошлому?

1. Какие слова из стихотворений русских поэтов о былом вам оказались особенно близкими? Запомните эти слова.

Александр Дюма (1802–1870)

Три мушкетера

Историю Европы многие помнят не столько по сухим страницам учебников, сколько по увлекательным историческим романам, в частности по книгам Александра Дюма. Обращаясь к истории, Дюма не стремился к строгой документальности или постижению глубокого смысла событий. Его захватывала их зрелищная сторона, яркое проявление характеров и поведение людей в сложных и запутанных ситуациях. С утверждением нравственного начала связаны жизнерадостность, активность его персонажей, которые с безудержной смелостью и фантастической изобретательностью преодолевают всевозможные препятствия, никогда не нарушая кодекса благородства и чести.

Половину своей творческой жизни Дюма был драматургом: его пьесы неизменно привлекали французскую публику. Но наступил момент, когда автор пьес решил изменить свое творческое амплуа. Это был тот период в жизни Дюма, когда писатель решил воскресить историю Франции в серии романов. Следуя примеру Вальтера Скотта, он обратился к историческому роману. Вот как это объясняет его биограф: «Почему? Потому что он отвечал потребностям своего времени… Кто-то сказал, что воображение молодых людей 1820-х годов напоминало пустой дворец, на стенах которого висят портреты их славных предков. Дворцу надо было придать жилой вид. И так как современная мебель для этого не годилась, писателям пришлось прибегнуть к тому гигантскому мебельному складу, что зовется историей. Но история в скучном пересказе может стать мрачным кладбищем. Фантазия Вальтера Скотта сделала ее живой и красочной…» Вальтер Скотт, по мнению историка Огюстена Тьерри, умел, как никто, «передать исторический колорит». А. Дюма сделал другое: он сумел показать, что под придворными нарядами таятся люди с теми же страстями, что и у простых смертных. «Что такое история? – говорил он. – Это гвоздь, на который я вешаю свои романы».

Широкое признание пришло к Дюма-романисту в связи с выходом историко-авантюрной трилогии «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон», изобилующей множеством увлекательных событий, приключений, поединков, интриг.

Действие романа «Три мушкетера» происходит во Франции в первой половине XVII века. Отважные и великодушные мушкетеры Атос, Портос, Арамис и их друг Д'Артаньян готовы на самопожертвование ради отечества, дружбы, своих идеалов. Они совершают подвиги, спасая честь королевы Франции, и предотвращают военные конфликты, угрозу которых порождает политика кардинала Ришелье.

Роман «Двадцать лет спустя» повествует о временах кардинала Мазарини. Находчивость, ловкость, ум и точный расчет помогают мушкетерам в достижении целей, какими бы сложными ни были ситуации, в которых они оказывались.

«Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» завершает трилогию. В нем есть печальная история Рауля де Бражелона – сына Атоса, полюбившего подругу юности, которая стала фавориткой Людовика XIV. В романе повествуется о том, как завершилась жизнь отважных друзей. Это, действительно, конец эпопеи.

Однажды сына Александра Дюма спросили: «Как это получилось, что ваш отец за всю жизнь не написал ни одной скучной строчки?» – «Потому, – ответил младший Дюма, – что ему это было бы скучно…»

Беря материалы везде, где это было возможно, перерабатывая мемуары, редактируя добросовестные труды своих помощников, осуществленные по его замыслу и сюжету, он превращал их в шедевры, которые моментально расхватывали читатели.

О своем путешествии по России Александр Дюма оставил три тома воспоминаний, которые переиздаются до сих пор. Обратился он и к событиям русской истории, создав роман «Учитель фехтования», в котором с большой долей вымысла описал судьбу декабриста И. А. Анненкова и француженки Полины Гебль, которая последовала за ним в ссылку и стала там его женой.

Яркость сюжетов, убедительность характеров, стремительность повествования, владение живой речью отмечали не только критики, но и читатели. Но те же читатели зачастую видели и множество неточностей в воспроизведении событий истории. Читая романы Дюма, нужно помнить, что это занимательное чтение, которое приносит нам удовольствие и привлекает не точностью информации, а умением показать то, что особенно важно каждому. В любую эпоху людям свойственно проявление человеческих чувств: любовь и ненависть, смелость и трусость, нравственная ответственность за свои поступки и предательство. В конечном счете книги Александра Дюма адресованы к миру чувств, а не к холодному разуму.

Возможно, учащиеся с интересом прочтут роман Александра

Дюма «Три мушкетера». Обсудить произведение на уроке внеклассного чтения помогут вопросы и задания учебника.

Вопросы и задания для самостоятельного прочтения романа

▶**1.** Как вы объясняете название романа? Как известно, друзей, приключения которых в нем описаны, было четверо, а не трое.

2. Согласны ли вы с тем, что роман считается авантюрно-историческим?

3. Есть ли в романе герой, которого можно считать главным действующим лицом произведения? Кто он? Докажите, что именно он в центре всех событий романа.

4. Какие события представляются вам наиболее яркими, организующими сюжет произведения? Есть ли среди них подлинные исторические события? Какие?

5. Какой век изображен в романе? Какие приметы времени вы можете выделить в романе?

▶▶**1.** Какую роль играет пейзаж в романе?

2. Какие интерьеры вам особенно запомнились?

3. Попробуйте охарактеризовать особенности мастерства автора.

▶▶▶**1.** Дает ли авантюрно-исторический роман представление об изображенной эпохе? Как бы вы охарактеризовали его роль в формировании вашего представления об историческом времени?

2. Какие качества и поступки абсолютно неприемлемы для героев романа? Насколько они неприемлемы для вас?

3. Каков кодекс чести героев романа? Насколько он кажется вам применимым в наше время?

4. Связаны ли подвиги героев романа со служением даме или у этих подвигов нет вдохновительницы?

5. Как вы представляете характер и облик Миледи? Это романтическая фигура или в том, как она описана, вы видите черты реального характера?

6. Чем привлек вас как читателей этот роман: увлекательным приключенческим сюжетом, характерами и поступками его героев, мастерством повествования, близостью позиций автора к вашим взглядам на жизнь?

7. Какие мысли и чувства возникают при чтении этого романа?

8. Чем можно объяснить появление бесконечного количества инсценировок и киновариантов сюжета романа?

9. Попробуйте инсценировать с одноклассниками любой эпизод романа.

Алексей Константинович Толстой (1817–1875)

Алексей Константинович Толстой был из тех баловней судьбы, которым с детства даны талант, любовь ближних, знатность и богатство. Его мать была дочкой основателя Царскосельского лицея, который слушал, как Пушкин на экзамене читал «Воспоминания в Царском Селе». Отец принадлежал к знаменитому роду Толстых. Воспитывал его дядя Алексей Алексеевич Перовский (литературный псевдоним – Антоний Погорельский). Он написал для племянника сказку «Черная курица, или Подземные жители», которая популярна и сейчас.

Мальчик очень рано и легко стал писать стихи. «С шестилетнего возраста я начал марать бумагу и писать стихи – настолько поразили мое воображение некоторые произведения наших лучших поэтов, найденные мною в каком-то толстом, плохо отпечатанном и плохо сброшюрованном сборнике… я упивался музыкой разнообразных ритмов и старался усвоить их технику. Мои первые опыты были, без сомнения, нелепы, но в метрическом отношении они отличались безупречностью» – так вспоминал сам Толстой. Дядя показывал его стихи Пушкину и Жуковскому, которые высоко оценили первые опыты подростка. Серьезный воспитатель и опытный литератор, Перовский видел опасность в таком легком успехе и сделал так, чтобы одно из стихотворений племянника было напечатано в журнале в сопровождении строгого критического разбора. Чтение беспощадной и остроумной критики надолго отбило у мальчика охоту к торопливым публикациям.

Близость к царскому двору определяла судьбы членов семьи: его мать была пожалована во фрейлины, а Алеша представлен своему ровеснику – наследнику престола и будущему царю Александру II, что впоследствии скажется на судьбе Толстого и надолго привяжет его к светской жизни.

Десятилетним мальчиком Толстой вместе со своим дядей посетил Гёте и так понравился великому поэту, что получил в подарок кусок клыка мамонта с изображением фрегата, нарисованным великим поэтом. Заграничные поездки давали Алеше очень много: «Та или иная картина или статуя, равно как и хорошая музыка, производили на меня такое сильное впечатление, что волосы мои буквально поднимались на голове».

Окончив в 18 лет словесный факультет Московского университета, он начал служить и вести светскую жизнь. Вокруг

было много друзей. Молодых людей объединяли не только общий круг знакомств, но и развлечения, неудержимое юношеское озорство. Двоюродные братья Жемчужниковы – хорошие приятели Алексея Толстого – были талантливы и остроумны. Один из них записывал лекции по истории в виде карикатур и потом легко учил уроки и сдавал экзамены по своим рисункам, другой брат вел нечто вроде стихотворного дневника. У этих шуток было будущее: братья Жемчужниковы впоследствии станут вместе с Алексеем Толстым создателями премудрого Козьмы Пруткова, сочинения которого издают до сих пор.

В мае 1851 года Толстого сделали «церемониймейстером Двора Его Величества». Но его все больше тянуло к творчеству, и все ненавистней становилась официальная служба. Толстой добился отставки только в 1861 году. Началось напряженное и продуктивное творчество. Создавались и завершались произведения, которые до этого никак не могли быть закончены.

1862 год – опубликована драматическая поэма «Дон Жуан».

1863 год – опубликован роман «Князь Серебряный».

1866–1870 годы – опубликована историческая трилогия – трагедии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис».

1867 год – опубликовано первое собрание стихотворений.

В последнее десятилетие создавались баллады, стихотворные политические сатиры («История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», «Сон Попова»); поэмы, лирические стихи.

Творчество Алексея Константиновича Толстого проникнуто интересом к национальной старине, неприятием политической тирании, любовью к природе родного края. Особое значение он придавал созданию своеобразных и ярких характеров исторических лиц.

Василий Шибанов

Одним из первых произведений А. К. Толстого на тему русской истории была баллада «Василий Шибанов». О ней велись споры, которые выходили за рамки чисто литературных проблем и поднимали нравственные и даже философские вопросы. Толстой, активно работавший над созданием баллад, разрушал привычное представление о драматической балладе как о произведении, которое часто изображает столкновение деспота и непокорного ему человека.

Князь Курбский от царского гнева

бежал,
С ним Васька Шибанов,
стремянный.
Дороден был князь. Конь измученный
пал.
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Свого отдает воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану».

И князь доскакал. Под литовским
шатром
Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает;
Недаром дивится литовский
народ,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался
другом».

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То все я пространно к царю
напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?

Кому не люба на плечах голова,
Чье сердце в груди не
сожмется?
Невольно сомненья на князя нашли…
Вдруг входит Шибанов в поту
и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали?»

И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки».

Звон медный несется, гудит над
Москвой;
Царь в смирной одежде
трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский
народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский
лютый,
Звонит всей опрични кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной
душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов.

Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,

Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского князя Андрея!»
И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль – и внимает:

«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради
грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой
войны,
Без счета твердыни врагов
сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишись бессмертнее
нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лиях и лиях,
С тобой пред судьею предстану!» —
Так Курбский писал к Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный
взгляд,
Как будто исполнен печали;

И все в ожиданье молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой
прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами
поправ,
Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных
у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой
в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей
наконец?»
«Царь, слово его все едино:
Он славит свого господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну, что же, назвал ли злодеев
гонец?»
«Царь, близок ему уж приходит
конец,
Но слово его все едино,
Он славит свого господина:

„О князь, ты, который предать меня
мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе Бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, Боже, в предсмертный
мой час,
Язык мой немеет, и взор мой

угас,
Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, Боже, в предсмертный
мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое все едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной!“ —
Так умер Шибанов, стремянный.»

Вопросы и задания

1. Как построена баллада? Найдите завязку, кульминацию и развязку.

2. Какую роль в развитии сюжета играют Курбский и царь Иоанн? Почему автор назвал балладу «Василий Шибанов»?

3. Какой эпизод показался вам самым убедительным для характеристики главного героя?

1. Какие художественные приемы активно использует автор при характеристике своих героев и при описании событий?

2. Какие метафоры передают эмоциональное состояние героев?

1. Сравните первую и последнюю строки баллады. Как вы охарактеризуете их роль в развитии сюжета?

2. Создайте краткий рассказ об одном из героев баллады.

3. Составьте краткий словарь устаревших слов, которые использует автор в балладе. Объясните, с какой целью они помещены в текст.

Князь Серебряный. *Главы из романа*

Историческая эпоха на страницах романа. Роман Алексея Константиновича Толстого, популярный до сих пор, был опубликован в 1863 году. Работа над ним велась более десяти лет. Сам автор предпослал первому изданию предисловие, в котором говорил о своих целях и признавался в том, что отступил от некоторых конкретных исторических фактов. «В отношении к ужасам того времени, – отмечает писатель, – автор оставался

постоянно ниже истории. Из уважения к искусству и к нравственному чувству читателя, он набросил на них тень и показал их по возможности в отдалении. Тем не менее он сознается, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук, и он бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иван IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования… Если удалось ему воскресить наглядно физиономию очерченной им эпохи, он не будет сожалеть о своем труде и почтет себя достигшим желанной цели».

Что же это была за эпоха? Какие сведения об изображенном периоде стоит вам вспомнить? Прежде всего, опричнина. Название происходит от слова «опричь» – кроме, особо. Современник, который излагал царский указ об основании опричнины, писал о ней: «Особный двор». Это был специально проверенный круг людей, беспрекословно покорное царю войско. Опричнина находилась в непосредственном подчинении у царя, и на ее содержание была выделена большая территория.

Конечно, земельные, финансовые и военные реформы Ивана Грозного были направлены на укрепление Русского централизованного государства. Спустя столетия можно толковать о том, что политически они обозначали прогрессивные шаги правления Ивана IV. Но те жестокие формы, которые приняла при Грозном политическая борьба со знатными боярами и с любым противодействием или предполагаемым противодействием, конечно, вызывают резкий протест. А. К. Толстой оживил несколько страниц этого страшного времени и показал, что и оно имело своих героев. На мрачном фоне ярче видны светлые судьбы, яркие характеры, достойные поступки.

Писатель смотрит на события истории глазами сочувствующего людям свидетеля. Его стремление утвердить благородство и чистоту поступков и помыслов, беспрекословная вера в возможность существования благородного человека в любую, даже самую мрачную эпоху, привлекают читателей.

Глава 8. Пир

В огромной двусветной палате, между узорчатыми расписными столбами, стояли длинные столы в три ряда. В каждом ряду было по десяти столов, на каждом столе по двадцати приборов. Для царя, царевича и ближайших любимцев стояли особые столы в конце палаты. Гостям были приготовлены длинные скамьи, покрытые парчою и бархатом; государю –

высокие резные кресла, убранные жемчужными и алмазными кистями. Два льва заменяли ножки кресел, а спинку образовал двуглавый орел с подъятыми крыльями, золоченый и раскрашенный. В середине палаты стоял огромный четвероугольный стол с поставом из дубовых досок. Крепки были толстые доски, крепки точеные столбы, на коих покоился стол; им надлежало поддерживать целую гору серебряной и золотой посуды. Тут были и тазы литые, которые четыре человека с трудом подняли бы за узорчатые ручки, и тяжелые ковши, и кубки, усыпанные жемчугом, и блюда разных величин с чеканными узорами. Тут были и чары сердоликовые, и кружки из строфокамиловых[5] яиц, и турьи рога, оправленные в золото. А между блюдами и ковшами стояли золотые кубки странного вида, представлявшие медведей, львов, петухов, павлинов, журавлей, единорогов и строфокамилов. И все эти тяжелые блюда, суды, ковши, чары, черпала, звери и птицы громоздились кверху клинообразным зданием, которого конец упирался почти в самый потолок.

Чинно вошла в палату блестящая толпа царедворцев и разместилась по скамьям. На столах в это время, кроме солонок, перечниц и уксусниц, не было никакой посуды, а из яств стояли только блюда холодного мяса на постном масле, соленые огурцы, сливы и кислое молоко в деревянных чашах. Опричники не начинали обеда, ожидая государя.

Вскоре стольники попарно вошли в палату и стали у царских кресел; за стольниками шествовали дворецкий и кравчий.

Наконец загремели трубы, зазвенели дворцовые колокола, и медленным шагом вошел сам царь, Иван Васильевич.

Он был высок, строен и широкоплеч. Длинная парчовая одежда его, испещренная узорами, была окаймлена вдоль разреза и вокруг подола жемчугом и дорогими каменьями. Драгоценное перстяное ожерелье[6] украшалось финифтевыми изображениями Спасителя, Богоматери, апостолов и пророков. Большой узорный крест висел у него на шее на золотой цепи. Высокие каблуки красных сафьянных сапогов были окованы серебряными скобами. Страшную перемену увидел в Иоанне Никита Романович. Правильное лицо все еще было прекрасно; но черты обозначались резче, орлиный нос стал как-то круче, глаза горели мрачным огнем, и на челе явились морщины, которых не было прежде. Всего более поразили князя редкие волосы в бороде и усах. Иоанну было от роду тридцать пять лет; но ему казалось далеко за сорок. Выражение лица его совершенно изменилось. Так изменяется здание после пожара. Еще стоят хоромы, но украшения упали, мрачные окна глядят зловещим взором, и в

пустых покоях поселилось недоброе.

Со всем тем, когда Иоанн взирал милостиво, взгляд его еще был привлекателен. Улыбка его очаровывала даже тех, которые хорошо его знали и гнушались его злодеяниями. С такою счастливою наружностью Иоанн соединял необыкновенный дар слова. Случалось, что люди добродетельные, слушая царя, убеждались в необходимости ужасных его мер и верили, пока он говорил, справедливости его казней.

С появлением Иоанна все встали и низко поклонились ему. Царь медленно прошел между рядами столов до своего места, остановился и, окинув взором собрание, поклонился на все стороны; потом прочитал вслух длинную молитву, перекрестился, благословил трапезу и опустился в кресла. Все, кроме кравчего и шести стольников, последовали его примеру.

Множество слуг стали перед государем, поклонились ему в пояс и по два в ряд отправились за кушаньем. Вскоре они возвратились, неся сотни две жареных лебедей на золотых блюдах. Этим начался обед.

Серебряному пришлось сидеть недалеко от царского стола, вместе с земскими боярами, то есть с такими, которые не принадлежали к опричнине, но, по высокому сану своему, удостоились на этот раз обедать с государем. Некоторых из них Серебряный знал до отъезда своего в Литву. Он мог видеть с своего места и самого царя, и всех бывших за его столом. Грустно сделалось Никите Романовичу, когда он сравнил Иоанна, оставленного им пять лет тому назад, с Иоанном, сидящим ныне в кругу новых любимцев.

Никита Романович обратился с вопросом к своему соседу, одному из тех, с которыми он был знаком прежде.

– Кто этот отрок, что сидит по правую руку царя, такой бледный и пасмурный?

– Это царевич Иоанн Иоаннович, – отвечал боярин и, оглянувшись по сторонам, прибавил шепотом:

– Помилуй нас, Господи! Не в деда он пошел, а в батюшку, и не по младости исполнено его сердце свирепства; не будет нам утехи от его царствованья!

– А этот молодой черноглазый, в конце стола, с таким приветливым лицом? Черты его мне знакомы, но не припомню, где я его видел?

– Ты видел его, князь, пять лет тому, рындою[7] при дворе государя; только далеко ушел он с тех пор и далеко уйдет еще; это Борис Федорович Годунов, любимый советник царский. Видишь, – продолжал боярин, понижая голос, – видишь возле него этого широкоплечего, рыжего, что ни на кого не смотрит, а

убирает себе лебедя, нахмуря брови? Знаешь ли, кто это? Это Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, по прозванию Малюта. Он и друг, и поплечник[8], и палач государев. Здесь же, в монастыре, он сделан, прости Господи, параклисиархом. Кажется, государь без него ни шагу; а скажи только слово Борис Федорыч, так выйдет не по Малютину, а по Борисову! А вон там, этот молоденький, словно красная девица, что царю наряжает вина, это Федор Алексеич Басманов.

– Этот? – спросил Серебряный, узнавая женоподобного юношу, которого наружность поразила его на царском дворе, а неожиданная шутка чуть не стоила ему жизни.

– Он самый. Уж как царь-то любит его; кажется, жить без него не может; а случись дело какое, у кого совета спросят? Не у него, а у Бориса!

– Да, – сказал Серебряный, вглядываясь в Годунова, – теперь припоминаю его. Не ездил ли он у царского саадака[9]?

– Так, князь. Он точно был у саадака. Кажется, должность незнатная, как тут показать себя? Только случилось раз, затеяли на охоте из лука стрелять. А был тут ханский посол Девлет-Мурза. Тот, что ни пустит стрелу, так и всадит ее в татарскую шляпу, что поставили на шесте, ступней во сто от царской ставки. Дело-то было уж после обеда, и много ковшей уже прошло кругом стола. Вот встал Иван Васильевич, да и говорит: «Подайте мне мой лук, и я не хуже татарина попаду!» А татарин-то обрадовался: «Попади, бачка-царь! – говорит, – моя пошла тысяча лошадей табун, а твоя что пошла?» – то есть, по-нашему, во что ставишь заклад свой? «Идет город Рязань!» – сказал царь и повторил: «Подайте мой лук!» Бросился Борис к коновязи, где стоял конь с саадаком, вскочил в седло, только видим мы, бьется под ним конь, вздымается на дыбы, да вдруг как пустится, закусив удила, так и пропал с Борисом. Через четверть часа вернулся Борис, и колчан и налучье изорваны, лук пополам, стрелы все рассыпались, сам Борис с разбитой головой. Соскочил с коня, да и в ноги царю: «Виноват, государь, не смог коня удержать, не соблюл твоего саадака!» А у царя, вишь, меж тем хмель-то уж выходить начал. «Ну, говорит, не быть же боле тебе, неучу, при моем саадаке, а из чужого лука стрелять не стану!» С этого дня пошел Борис в гору, да посмотри, князь, куда уйдет еще! И что это за человек, – продолжал боярин, глядя на Годунова, – никогда не суется вперед, а всегда тут; никогда не прямит, не перечит царю, идет себе окольным путем, ни в какое кровавое дело не замешан, ни к чьей казни не причастен. Кругом его кровь так и хлещет, а он себе и чист и бел как младенец, даже и в опричнину не вписан. Вон тот, – продолжал он, указывая на человека с

недоброю улыбкой, – то Алексей Басманов, отец Федора, а там, подале, Василий Грязной…

Серебряный слушал с любопытством и с горестью.

– Скажи, боярин, – спросил он, – кто этот высокий кудрявый, лет тридцати, с черными глазами? Вот уж он четвертый кубок осушил, один за другим, да еще какие кубки! Здоров он пить, нечего сказать, только вино ему будто не на радость. Смотри, как он нахмурился, а глаза-то горят словно молонья. Да что он, с ума сошел? Смотри, как скатерть ножом порет!

– Этого-то, князь, ты, кажись бы, должен знать; этот был из наших. Правда, переменился он с тех пор, как, всему боярству на срам, в опричники пошел! Это князь Афанасий Иваныч Вяземский. Он будет всех их удалее, только не вынести ему головы! Как прикачнулась к его сердцу зазнобушка, сделался он сам не свой. И не видит ничего, и не слышит, и один с собою разговаривает, словно помешанный, а при царе держит такие речи, что индо страшно. Но до сих пор ему все с рук сходило; жалеет его государь. А говорят, он по любви и в опричники-то вписался.

И боярин нагнулся к Серебряному, желая, вероятно, рассказать ему подробнее про Вяземского, но в это время подошел к ним стольник и сказал, ставя перед Серебряным блюдо жаркого:

– Никита-ста! Великий государь жалует тебя блюдом с своего стола.

Князь встал и, следуя обычаю, низко поклонился царю.

Тогда все, бывшие за одним столом с князем, также встали и поклонились Серебряному, в знак поздравления с царскою милостью. Серебряный должен был каждого отблагодарить особым поклоном.

Между тем стольник возвратился к царю и сказал ему, кланяясь в пояс:

– Великий государь! Никита-ста принял блюдо, челом бьет!

Когда съели лебедей, слуги вышли попарно из палаты и возвратились с тремя сотнями жареных павлинов, которых распущенные хвосты качались над каждым блюдом, в виде опахала. За павлинами следовали кулебяки, курники, пироги с мясом и с сыром, блины всех возможных родов, кривые пирожки и оладьи. Пока гости кушали, слуги разносили ковши и кубки с медами: вишневым, можжевеловым и черемховым. Другие подавали разные иностранные вина: романею, рейнское и мушкатель. Особые стольники ходили взад и вперед между рядами, чтобы смотреть и всказывать в столы.

Напротив Серебряного сидел один старый боярин, на

которого царь, как поговаривали, держал гнев. Боярин предвидел себе беду, но не знал какую и ожидал спокойно своей участи. К удивлению всех, кравчий Федор Басманов из своих рук поднес ему чашу вина.

– Василий-су! – сказал Басманов, – великий государь жалует тебя чашею!

Старик встал, поклонился Иоанну и выпил вино, а Басманов, возвратясь к царю, донес ему:

– Василий-су выпил чашу, челом бьет!

Все встали и поклонились старику; ожидали себе и его поклона, но боярин стоял неподвижно. Дыхание его сперлось, он дрожал всем телом. Внезапно глаза его налились кровью, лицо посинело, и он грянулся оземь.

– Боярин пьян, – сказал Иван Васильевич, – вынести его вон! – Шепот пробежал по собранию, а земские бояре переглянулись и потупили очи в свои тарелки, не смея вымолвить ни слова.

Серебряный содрогнулся. Еще недавно не верил он рассказам о жестокости Иоанна, теперь же сам сделался свидетелем его ужасной мести.

«Уж не ожидает ли и меня такая же участь?» – подумал он. Между тем старика вынесли, и обед продолжался, как будто ничего не случилось. Гусли звучали, колокола гудели, царедворцы громко разговаривали и смеялись. Слуги, бывшие в бархатной одежде, явились теперь все в парчовых доломанах. Эта перемена платья составляла одну из роскошей царских обедов. На столы поставили сперва разные студени; потом журавлей с пряным зельем, рассольных петухов с инбирем, бескостных куриц и уток с огурцами. Потом принесли разные похлебки и трех родов уху: курячью белую, курячью черную и курячью шафранную. За ухою подали рябчиков со сливами, гусей со пшеном и тетерек с шафраном.

Тут наступил прогул, в продолжение которого разносили гостям меды, смородинный, княжий и боярский, а из вин: аликант, бастр и малвазию.

Разговоры становились громче, хохот раздавался чаще, головы кружились. Серебряный, всматриваясь в лица опричников, увидел за отдаленным столом молодого человека, который несколько часов перед тем спас его от медведя. Князь спросил об нем у соседей, но никто из земских не знал его. Молодой опричник, облокотясь на стол и опустив голову на руки, сидел в задумчивости и не участвовал в общем веселье. Князь хотел было обратиться с вопросом к проходившему слуге, но вдруг услышал за собой:

– Никита-ста! Великий государь жалует тебя чашею!

Серебряный вздрогнул. За ним стоял, с наглою усмешкой, Федор Басманов и подавал ему чашу.

Не колеблясь ни минуты, князь поклонился царю и осушил чашу до капли. Все на него смотрели с любопытством, он сам ожидал неминуемой смерти и удивился, что не чувствует действий отравы. Вместо дрожи и холода благотворная теплота пробежала по его жилам и разогнала на лице его невольную бледность. Напиток, присланный царем, был старый и чистый бастр. Серебряному стало ясно, что царь или отпустил вину его, или не знает еще об обиде опричнины.

Уже более четырех часов продолжалось веселье, а стол был только во полустоле. Отличилися в этот день царские повара. Никогда так не удавались им лимонный кальп, верченые почки и караси с бараниной. Особенное удивление возбуждали исполинские рыбы, пойманные в Студеном море и присланные в Слободу из Соловецкого монастыря. Их привезли живых, в огромных бочках; путешествие продолжалось несколько недель. Рыбы эти едва умещались на серебряных и золотых тазах, которые вносили в столовую несколько человек разом. Затейливое искусство поваров выказалось тут в полном блеске. Осетры и шевриги были так надрезаны, так посажены на блюда, что походили на петухов с простертыми крыльями, на крылатых змиев с разверстыми пастями. Хороши и вкусны были также зайцы в лапше, и гости как уже ни нагрузились, но не пропустили ни перепелов с чесночною подливкой, ни жаворонков с луком и шафраном. Но вот, по знаку стольников, убрали со столов соль, перец и уксус и сняли все мясные и рыбные яства. Слуги вышли по два в ряд и возвратились в новом убранстве. Они заменили парчовые доломаны летними кунтушами из белого аксамита с серебряным шитьем и собольею опушкой. Эта одежда была еще красивее и богаче двух первых. Убранные таким образом, они внесли в палату сахарный кремль, в пять пудов весу, и поставили его на царский стол. Кремль этот был вылит очень искусно. Зубчатые стены и башни, и даже пешие и конные люди, были тщательно отделаны. Подобные кремли, но только поменьше, пуда в три, не более, украсили другие столы. Вслед за кремлями внесли около сотни золоченых и крашеных деревьев, на которых вместо плодов висели пряники, коврижки и сладкие пирожки. В то же время явились на столах львы, орлы и всякие птицы, литые из сахара. Между городами и птицами возвышались груды яблоков, ягод и волошских орехов. Но плодов никто уже не трогал, все были сыты. Иные допивали кубки романеи, более из приличия, чем от жажды, другие дремали, облокотясь на стол; многие лежали под лавками, все без исключения распоясались и

расстегнули кафтаны. Нрав каждого обрисовался яснее.

Царь почти вовсе не ел. В продолжение стола он много рассуждал, шутил и милостиво говорил с своими окольными. Лицо его не изменилось в конце обеда. То же можно было сказать и о Годунове. Борис Федорович, казалось, не отказывался ни от лакомого блюда, ни от братины крепкого вина; он был весел, занимал царя и любимцев его умным разговором, но ни разу не забывался. Черты Бориса являли теперь, как и в начале обеда, смесь проницательности, обдуманного смирения и уверенности в самом себе. Окинув быстрым взором толпу пьяных и сонных царедворцев, молодой Годунов неприметно улыбнулся, и презрение мелькнуло на лице его.

Царевич Иоанн пил много, ел мало, молчал, слушал и вдруг перебивал говорящего нескромною или обидною шуткой. Более всех доставалось от него Малюте Скуратову, хотя Григорий Лукьянович не похож был на человека, способного сносить насмешки. Наружность его вселяла ужас в самых неробких. Лоб его был низок и сжат, волосы начинались почти над бровями; скулы и челюсти, напротив, были несоразмерно развиты, череп, спереди узкий, переходил без всякой постепенности в какой-то широкий котел к затылку, а за ушами были такие выпуклости, что уши казались впалыми. Глаза неопределенного цвета не смотрели ни на кого прямо, но страшно делалось тому, кто нечаянно встречал их тусклый взгляд. Казалось, никакое великодушное чувство, никакая мысль, выходящая из круга животных побуждений, не могла проникнуть в этот узкий мозг, покрытый толстым черепом и густою щетиной. В выражении этого лица было что-то неумолимое и безнадежное. Глядя на Малюту, чувствовалось, что всякое старание отыскать в нем человеческую сторону было бы напрасно. И подлинно, он нравственно уединил себя от всех людей, жил посреди их особняком, отказался от всякой дружбы, от всяких приязненных отношений, перестал быть человеком и сделал из себя царскую собаку, готовую растерзать без разбора всякого, на кого Иоанну ни вздумалось бы натравить ее.

Единственною светлою стороной Малюты казалась горячая любовь его к сыну, молодому Максиму Скуратову; но то была любовь дикого зверя, любовь бессознательная, хотя и доходившая до самоотвержения. Ее усугубляло любочестие Малюты. Происходя сам от низкого сословия, будучи человеком *худородным*, он мучился завистью при виде блеска и знатности и хотел, по крайней мере, возвысить свое потомство, начиная с сына своего. Мысль, что Максим, которого он любил тем сильнее, что не знал другой родственной привязанности, будет всегда

стоять в глазах народа ниже тех гордых бояр, которых он, Малюта, казнил десятками, приводила его в бешенство. Он старался золотом достичь почестей, недоступных ему по рождению, и с сугубым удовольствием предавался убийствам: он мстил ненавистным боярам, обогащался их добычею и, возвышаясь в милости царской, думал возвысить и возлюбленного сына. Но независимо от этих расчетов кровь была для него потребностью и наслаждением. Много душегубств совершил он своими руками, и летописи рассказывают, что иногда, после казней, он собственноручно рассекал мертвые тела топором и бросал их псам на съедение. Чтобы довершить очерк этого лица, надобно прибавить, что, несмотря на свою умственную ограниченность, он, подобно хищному зверю, был в высшей степени хитер, в боях отличался отчаянным мужеством, в сношениях с другими был мнителен, как всякий раб, попавший в незаслуженную честь, и что никто не умел так помнить обиды, как Малюта Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский.

Таков был человек, над которым столь неосторожно издевался царевич.

Особенный случай подал Иоанну Иоанновичу повод к насмешкам. Малюта, мучимый завистью и любочестием, издавна домогался боярства; но царь, уважавший иногда обычаи, не хотел унизить верховный русский сан в лице своего худородного любимца и оставлял происки его без внимания. Скуратов решился напомнить о себе Иоанну. В этот самый день, при выходе царя из опочивальни, он бил ему челом, исчислил все свои заслуги и в награждение просил боярской шапки. Иоанн выслушал его терпеливо, засмеялся и назвал собакой. Теперь, за столом, царевич напоминал Малюте о неудачной его челобитне. Не напомнил бы о ней царевич, если бы знал короче Григорья Лукьяновича!

Малюта молчал и становился бледнее. Царь с неудовольствием замечал неприязненные отношения между Малютой и сыном. Чтобы переменить разговор, он обратился к Вяземскому.

– Афанасий, – сказал он полуласково, полунасмешливо, – долго ли тебе кручиниться! Не узнаю моего доброго опричника! Иль вконец заела тебя любовь – змея лютая?

– Вяземский не опричник – заметил царевич. – Он вздыхает, как красная девица. Ты б, государь-батюшка, велел надеть на него сарафан да обрить ему бороду, как Федьке Басманову, или приказал бы ему петь с гуслярами. Гусли-то ему, я чай, будут сподручнее сабли!

– Царевич! – вскричал Вяземский, – если бы тебе было годков

пять поболе да не был бы ты сынок государев, я бы за бесчестие позвал тебя к Москве на Троицкую площадь, мы померялись бы с тобой, и сам Бог рассудил бы, кому владеть саблей, кому на гуслях играть!

– Афонька! – сказал строго царь. – Не забывай, перед кем речь ведешь!

– Что ж, батюшка, господин Иван Васильевич, – отвечал дерзко Вяземский, – коли повинен я перед тобой, вели мне голову рубить, а царевичу не дам порочить себя.

– Нет, – сказал, смягчаясь, Иван Васильевич, который за молодечество прощал Вяземскому его выходки, – рано Афоне голову рубить! Пусть еще послужит на царской службе. Я тебе, Афоня, лучше сказку скажу, что рассказывал мне прошлою ночью слепой Филька: «В славном Ростове, в красном городе, проживал добрый молодец, Алеша Попович. Полюбилась ему пуще жизни молодая княгиня, имени не припомню. Только была она, княгиня, замужем за старым Тугарином Змиевичем, и как ни бился Алеша Попович, всё только отказы от нее получал. „Не люблю-де тебя, добрый молодец; люблю одного мужа мово, милого, старого Змиевича“». – «Добро, – сказал Алеша, – полюбишь же ты и меня, белая лебедушка!» Взял двенадцать слуг своих добрыих, вломился в терем Змиевича и увез его молоду жену. «Исполать тебе, добрый молодец, – сказала жена, – что умел меня любить, умел и мечом добыть; и за то я тебя люблю пуще жизни, пуще свету, пуще старого поганого мужа мово Змиевича!» А что, Афоня, – прибавил царь, пристально смотря на Вяземского, – как покажется тебе сказка слепого Фильки?

Жадно слушал Вяземский слова Ивана Васильевича. Запали они в душу его, словно искры в снопы овинные, загорелась страсть в груди его, запылали очи пожаром.

– Афанасий, – продолжал царь, – я этими днями еду молиться в Суздаль, а ты ступай на Москву к боярину Дружине Морозову, спроси его о здоровье, скажи, что я-де прислал тебя снять с него мою опалу… Да возьми, – прибавил он значительно, – возьми с собой, для почету, поболе опричников!

Серебряный видел с своего места, как Вяземский изменился в лице и как дикая радость мелькнула на чертах его, но не слыхал он, о чем шла речь между князем и Иваном Васильевичем.

Кабы догадался Никита Романович, чему радуется Вяземский, забыл бы он близость государеву, сорвал бы со стены саблю острую и рассек бы Вяземскому буйную голову. Погубил бы Никита Романович и свою головушку, но спасли его на этот раз гусли звонкие, колокола дворцовые и говор опричников. Не узнал он, чему радуется Вяземский.

Наконец Иоанн встал. Все царедворцы зашумели, как пчелы, потревоженные в улье. Кто только мог, поднялся на ноги, и все поочередно стали подходить к царю, получать от него сушеные сливы, которыми он наделял братию из собственных рук.

В это время сквозь толпу пробрался опричник, не бывший в числе пировавших, и стал шептать что-то на ухо Малюте Скуратову. Малюта вспыхнул, и ярость изобразилась на лице его. Она не скрылась от зоркого глаза царя. Иоанн потребовал объяснения.

– Государь! – вскричал Малюта, – дело неслыханное! Измена, бунт на твою царскую милость!

При слове «измена» царь побледнел и глаза его засверкали.

– Государь, – продолжал Малюта, – намедни послал я круг Москвы объезд, для того, государь, так ли московские люди соблюдают твой царский указ? Как вдруг неведомый боярин с холопями напал на объезжих людей. Многих убили до смерти, и больно изувечили моего стремянного. Он сам здесь, стоит за дверьми, жестоко избитый! Прикажешь призвать?

Иоанн окинул взором опричников и на всех лицах прочел гнев и негодованье. Тогда черты его приняли выражение какого-то странного удовольствия, и он сказал спокойным голосом:

– Позвать!

Вскоре расступилась толпа, и в палату вошел Матвей Хомяк с повязанною головой. <…>

Вопросы и задания к главе 8

▶**1.** А. К. Толстой утверждал, что точно воспроизводит быт и внешние приметы прошлого. Попробуйте охарактеризовать и оценить восьмичасовой пир Ивана Грозного на семьсот человек. Составьте план рассказа о царском пиршестве.

2. Каким изображает Толстой царя Иоанна IV? На чем акцентирует внимание читателей?

▶▶▶**1.** Расскажите о царском окружении, опираясь на текст главы.

2. Напишите миниатюру от лица князя Серебряного «Месть Иоанна».

3. Зачем царь рассказывал сказку слепого Фильки князю Вяземскому? Какую роль она сыграла в развитии сюжета?

Глава 14. Оплеуха

В то самое время, как Малюта и Хомяк, сопровождаемые

отрядом опричников, везли незнакомца к Поганой Луже, Серебряный сидел в дружеской беседе с Годуновым за столом, уставленным кубками.

– Скажи, Борис Федорыч, – говорил Серебряный, – что сталось с царем сею ночью? С чего поднялась вся Слобода на полунощницу? Аль то у вас часто бывает?

Годунов пожал плечами.

– Великий государь наш, – сказал он, – часто жалеет и плачет о своих злодеях и часто молится за их души. А что он созвал нас на молитву ночью, тому дивиться нечего. Сам Василий Великий во втором послании к Григорию Назианзину говорит: что другим утро, то трудящимся в благочестии полунощь. Среди ночной тишины, когда ни очи, ни уши не допускают в сердце вредительного, пристойно уму человеческому пребывать с Богом!

– Борис Федорыч! Случалось мне видеть и прежде, как царь молился; оно было не так. Все теперь стало иначе. И опричнины я в толк не возьму. Это не монахи, а разбойники. Немного дней, как я на Москву вернулся, а столько неистовых дел наслышался и насмотрелся, что и поверить трудно. Должно быть, обошли государя. Вот ты, Борис Федорыч, близок к нему, он любит тебя, что б тебе сказать ему про опричнину?

Годунов улыбнулся простоте Серебряного.

– Царь милостив ко всем, – сказал он с притворным смирением, – и меня жалует не по заслугам. Не мне судить о делах государских, не мне царю указывать. А опричнину понять нетрудно: вся земля государева, все мы под его высокою рукою; что возьмет государь на свой обиход, то и его, а что нам оставит, то наше; кому велит быть около себя, те к нему близко, а кому не велит, те далеко. Вот и вся опричнина.

– Так, Борис Федорыч, когда ты говоришь, оно выходит гладко, а на деле не то. Опричники губят и насилуют земщину хуже татар. Нет на них никакого суда. Вся земля от них гибнет! Ты бы сказал царю. Он бы тебе поверил!

– Князь Никита Романыч, много есть зла на свете. Не потому люди губят людей, что одни опричники, другие земские, а потому, что и те и другие люди! Положим, я бы сказал царю; что ж из того выйдет? Все на меня подымутся, и сам царь на меня ж опалится!..

– Что ж? Пусть опалится, а ты сделал по совести, сказал ему правду!

– Никита Романыч! Правду сказать недолго, да говорить-то надо умеючи. Кабы стал я перечить царю, давно бы меня здесь не было, а не было б меня здесь, кто б тебя вчера от плахи спас?

– Что дело, то дело, Борис Федорыч, дай Бог тебе здоровья,

пропал бы я без тебя!

Годунов подумал, что убедил князя.

– Видишь ли, Никита Романыч, – продолжал он, – хорошо стоять за правду, да один в поле не воевода. Что б ты сделал, кабы, примерно, сорок воров стали при тебе резать безвинного?

– Что б сделал? А хватил бы саблею по всем по сорока и стал бы крошить их, доколе б души Богу не отдал!

Годунов посмотрел на него с удивлением.

– И отдал бы душу, Никита Романыч, – сказал он, – на пятом, много на десятом воре; а достальные все-таки б зарезали безвинного. Нет; лучше не трогать их, князь; а как станут они обдирать убитого, тогда крикнуть, что Степка-де взял на себя более Мишки, так они и сами друг друга перережут!

Серебряному был такой ответ не по сердцу. Годунов заметил это и переменил разговор.

– Вишь, – сказал он, глядя в окно, – кто это сюда скачет, сломя шею? Смотри, князь, никак, твой стремянный?

– Вряд ли! – отвечал Серебряный, – он отпросился у меня сегодня верст за двадцать на богомолье…

Но, вглядевшись пристальнее во всадника, князь в самом деле узнал Михеича. Старик был бледен как смерть. Седла под ним не было; казалось, он вскочил на первого коня, попавшегося под руку, а теперь, вопреки приличию, влетел на двор, под самые красные окна.

– Батюшка Никита Романыч! – кричал он еще издали, – ты пьешь, ешь, прохлаждаешься, а кручинушки-то не ведаешь? Сейчас встрел я, вон за церквой, Малюту Скуратова да Хомяка; оба верхом, а промеж них, руки связаны, кто бы ты думал? Сам царевич! сам царевич, князь! Надели они на него черный башлык, проклятые, только ветром-то сдуло башлык, я и узнал царевича! Посмотрел он на меня, словно помощи просит, а Малюта, тетка его подкурятина, подскочил, да опять и нахлобучил ему башлык на лицо!

Серебряный вспрянул с места.

– Слышишь, слышишь, Борис Федорыч! – вскричал он, сверкая глазами. – Али ждать еще, чтоб воры перессорились меж собой! – И он бросился с крыльца.

– Давай коня! – крикнул он, вырывая узду из рук Михеича.

– Да это, – сказал Михеич, – конь-то не по тебе, батюшка, это конь плохой, да и седла-то на нем нетути… да и как же тебе на таком коне к царю ехать?..

Но князь уже вскочил и полетел не к царю, а в погоню за Малютой…

Есть старинная песня, может быть, современная Иоанну,

которая описывает по-своему приводимое здесь событие:

Когда зачиналась каменна Москва,
Зачинался царь Иван, государь Васильевич.
Как ходил он под Казань-город,
Под Казань-город, под Астрахань;
Он Казань-город мимоходом взял,
Полонил царя и с царицею;
Выводил измену из Пскова,
Из Пскова и из Новгорода.
Как бы вывесть измену из каменной Москвы!
Что возговорит Малюта, злодей Скурлатович:
«Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Не вывесть тебе изменушки довеку!
Сидит супротивник супротив тебя,
Ест с тобой с одного блюда,
Пьет с тобой с одного ковша,
Платье носит с одного плеча!»
И тут царь догадается.
На царевича осержается.
«Ах вы гой еси, князья и бояре!
Вы берите царевича под белы руки,
Надевайте на него платье черное,
Поведите его на то болото жидкое,
На тое ли Лужу Поганую,
Вы предайте его скорой смерти!»
Все бояре разбежалися,
Один остался Малюта-злодей,
Он брал царевича за белы руки,
Надевал на него платье черное,
Повел на болото жидкое.
Что на ту ли Лужу Поганую.
Проведал слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакал к Никите Романычу:
«Гой еси, батюшка, Никита Романыч!
Ты пьешь, ешь, прохлаждаешься,
Над собой кручинушки не ведаешь!
Упадает звезда поднебесная,
Угасает свеча воску ярого.
Не становится млада царевича!»
Никита Романыч испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачет на болото жидкое,

Что на ту ли Лужу Поганую.
Он ударил Малюту по щеке:
«Ты, Малюта, Малюта Скурлатович!
Не за свой ты кус принимаешься,
Ты этим кусом подавишься!..»

Песня эта, может быть и несходная с действительными событиями, согласна, однако, с духом того века. Не полно и не ясно доходили до народа известия о том, что случалось при царском дворе или в кругу царских приближенных, но в то время, когда сословия еще не были разъединены нравами и не жили врозь одно другого, известия эти, даже искаженные, не выходили из границ правдоподобия и носили на себе печать общей жизни и общих понятий.

Таков ли ты был, князь Никита Романович, каким воображаю тебя, – про то знают лишь стены кремлевские да древние дубы подмосковные! Но таким ты предстал мне в час тихого мечтания, в вечерний час, когда поля покрывались мраком, вдали замирал шум хлопотливого дня, а вблизи все было безмолвно, и лишь ветер шелестил в листьях, и лишь жук вечерний пролетал мимо. И грустно и больно сказывалась во мне любовь к родине, и ясно выступала из тумана наша горестная и славная старина, как будто взамен зрения, заграждаемого темнотою, открывалось во мне внутреннее око, которому столетия не составляли преграды. Таким предстал ты мне, Никита Романович, и ясно увидел я тебя, летящего на коне в погоню за Малютой, и перенесся я в твое страшное время, где не было ничего невозможного!

Забыл Серебряный, что он без сабли и пистолей, и не было ему нужды, что конь под ним стар. А был то добрый конь в свое время; прослужил он лет двадцать и на войне и в походах; только не выслужил себе покою на старости; выслужил упряжь водовозную, сено гнилое да удары палочные!

Теперь почуял он на себе седока могучего и вспомнил о прежних днях, когда носил богатырей, и грозные сечи, и кормили его отборным зерном, и поили медвяною сытой. И раздул он красные ноздри, и вытянул шею, и летит в погоню за Малютой Скуратовым.

Скачет Малюта во дремучем лесу с своими опричниками. Он торопит их к Поганой Луже, поправляет башлык на царевиче, чтоб не узнали опричники, кого везут на смерть. Кабы узнали они, отступились бы от Малюты, схоронились бы больший за меньшего. Но думают опричники, что скачет простой человек меж Хомяка и Малюты, и только дивятся, что везут его казнить так

далеко.

Торопит Малюта опричников, серчает на коней, бьет их плетью по крутым бедрам.

– Ах вы волчья сыть, травяные мешки! Не одумался б царь, не послал бы за нами погони!

Скачет злодей Малюта во дремучем лесу, смотрят на него пташки, вытянув шейки, летят над ним черные вороны – уже близко Поганая Лужа!

– Эй, – говорит Малюта Хомяку, – никак, стучат за нами чужие подковы?

– Нет, – отвечает Хомяк, – то от наших коней топот в лесу раздается.

И пуще торопит Малюта опричников, и чаще бьет коней по крутым бедрам.

– Эй, – говорит он Хомяку, – никак, кто-то кричит за нами?

– Нет, – отвечает Хомяк, – то нашу молвь отголоски разносят.

И серчает Малюта на коней.

– Ах вы волчья сыть, травяные мешки! Ой, не было б за нами погони!

Вдруг слышит Малюта за собою:

– Стой, Григорий Лукьяныч!

Серебряный был у Скуратова за плечами. Не выдал его старый конь водовозный.

– Стой, Малюта! – повторил Серебряный и, нагнав Скуратова, ударил его в щеку рукою могучею.

Силен был удар Никиты Романовича. Раздалася пощечина, словно выстрел пищальный; загудел сыр-бор, посыпались листья; бросились звери со всех ног в чащу; вылетели из дупел пучеглазые совы; а мужики, далеко оттоле дравшие лыки, посмотрели друг на друга и сказали, дивясь:

– Слышь, как треснуло! Уж не старый ли дуб надломился над Поганою Лужей?

Малюта свалился с седла. Бедный старый конь Никиты Романовича споткнулся, покатился и испустил дух.

– Малюта! – вскричал князь, вскочив на ноги, – не за свой ты кус принимаешься! Ты этим кусом подавишься!

И, вырвав из ножен саблю Малюты, он замахнулся разрубить ему череп.

Внезапно другая сабля свистнула над головою князя. Матвей Хомяк прилетел господину на помощь. Завязался бой меж Хомяком и Серебряным. Опричники напали с голыми саблями на князя, но деревья и лом защитили Никиту Романовича, не дали всем вдруг окружить его.

«Вот, – думал князь, отбивая удары, – придется живот

положить, не спася царевича! Кабы дал Бог хоть с полчаса подержаться, авось подоспела бы откуда-нибудь подмога!»

И лишь только он подумал, как пронзительный свист раздался в лесу; ему отвечали громкие окрики. Один опричник, уже занесший саблю на князя, упал с раздробленною головой, а над трупом его явился Ванюха Перстень, махая окровавленным чеканом. В тот же миг разбойники, как стая волков, бросились на Малютиных слуг, и пошла между ними рукопашная. Хотел бы Малюта со своими дать дружный напуск на врагов, да негде было разогнаться, все пришел лес да валежник. Многие легли на месте; но другие скоро оправились. Крикнули: гой-да! и потоптали удалую вольницу. Сам Перстень, раненный в руку, уже слабее разил чеканом, как новый свист раздался в лесу.

– Стойте дружно, ребята! – закричал Перстень, – то дедушка Коршун идет на прибавку!

И не успел он кончить речи, как Коршун с своим отрядом ударил на опричников, и зачался меж ними бой великий, свальный, самый красный.

Трудно было всадникам стоять в лесу против пеших. Кони вздымались на дыбы, падали навзничь, давили под собой седоков. Опричники отчаялись насмерть. Сабля Хомяка свистела, как вихорь, над головой его сверкала молния.

Вдруг среди общей свалки сделалось колебанье. Дюжий Митька буравил толпу и лез прямо на Хомяка, валяя без разбору и чужих и своих. Митька узнал похитителя невесты. Подняв обеими руками дубину, он грянул ею в своего недруга. Хомяк отшатнулся, удар пал в конскую голову, конь покатился мертвый, дубина переломилась.

– Погоди! – сказал Митька, наваливаясь на Хомяка, – теперь не уйдешь!

Кончилась битва. Не с кем было более драться, все опричники легли мертвые, один Малюта спасся на лихом аргамаке.

Стали разбойники считать своих и многих недосчитались. Было и между ними довольно урону.

– Вот, – сказал Перстень, подходя к Серебряному и стирая пот с лица, – вот, боярин, где довелось свидеться!

Серебряный, с первым появлением разбойников, бросился к царевичу и отвел его коня в сторону; царевич был привязан к седлу. Серебряный саблею разрезал веревки, помог царевичу сойти и снял платок, которым рот его был завязан. Во все время сечи князь от него не отходил и заслонял его собою.

– Царевич, – сказал он, видя, что станичники уже принялись грабить мертвых и ловить разбежавшихся коней, – битва кончена, все твои злодеи полегли, один Малюта ушел, да я чаю, и ему

несдобровать, когда царь велит сыскать его!

При имени царевича Перстень отступил назад.

– Как? – сказал он, – это сам царевич? Сын государев? Так вот за кого Бог привел постоять! Так вот кого они, собаки, связамши везли!

И атаман повалился Иоанну Иоанновичу в ноги.

Весть о его присутствии быстро разнеслась меж разбойников. Все бросили выворачивать карманы убитых и пришли бить челом царевичу.

– Спасибо вам, добрые люди! – сказал он ласково, без обычного своего высокомерия, – кто б вы ни были, спасибо вам!

– Не на чем, государь! – отвечал Перстень. – Кабы знал я, что это тебя везут, я бы привел с собою не сорок молодцов, а сотенки две; тогда не удрал бы от нас этот Скурлатыч; взяли б мы его живьем да при тебе бы вздернули. Впрочем, есть у нас, кажись, его стремянный; он же мне старый знакомый, а на безрыбье и рак рыба. Эй, молодец, у тебя он, что ли?

– У меня! – отвечал Митька, лежа на животе и не выпуская из-под себя своей жертвы.

– Давай его сюда, небось не уйдет! А вы, ребятушки, разложите-ка огоньку для допросу да приготовьте веревку, аль, пожалуй, хоть чумбур отрежь.

Митька встал. Из-под него поднялся здоровый детина; но лишь только он обернулся лицом к разбойникам, все вскрикнули от удивления.

– Хлопко! – раздалося отовсюду, – да это Хлопко! это он Хлопка притиснул вместо опричника.

Митька смотрел, разиня рот.

Хлопко насилу дышал.

– Ишь, – проговорил наконец Митька, – так это я, должно быть, тебя придавил! Чаво ж ты молчал?

– Где ж мне было говорить, коли ты у меня на горле сидел, тюлень этакий! Тьфу!

– Да чаво ж ты подвернулся?

– Чаво! чаво! Как ты, медведь, треснул коня по лбу, так седок-то на меня и свалился, а ты, болван, вместо чтобы на него, да на меня и сел, да и давай душить сдуру, знай обрадовался!

– Ишь! – сказал Митька, – вот што! – и почесал затылок.

Разбойники захохотали. Сам царевич улыбнулся. Хомяка нигде не могли найти.

– Нечего делать, – сказал Перстень, – видно, не доспел ему час, а жаль, право! Ну, так и быть, даст Бог, в другой раз не свернется! А теперь дозволь, государь, я тебя с ребятами до дороги провожу. Совестно мне, государь! Не приходилось бы мне,

худому человеку, и говорить с твоею милостью, да что ж делать, без меня тебе отселе не выбраться!

– Ну, ребята, – продолжал Перстень, – собирайтесь оберегать его царскую милость. Вот ты, боярин, – сказал он, обращаясь к Серебряному, – ты бы сел на этого коня, а я себе, пожалуй, вот этого возьму. Тебе, дядя Коршун, я чай, пешему будет сподручнее, а тебе, Митька, и подавно!

– Ништо! – сказал Митька, ухватясь за гриву одного коня, который от этого покачнулся на сторону, – и я сяду!

Он занес ногу в стремя, но, не могши попасть в него, взвалился на коня животом, проехал так несколько саженей рысью и наконец уже взобрался на седло.

– Эхва! – закричал он, болтая ногами и подкидывая локти.

Вся толпа двинулась из лесу, окружая царевича.

Когда показалось наконец поле, а вдали запестрела крыша Александровой слободы, Перстень остановился.

– Государь, – сказал он, соскакивая с коня, – вот твоя дорога, вон и Слобода видна. Не пристало нам доле с твоею царскою милостью оставаться. К тому ж там пыль по дороге встает; должно быть, идут ратные люди. Прости, государь, не взыщи; поневоле Бог свел!

– Погоди, молодец! – сказал царевич, который, по миновании опасности, начал возвращаться к своим прежним приемам. – Погоди, молодец! Скажи-ка наперед, какого ты боярского рода, что золоченый зипун носишь?

– Государь, – ответил скромно Перстень, – много нас здесь бояр без имени-прозвища, много князей без роду-племени. Носим что Бог послал!

– А знаешь ли, – продолжал строго царевич, – что таким князьям, как ты, высокие хоромы на площади ставят и что ты сам своего зипуна не стоишь? Не сослужи ты мне службы сегодня, я велел бы тем ратникам всех вас перехватать да к Слободе привести. Но ради сегодняшнего дела я твое прежнее воровство на милость кладу и батюшке-царю за тебя слово замолвлю, коли ты ему повинную принесешь!

– Спасибо на твоей ласке, государь, много тебе благодарствую; только не пришло еще мне время нести царю повинную. Тяжелы мои грехи перед Богом, велики винности перед государем; вряд ли простит меня батюшка-царь, а хоча бы и простил, так не приходится бросать товарищей!

– Как? – сказал удивленный царевич, – ты не хочешь оставить воровства своего, когда я сам тебе мой упрос обещаю? Видно, грабить-то по дорогам прибыльнее, чем честно жить?

Перстень погладил черную бороду и лукавою усмешкой

выказал два ряда ровных и белых зубов, от которых загорелое лицо его показалось еще смуглее.

– Государь! – сказал он, – на то щука в море, чтобы карась не дремал! Не привычен я ни к ратному строю, ни к торговому делу. Прости, государь; вон уж пыль сюда подвигается; пора назад; рыба ищет где поглубже, а наш брат – где место покрепче!

И Перстень исчез в кустах, уводя за собою коня. Разбойники один за другим пропали меж деревьев, а царевич сам-друг с Серебряным поехали к Слободе и вскоре встретились с отрядом конницы, которую вел Борис Годунов.

Что делал царь во все это время? Послушаем, что говорит песня и как она выражает народные понятия того века.

Что возговорит грозный царь:
«Ах вы гой еси, князья мои и бояре!
Надевайте платье черное,
Собирайтеся ко заутрене,
Слушать по царевиче панихиду,
Я всех вас, бояре, в котле сварю!»
Все бояре испугалися,
Надевали платье черное,
Собиралися ко заутрене,
Слушать по царевиче панихиду.
Приехал Никита Романович,
Нарядился в платье цветное,
Привел с собой млада царевича
И поставил за дверьми северны.
Что возговорит грозный царь:
«Ах ты гой еси, Никита Романович!
Что в глаза ль ты мне насмехаешься?
Как упала звезда поднебесная,
Что угасла свеча воску ярого,
Не стало у меня млада царевича».
Что возговорит Никита Романович:
«Ах ты гой еси, надежда, православный царь!
Мы не станем по царевиче панихиду петь,
А станем мы петь молебен заздравный!»
Он брал царевича за белу руку,
Выводил из-за северных дверей.
Что возговорит грозный царь:
«Ты, Никита, Никита Романович!
Еще чем мне тебя пожаловать?
Или тебе полцарства дать?
Или золотой казны сколько надобно?»

«Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Не сули мне полцарства, ни золотой казны,
Только дай мне злодея Скурлатова:
Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли Лужу Поганую!»
Что возговорит царь Иван Васильевич:
«Еще вот тебе Малюта-злодей,
И делай с ним, что хочешь ты!»

Так гласит песня; но не так было на деле. Летописи показывают нам Малюту в чести у Ивана Васильевича еще долго после 1565 года. Много любимцев в разные времена пали жертвою царских подозрений. Не стало ни Басмановых, ни Грязного, ни Вяземского, но Малюта ни разу не испытал опалы. Он, по предсказанию старой Онуфревны, не приял своей муки в этой жизни и умер честною смертию. В обиходе монастыря Св. Иосифа Волоцкого, где погребено его тело, сказано, что он убит на государском деле под Пайдою.

Как оправдался Малюта в клевете своей – мы не знаем.

Может быть, Иоанн, когда успокоилась встревоженная душа его, приписал поступок любимца обманутому усердию; может быть, не вполне отказался от подозрений на царевича. Как бы то ни было, Скуратов не только не потерял доверия царского, но с этой поры стал еще драгоценнее Иоанну. Доселе одна Русь ненавидела Малюту, теперь стал ненавидеть его и самый царевич; Иоанн был отныне единственною опорой Малюты. Общая ненависть ручалась царю за его верность.

Намек на Басманова также не прошел даром. В Иоанновом сердце остался зародыш подозрения и хотя не тотчас пустил в нем корни, но значительно охладил расположение его к своему кравчему, ибо царь никогда не прощал тому, кого однажды опасался, хотя бы впоследствии и сам признал свое опасение напрасным. <…>

Вопросы и задания к главе 14

1. Передайте смысл спора Бориса Годунова и князя Серебряного. На чьей вы стороне? Попробуйте добавить свои аргументы к этому спору.

2. Прочтите, как спасение царевича описано в народной песне. Что изменил в своем повествовании автор?

3. Прочтите размышления автора, которые следуют за

текстом народной песни. Помогают ли они вам оценить героя романа?

⏩**1.** Найдите в тексте отрывок, в котором говорится о пощечине, которую дал князь Малюте. Какой художественный прием главенствует в этом описании?

⏩⏩**1.** Как рисуется схватка опричников и «станичников» у Поганой Лужи? Чем она окончилась?

2. Как удалось спасти царевича? Чем он ответил своим спасителям?

Глава 31. Божий суд

В отсутствие Вяземского Малюте было поручено важное дело. Царь приказал ему захватить ближайших слуг князя Афанасья Ивановича и пытать их накрепко, ездил ли господин их на мельницу колдовать, и сколько раз он был на мельнице, и что именно замышляет противу его, государского, здравия?

Большая часть слуг не созналась ни в чем, но некоторые не выдержали пытки и показали все то, что Малюта вложил им в уста. Показали они, что князь ездил на мельницу с тем, чтоб испортить государя, что он вымал царские следы и жег их на огне; а некоторые показали даже, что Вяземский мыслит ко князю Владимиру Андреевичу и хочет посадить его на царский престол. Сколь ни были нелепы эти показания, они тщательно записывались дьяками со слов истязаемых и прочитывались царю. Верил ли им Иван Васильевич или нет – Бог весть! Но он строго приказал Малюте, по возвращении Вяземского, скрыть от него причину, по которой захвачены его слуги, а сказать, что взяты-де они по подозрению в воровстве из царских кладовых.

В показаниях их, однако, было много противоречий, и Иоанн послал за Басмановым, чтобы заставить его повторить все, что он, по доносу своему, слышал от холопей Вяземского.

Басманова не нашли в Слободе. Он накануне уехал к Москве, и царь опалился, что осмелился он отлучиться вопреки его приказанию. Малюта воспользовался этим, чтобы взвести подозрение на самого Басманова.

– Кто знает, государь, – сказал Скуратов, – зачем он ослушался твоей милости? Быть может, он заодно с Вяземским и только для виду донес на него, чтобы вернее погубить тебя!

Царь велел Малюте пока молчать обо всем и, когда воротится Басманов, не показывать ему вида, что его отсутствие было замечено.

Между тем настал день, назначенный для судного поединка. Еще до восхода солнца народ столпился на Красной площади; все

окна были заняты зрителями, все крыши ими усыпаны. Весть о предстоящем бое давно разнеслась по окрестностям. Знаменитые имена сторон привлекли толпы из разных сел и городов, и даже от самой Москвы приехали люди всех сословий посмотреть, кому Господь дарует одоление в этом деле.

– Ну-ка, брат, – говорил один щегольски одетый гусляр своему товарищу, дюжему молодому парню с добродушным, но глуповатым лицом, – ступай вперед, авось тебе удастся продраться до цепи. Эх, народу, народу-то! Дайте пройти, православные, дайте и нам, владимирцам, на суд Божий посмотреть!

Но увещания его оставались безуспешны. Толпа была так густа, что и при добром желании не было бы возможности посторониться.

– Да ступай же, тюлень ты этакий! – повторил гусляр, толкая товарища в спину, – аль не сумеешь продраться?

– А для ча! – отвечал вялым голосом детина.

И, выставив вперед дюжее плечо свое, он принялся раздвигать толпу, словно железным клином. Раздались крики и ругательства, но оба товарища подвигались вперед, не обращая на них внимания.

– Правей, правей! – говорил старший, – чего стал влево забирать, дурень? Сверли туда, где копья торчат!

Место, на которое указывал гусляр, было приготовлено для самого царя. Оно состояло из дощатого помоста, покрытого червленым сукном. На нем были поставлены царские кресла, а торчавшие там копья и рогатины принадлежали опричникам, окружавшим помост. Другие опричники стояли у цепи, протянутой вокруг *поля*, то есть просторного моста, приготовленного для конного или пешего боя, смотря по уговору бойцов. Они отгоняли народ бердышами и не давали ему напирать на цепь.

Подвигаясь вперед шаг за шагом, гусляр и дюжий парень добрались наконец до самого поля.

– Куда лезете! – закричал один опричник, замахнувшись на них бердышом.

Парень разинул рот и в недоуменье обернулся на своего товарища, но тот снял обеими руками свой поярковый грешневик[10], обвитый золотою лентой с павлиным пером, и, кланяясь раз за разом в пояс, сказал опричнику:

– Дозвольте, господа честные, владимирским гуслярам суд Божий посмотреть! От самого от города Володимира пришли! Дозвольте постоять, господа честные!

И лукаво заискивающею улыбкой он выказывал из-под черной

бороды свои белые зубы.

– Ну, так и быть! – сказал опричник, – назад уж не пролезете; стойте здесь; только чур вперед не подаваться, башку раскрою!

Внутри оцепленного места расхаживали поручники и стряпчие обеих сторон. Тут же стояли боярин и окольничий, приставленные к полю, и два дьяка, которым вместе с ними надлежало наблюдать за порядком боя. Один из дьяков держал развернутый судебник Владимира Гусева, изданный еще при великом князе Иоанне Васильевиче III.

– «А досудятся до поля, – читал он, указывая пальцем на одно место в судебнике, – а у поля, не стояв, помирятся…» – как дьяка прервали восклицания толпы.

– Царь едет! Царь едет! – говорили все, волнуясь и снимая шапки.

Окруженный множеством опричников, Иван Васильевич подъехал верхом к месту поединка, слез с коня, взошел по ступеням помоста и, поклонившись народу, опустился на кресла с видом человека, готовящегося смотреть на занимательное зрелище.

Позади и около него разместились стоя царедворцы.

В то же время на всех слободских церквах зазвонили колокола, и с двух противоположных концов въехали во внутренность цепи Вяземский и Морозов, оба в боевых нарядах. На Морозове был дощатый доспех, то есть стальные бахтерцы из наборных блях, наведенных через ряд серебром. На́ручи, рукавицы и поножи блестели серебряными разводами. Голову покрывал высокий шишак с серебром и чернью, а из-под венца его падала на плечи боярина кольчатая бармица, скрещенная на груди и укрепленная круглыми серебряными бляхами. У бедра его висел на узорном поясе, застегнутом крюком, широкий прямой тесак, которого крыж, ножновые обоймицы и наконечник были также серебряные. К правой стороне седла привешен был концом вниз золоченый шестопер, оружие и знак достоинства, в былые годы неразлучный с боярином в его славных битвах, но ныне, по тяжести своей, вряд ли кому по руке.

Под Морозовым был грудастый черно-пегий конь с подпалинами. Его покрывал бархатный малиновый чалдар, весь в серебряных бляхах. От кованого налобника падали по сторонам малиновые шелковые морхи, или кисти, перевитые серебряными нитками, а из-под шеи до самой груди висела такая же кисть, больше и гуще первых, называвшаяся наузом. Узда и поводья состояли из серебряных цепей с плоскими вырезными звеньями неравной величины.

Мерно шел конь, подымая косматые ноги в серебряных

наколенниках, согнувши толстую шею, и когда Дружина Андреевич остановил его саженях в пяти от своего противника, он стал трясти густою волнистою гривой, достававшею до самой земли, грызть удила и нетерпеливо рыть песок сильным копытом, выказывая при каждом ударе блестящие шипы широкой подковы. Казалось, тяжелый конь был подобран под стать дородного всадника, и даже белый цвет его гривы согласовался с седою бородой боярина.

Вооружение Вяземского было гораздо легче. Еще страдая от недавних ран, он не захотел надеть ни зерцала, ни бахтерцов, хотя они и считались самою надежною броней, но предпочел им легкую кольчугу. Ее ожерелье, подол и зарукавья горели дорогими каменьями. Вместо шишака на князе была ерихонка, то есть низкий, изящно выгнутый шлем, имевший на венце и ушах золотую насечку, а на тулье высокий сноп из дрожащих золотых проволок, густо усыпанных во всю длину их яхонтовыми искрами. Сквозь полку шлема проходила отвесно железная золоченая стрела, предохранявшая лицо от поперечных ударов; но Вяземский, из удальства, не спустил стрелы, а, напротив, поднял ее посредством щурепца до высоты яхонтового снопа, так что бледное лицо его и темная борода оставались совершенно открыты, а стрела походила на золотое перо, щегольски воткнутое в полку ерихонки. На поясе, плотно стянутом пряжкой поверх кольчуги и украшенном разными привесками, звенцами и бряцальцами, висела кривая сабля, вся в дорогих каменьях, та самая, которую заговорил мельник и на которую теперь твердо надеялся Вяземский. У бархатного седла фиолетового цвета с горощатыми серебряными гвоздями и с такими же коваными скобами прикреплен был булатный топорок с фиолетовым бархатным черенком в золотых поясках. Из-под нарядного подола кольчуги виднелась белая шелковая рубаха с золотым шитьем, падавшая на зарбасные штаны жаркого цвета, всунутые в зеленые сафьянные сапоги, которых узорные голенищи, не покрытые поножами, натянуты были до колен и перехватывались под сгибом и у щиколоток жемчужною тесьмою.

Конь Афанасья Ивановича, золотисто-буланый аргамак, был весь увешан, от головы до хвоста, гремячими цепями из дутых серебряных бубенчиков. Вместо чепрака или чалдара нардовая кожа покрывала его спину. На вороненом налобнике горели в золотых гнездах крупные яхонты. Сухие черные ноги горского скакуна не были вовсе подкованы, но на каждой из них, под бабкой, звенело по одному серебряному бубенчику.

Давно уже слышалось на площади звонкое ржание аргамака. Теперь, подняв голову, раздув огненные ноздри и держа черный

хвост на отлете, он сперва легкою поступью, едва касаясь земли, двинулся навстречу коню Морозова: но когда князь, не съезжаясь с противником, натянул гремучие поводья, аргамак прыгнул в сторону и перескочил бы через цепь, если бы седок ловким поворотом не заставил его вернуться на прежнее место. Тогда он взвился на дыбы и, крутясь на задних ногах, норовил опрокинуться навзничь, но князь нагнулся на луку, отпустил ему поводья и вонзил в бока его острые кизилбашские стремена. Аргамак сделал скачок и остановился как вкопанный. Ни один волос его черной гривы не двигался. Налитые кровью глаза косились по сторонам, и по золотистой шерсти разбегались надутые жилы узорною сеткой.

При появлении Вяземского, когда он въехал, гремя и блестя и словно обрызганный золотым и алмазным дождем, владимирский гусляр не мог удержаться от восторга; но удивление его относилось еще более к коню, чем ко всаднику.

– Эх, конь! – говорил он, топая ногами и хватаясь в восхищении за голову, – экий конь! подумаешь. И не видывал такого коня! Ведь всякие перебывали, а небось такого Бог не послал! Что бы, – прибавил он про себя, – что бы было в ту пору этому седоку, как он есть, на Поганую Лужу выехать! Слышь ты, – продолжал он весело, толкая локтем товарища, – слышь ты, дурень, который конь тебе боле по́ сердцу?

– А тот! – отвечал парень, указывая пальцем на морозовского коня.

– Тот? А зачем же тот?

– А затем, что поплотняе! – ответил парень лениво.

Гусляр залился смехом, но в это время раздался голос бирючей:

– Православные люди! – кричали они в разные концы площади, – зачинается судный бой промеж оружничего царского, князь Афанасья Иваныча Вяземского и боярина Дружины Андреича Морозова. Тягаются они в бесчестии своем, в бою, и увечье, и в увозе боярыни Морозовой! Православные люди! Молитесь Пресвятой Троице, дабы даровала она одоление правой стороне!

Площадь затихла. Все зрители стали креститься, а боярин, приставленный ведать поединок, подошел к царю и проговорил с низким поклоном:

– Прикажешь ли, государь, зачинаться полю?

– Зачинайте! – сказал Иоанн.

Боярин, окольничий, поручники, стряпчие и оба дьяка отошли в сторону.

Боярин подал знак.

Противники вынули оружие.

По другому знаку надлежало им скакать друг на друга, но, к изумлению всех, Вяземский закачался на седле и выпустил из рук поводья. Он свалился бы на землю, если б поручник и стряпчий не подбежали и не помогли ему сойти с коня. Подоспевшие конюхи успели схватить аргамака под уздцы.

– Возьмите его! – сказал Вяземский, озираясь померкшими очами, – я буду биться пешой!

Видя, что князь сошел с коня, Морозов также слез с своего черно-пегого и отдал его конюхам.

Стряпчий Морозова подал ему большой кожаный щит с медными бляхами, приготовленный на случай пешего боя.

Стряпчий Вяземского поднес ему также щит, вороненый, с золотою насечкой и золотою бахромой.

Но Афанасий Иванович не имел силы вздеть его на руку. Ноги под ним подкосились, и он упал бы вторично, если б его не подхватили.

– Что с тобой, князь? – сказали в один голос стряпчий и поручник, с удивлением глядя ему в очи, – оправься, князь! У поля не стоять, все равно что побиту быть!

– Сымите с меня бронь! – проговорил Вяземский, задыхаясь, – сымите бронь! Корень душит меня!

Он сбросил с себя ерихонку, разорвал ожерелье кольчуги и сдернул с шеи гайтан, на котором висела шелковая ладанка с болотным голубцом.

– Анафема тебе, колдун! – вскричал он, бросая гайтан далеко от себя, – анафема, что обманул меня!

Дружина Андреевич подошел к Вяземскому с голым тесаком.

– Сдавайся, пес, – сказал он, замахнувшись, – сознайся в своем окаянстве!

Поручники и стряпчие бросились между князя и Морозова.

– Нет! – сказал Вяземский, и отуманенный взор его вспыхнул прежнею злобою, – рано мне сдаваться! Ты, старый ворон, испортил меня! Ты свой тесак в святую воду окунул! Я поставлю за себя бойца, и тогда увидим, чья будет правда!

Между стряпчими обеих сторон зачался спор. Один утверждал, что суд окончен в пользу Морозова, другой, что суда вовсе не было, потому что не было боя.

Царь между тем заметил движение Вяземского и велел подать себе брошенную им ладанку. Осмотрев ее с любопытством и недоверчивостью, он подозвал Малюту.

– Схорони это! – шепнул он, – пока не спрошу! А теперь, – произнес он громко, – подвести ко мне Вяземского!

– Что, Афоня? – сказал он, усмехаясь двусмысленно, когда

подошел к нему Вяземский, – видно, Морозов тебе не под силу?

– Государь, – ответил князь, которого лицо было покрыто смертельною бледностью, – ворог мой испортил меня! Да к тому ж я с тех пор, как оправился, ни разу брони не надевал. Раны мои открылись; видишь, как кровь из-под кольчуги бежит! Дозволь, государь, бирюч кликнуть, охотника вызвать, чтобы заместо меня у поля стал!

Домогательство Вяземского было противно правилам. Кто не хотел биться сам, должен был объявить о том заране. Вышедши раз на поединок, нельзя было поставить вместо себя другого. Но царь имел в виду погибель Морозова и согласился.

– Вели кричать бирюч, – сказал он, – авось кто поудалее тебя найдется! А не выйдет никто, Морозов будет чист, а тебя отдадут палачам!

Вяземского отвели под руки, и вскоре, по приказанию его, глашатаи стали ходить вдоль цепи и кричать громким голосом:

– Кто хочет из слободских, или московских, или иных людей выйти на боярина Морозова? Кто хочет биться за князя Вяземского? Выходите, бойцы, выходите стоять за Вяземского!

Но площадь оставалась безмолвна, и ни один охотник не являлся.

– Выходите, охотники, добрые бойцы! – кричали бирючи, – выходите! Кто побьет Морозова, тому князь все свои вотчины отдаст, а будет побьет простой человек, тому князь пожалует всю казну, какая есть у него!

Никто не откликался; все знали, что дело Морозова свято, и царь, несмотря на ненависть свою к Дружине Андреевичу, уже готовился объявить его правым, как вдруг послышались крики:

– Идет охотник! Идет! – И внутри оцепленного места явился Матвей Хомяк.

– Гойда! – сказал он, свистнув саблею по воздуху. – Подходи, боярин, я за Вяземского!

При виде Хомяка Морозов, дожидавшийся доселе с голым тесаком, обратился с негодованием к приставам поединка.

– Не стану биться с наймитом! – произнес он гордо. – Невместно боярину Морозову мериться со стремянным Гришки Скуратова.

И, опустив тесак в ножны, он подошел к месту, где сидел царь.

– Государь, – сказал он, – ты дозволил ворогу моему поставить бойца вместо себя: дозволь же и мне найти наймита против наймита, не то вели отставить поле до другого раза.

Как ни желал Иван Васильевич погубить Морозова, но просьба его была слишком справедлива. Царю не захотелось в

Божьем суде прослыть пристрастным.

– Кричи бирюч! – сказал он гневно, – а если не найдешь охотника, бейся сам или сознайся в своей кривде и ступай на плаху!

Между тем Хомяк прохаживался вдоль цепи, махая саблей и посмеиваясь над зрителями.

– Вишь, – говорил он, – много вас, ворон, собралось, а нет ни одного ясного сокола промеж вас! Что бы хоть одному выйти, мою саблю обновить, государя потешить! Молотимши, видно, руки отмахали! На печи лежа, бока отлежали!

– Ах ты черт! – проговорил вполголоса гусляр. – Уж я б тебе дал, кабы была при мне моя сабля! Смотри! – продолжал он, толкая под бок товарища, – узнаешь ты его?

Но парень не слышал вопроса. Он разинул рот и, казалось, впился глазами в Хомяка.

– Что ж? – продолжал Хомяк, – видно, нет между вами охотников? Эй вы, аршинники, калашники, пряхи, ткачихи? Кто хочет со мной померяться?

– А я! – раздался неожиданно голос парня, и, ухватясь обеими руками за цепь, он перекинул ее через голову и чуть не вырвал дубовых кольев, к которым она была приделана.

Он очутился внутри ограды и, казалось, сам был удивлен своею смелостью.

Выпучив глаза и разиня рот, он смотрел то на Хомяка, то на опричников, то на самого царя, но не говорил ни слова.

– Кто ты? – спросил его боярин, приставленный к полю.

– Я-то? – сказал он и, подумав немного, усмехнулся.

– Кто ты? – повторил боярин.

– А Митька! – ответил он добродушно и как бы удивляясь вопросу.

– Спасибо тебе, молодец! – сказал Морозов парню, – спасибо, что хочешь за правду постоять. Коли одолеешь ворога моего, не пожалею для тебя казны. Не все у меня добро разграблено; благодаря Божьей милости, есть еще чем бойца моего наградить!

Хомяк видел Митьку на Поганой Луже, где парень убил под ним коня ударом дубины и, думая навалиться на всадника, притиснул под собою своего же товарища. Но в общей свалке Хомяк не разглядел его лица, да, впрочем, в Митькиной наружности и не было ничего примечательного. Хомяк не узнал его.

– Чем хочешь ты драться? – спросил приставленный к полю боярин, глядя с любопытством на парня, у которого не было ни брони, ни оружия.

– Чем драться? – повторил Митька и обернулся назад,

отыскивая глазами гусляра, чтобы с ним посоветоваться.

Но гусляр, видно, отошел на другое место, и сколько ни глядел Митька, он не мог найти его.

– Что ж, – сказал боярин, – бери себе саблю да бронь, становись к полю!

Митька стал озираться в замешательстве.

Царю показались приемы его забавными.

– Дать ему оружие! – сказал он. – Посмотрим, как он умеет биться!

Митьке подали полное вооружение; но он, сколько ни старался, никак не мог пролезть в рукава кольчуги, а шлем был так мал для головы его, что держался на одной макушке.

В этом наряде Митька, совершенно растерянный, оборачивался то направо, то налево, все еще надеясь найти гусляра и спросить его, что ему делать?

Глядя на него, царь начал громко смеяться. Примеру его последовали сперва опричники, а потом и все зрители.

– Чаво вы горла дярете-то? – сказал Митька с неудовольствием, – я и без вашего колпака и без железной рубахи-то на энтова пойду!

Он указал пальцем на Хомяка и начал стаскивать с себя кольчугу.

Раздался новый хохот.

– С чем же ты пойдешь? – спросил боярин.

Митька почесал затылок.

– А нет у вас дубины? – спросил он протяжно, обращаясь к опричникам.

– Да что это за дурень? – вскричали они, – откуда он взялся? Кто его втолкнул сюда? Или ты, болван, думаешь, мы по-мужицки дубинами бьемся?

Но Иван Васильевич забавлялся наружностью Митьки и не позволил прогнать его.

– Дать ему ослоп, – сказал он, – пусть бьется как знает!

Хомяк обиделся.

– Государь, не вели мужику на холопа твоего порухи класть! – воскликнул он. – Я твоей царской милости честно в опричниках служу и сроду еще на ослопах не бился!

Но царь был в веселом расположении духа.

– Ты бейся саблей, – сказал он, – а парень пусть бьется по-своему. Дать ему ослоп. Посмотрим, как мужик за Морозова постоит!

Принесли несколько дубин.

Митька взял медленно в руки одну за другой, осмотрел каждую и, перебрав все дубины, повернулся прямо к царю.

– А нет ли покрепчае? – произнес он вялым голосом, глядя вопросительно в очи Ивану Васильевичу.

– Принести ему оглоблю, – сказал царь, заранее потешаясь ожидающим его зрелищем.

Вскоре в самом деле явилась в руках Митьки тяжелая оглобля, которую опричники вывернули насмех из стоявшего на базаре воза.

– Что, эта годится? – спросил царь.

– А для ча! – отвечал Митька, – пожалуй, годится.

И, схватив оглоблю за один конец, он для пробы махнул ею по воздуху так сильно, что ветер пронесся кругом и пыль закружилась, как от налетевшего вихря.

– Вишь, черт! – промолвили, переглянувшись, опричники.

Царь обратился к Хомяку.

– Становись! – сказал он повелительно и прибавил с усмешкой: – Погляжу я, как ты увернешься от мужицкого ослопа!

Митька между тем засучил рукава, плюнув в обе руки и сжавши ими оглоблю, потряхивал ею, глядя на Хомяка. Застенчивость его исчезла.

– Ну, ты! становись, што ли! – произнес он с решимостью. – Я те научу нявест красть!

Положение Хомяка, ввиду непривычного оружия и необыкновенной силы Митьки, было довольно затруднительно, а зрители, очевидно, принимали сторону парня и уже начинали посмеиваться над Хомяком.

Замешательство стремянного веселило царя. Он уже смотрел на предстоящий бой с тем самым любопытством, какое возбуждали в нем представления скоморохов или медвежья травля.

– Зачинайте бой! – сказал он, видя, что Хомяк колеблется.

Тогда Митька поднял над головою оглоблю и начал кружить ее, подступая к Хомяку скоком.

Тщетно Хомяк старался улучить мгновение, чтобы достать Митьку саблей. Ему оставалось только поспешно сторониться или увертываться от оглобли, которая описывала огромные круги около Митьки и делала его недосягаемым.

К великой радости зрителей и к немалой потехе царя Хомяк стал отступать, думая только о своем спасении; но Митька с медвежьею ловкостью продолжал к нему подскакивать, и оглобля, как буря, гудела над его головою.

– Я те научу нявест красть! – говорил он, входя постепенно в ярость и стараясь задеть Хомяка по голове, по ногам и по чем ни попало.

Участие зрителей к Митьке проявлялось одобрительными

восклицаниями и наконец дошло до восторга.

– Так! Так! – кричал народ, забывая присутствие царя, – хорошенько его! Ай да парень! Отстаивай Морозова, стой за правое дело!

Но Митька думал не о Морозове.

– Я те научу нявест красть! – приговаривал он, кружа над собою оглоблю и преследуя Хомяка, который увивался от него во все стороны.

Несколько раз опричникам, стоявшим вдоль цепи, пришлось присесть к земле, чтоб избегнуть неминуемой смерти, когда оглобля, завывая, проносилась над их головами.

Вдруг раздался глухой удар, и Хомяк, пораженный в бок, отлетел на несколько сажен и грянулся оземь, раскинувши руки.

Площадь огласилась радостным криком.

Митька тотчас навалился на Хомяка и стал душить его.

– Полно! Полно! – закричали опричники, а Малюта поспешно нагнулся к Ивану Васильевичу и сказал ему с озабоченным видом:

– Государь, вели оттащить этого дьявола! Хомяк у нас лучший человек во всей опричнине!

– Тащить дурака за́ ноги! – закричал царь, – окатить его водой, только чур жива оставить!

С трудом удалось опричникам оттащить Митьку, но Хомяка подняли уже мертвого, и когда внимание всех обратилось на посиневшее лицо его, рядом с Митькой очутился владимирский гусляр и, дернув его за́ полу, сказал ему шепотом:

– Иди, дурень, за мной! Уноси свою голову!

И оба исчезли в толпе народа. <…>

Вопросы и задания к главе 31

1. Почему царь решил обратиться к Божьему суду?

2. Почему Вяземский решился прибегнуть к заговору?

3. Почему суд оборвался, не начавшись? Какую замену нашли себе участники поединка?

4. Почему «владимирский гусляр» спешно увел победителя с поля боя?

1. Божий суд происходил на Красной площади Слободы. Внимательно прочтите его описание. Как вам кажется, почему автор так детально описывает боевое облачение соперников и их коней?

Вопросы и задания ко всему тексту романа, прочитанному самостоятельно

▶**1.** Какие события отнесли бы вы к экспозиции романа и где видите его завязку?

2. Какие сцены и эпизоды столкновения главных героев запомнились наиболее отчетливо? Как вы это объясняете?

3. Какие эпизоды вы восприняли как кульминацию столкновения князя Серебряного и царя? Была ли это схватка двух сильных характеров или автор убежден, что это столкновение добра и зла?

4. Какую роль в развитии сюжета играет Елена Дмитриевна Морозова? Какие обряды, обычаи, приметы быта связаны с изображением этой героини?

5. Видите ли вы в романе лишь одну сюжетную линию, связанную с любовью князя Серебряного и Елены Дмитриевны, или есть и другая, показывающая отношения царя и независимого князя?

6. Почему народ в романе представлен главным образом «станичниками» – беглыми разбойниками?

7. Если бы вас спросили, можно ли назвать этот роман сентиментальной историей несчастной любви, как бы вы ответили?

▶▶**1.** Как автор использует устное народное творчество и как, по вашему мнению, к нему относится?

2. Оцените мастерство создания интерьера в романе. Приведите примеры наиболее заинтересовавших вас описаний.

3. Какие приемы выражения своей позиции использует автор? Найдите примеры.

4. Пейзажи в романе эмоционально ярки. Чем это определяется? Как это связано с их ролью в повествовании?

5. Просмотрите свой словарик пословиц и поговорок, который вы составляли, читая роман Толстого. Попробуйте разбить его на разделы по темам.

6. Охарактеризуйте художественные средства, которые использует автор на страницах романа. Дайте примеры наиболее типичных, по вашему мнению.

▶▶▶**1.** Как вы представляете себе князя Серебряного и царя Ивана Грозного? Нарисуйте портрет каждого из них. Какой из этих двух портретов было труднее себе представить? Почему?

2. Попробуйте создать «кодекс чести» каждого из главных героев.

3. С какими знакомыми вам художественными произведениями вы могли бы сравнить этот роман?

Попробуйте сравнить поэму М. Ю. Лермонтова «Песнь про… купца Калашникова…» и роман А. К. Толстого.

Подготовьте отзыв на роман, продумав его название: «Оценка

„Князя Серебряного“ А. К. Толстого как исторического романа», «Иван Грозный и его окружение на страницах романа», «Автор и его оценка эпохи Грозного на страницах романа» и т. д. Можно не писать отзыв, а создать только его примерный план. Вот один из вариантов.

История трагической любви на страницах исторического романа «Князь Серебряный»

I. Введение. Эпоха и быт. Роль «Домостроя» в XVI веке на Руси.

II. Князь Никита Романович Серебряный и Елена Дмитриевна:

1) встреча и обеты юных влюбленных;
2) пять лет разлуки;
3) неожиданная встреча князя и боярыни Морозовой;
4) бесчестные замыслы князя Вяземского;
5) похищение Елены;
6) поиски;
7) гибель боярина Морозова;
8) последняя встреча монахини и князя.

III. Заключение. Неизбежность трагического финала (благородство души диктует логику поступков).

Вымысел и реальность в художественном произведении

Как создает автор историческую картину в художественном произведении? Каков общий характер этой картины? Алексею Константиновичу Толстому, как утверждают некоторые критики, удалось создать напряженную череду событий, напоминающую своей яркостью историко-приключенческие романы Александра Дюма.

В романе «Князь Серебряный» сорок глав. Главные герои – вымышленные лица. Главные события тоже вымышлены. И все-таки история живет на страницах романа. И подлинные исторические лица – Иван Грозный и его зловещее окружение – тесно связаны с теми героями, которых придумал автор.

Князь Серебряный. Роман назван «Князь Серебряный». Боярин князь Никита Романович Серебряный – вымышленное лицо. Исследователи старательно искали прототип героя, но поиски так и не завершились успехом. Но тем не менее герой несет в себе приметы эпохи, он исторически и психологически достоверен.

Князь Серебряный вызывает симпатии читателей: он честен, смел, не способен не только на предательство, но и на какое-либо отступление от собственного слова, он решителен, предприимчив и не способен кривить душой. Судьба все время ставит его в самые острые ситуации. Он испытывает дружеские чувства к боярину Дружине Андреевичу Морозову, но женой друга становится любимая девушка князя – первая красавица Москвы Елена Дмитриевна Плещеева-Очина. Он клянется самому царю не покидать тюрьмы, а его силой похищают благодарные «станичники» – Иван Кольцо и его сподвижники…

Каждая такая ситуация – как проба сил, как испытание на прочность. Благородные поступки, безукоризненная честность не могли привести героя к счастливому концу. Так могло бы быть в

народной сказке, но не в историческом романе об эпохе Ивана Грозного. Красивое, искреннее чувство получает красивый, но трагический финал, что показывает, как честно и правдиво видел автор избранный им век: его жестокость, противоречия, невозможность счастья.

Иван Грозный. Читатель встречается с царем лишь в главе «Пир». Это уже глава 8 романа. Иван IV торжественно появляется перед своими подданными: «Наконец загремели трубы, зазвенели дворцовые колокола, и медленным шагом вошел сам царь Иван Васильевич».

Первое описание внешности показывает, как продуманно величественно выглядел царь.

В романе царь Иоанн Грозный появляется неоднократно. При этом попутные замечания самого автора помогают читателю понять его настроение, духовное состояние, мгновенную смену чувств, впечатлений, решений и ни на одну минуту не оставляющую его заботу о том, как произвести на подданных впечатление, изобразить справедливого государя, принимая самые нелепые и жестокие решения.

Проследите за поведением царя: как выразительны его поступки, его жестокие и молниеносные решения, как велико его умение направить беседу в нужную сторону, как во всем сквозит его активное и непрерывно заявляющее о себе коварство. Как пример можно вспомнить беседу во время пира: царь не только сумел избежать резкого столкновения Вяземского с наследником, но тут же воспользовался ситуацией и спровоцировал князя на похищение жены Морозова.

Для человека такого всепоглощающего властолюбия важно прежде всего постоянное ощущение своих беспредельных возможностей, своего права повелевать всеми без ограничений. Таким мы видим в романе Иоанна IV.

Однако нужно отметить, что Грозному чрезвычайно хотелось, не противясь своему вспыльчивому нраву, выглядеть в глазах людей справедливым правителем. И он очень умело мог изобразить внимание, доброжелательность, симпатию. Автор подчеркивает, что он не только имел ораторский дар, но и незаурядные актерские способности.

Образ Ивана Грозного убеждает читателя в том, что деспотизм уничтожает живую душу не только в раздавленных властной волей подданных, но и в самом деспоте. Губительность деспотизма – важнейшая мысль романа.

Народная речь в литературном тексте

В романах, повестях, рассказах обычно очень активно используется народная речь, устное народное творчество. Однако А. К. Толстой в этом отношении более активен, чем другие авторы. Он не только использует фольклорные произведения, но и пытается даже оспаривать выводы, заключенные в них.

В роман включены целые песни и их фрагменты. Песни есть в главах 5, 14, 20, 23, 24. Это и знакомая сейчас песня «Ах, кабы на цветы да не морозы…», которой девушки развлекают свою хозяйку – боярыню Морозову, и отдельные строки песен, которые подчеркивают конкретные моменты сюжета, и две большие исторические песни в главе 14. Фольклорные произведения по-своему рассказывают то, что описывается в главе: навет Малюты Скуратова на наследника – молодого царевича Ивана, гневный приказ царя о его тайной казни и спасение наследника Никитой Романовичем.

Обратите внимание, как автор спорит с народной песней:

> Что возговорит царь Иван Васильевич:
> «Еще вот тебе Малюта-злодей,
> И делай с ним, что хочешь ты!»

Внимательно прочтите следующие строки: «Так гласит песня; но не так было на деле. Летописи показывают нам Малюту в чести у Ивана Васильевича еще долго после 1565 года… Он, по предсказанию старой Онуфревны, не принял своей муки в этой жизни и умер честною смертию».

Автор постоянно находится в стихии народного творчества; оно окружает его героев, оно живет не только в песнях, но и в обилии народных пословиц и поговорок, которые насыщают роман.

Вопросы и задания

1. Какие произведения фольклора используются в романе «Князь Серебряный»?

2. Как объяснить особую роль песен на страницах романа?

3. Чем вызван «спор» автора с песней о спасении царевича?

4. Докажите богатство и целесообразность использования пословиц и поговорок в романе.

Лев Николаевич Толстой (1828–1910)

После бала

На рубеже двух веков Лев Николаевич Толстой создает целый ряд произведений, разных по тематике, жанру и стилю. Они объединяются «вечными» нравственными проблемами гражданской ответственности, социальной справедливости, человеческого счастья, совести, добра. Веря в то, что «должно совершиться освобождение людей от тех страданий, которые они несли так долго», Толстой страстно выступает против угнетения человека, против деспотизма. Он писал: «Вся жизнь, не только русская, но и европейская, кишит злодеяниями насилия… совершаемыми одними лицами над другими. Спокойно смотреть на это нельзя и не должно. Нужно все силы жизни употребить на борьбу с этим злом…»

В творчестве Толстого начала века вновь пробуждается интерес к минувшему. Его занимает история декабристов, борьба поляков и кавказских горцев против самодержавной власти. Страстно обличая Николая I, названного за свою жестокость Палкиным, великий писатель решительно протестует и против режима Николая II.

С огромной художественной силой писатель выступает против царской военщины и деспотического произвола в рассказе «После бала», где глазами героя показана жестокая экзекуция, учиненная над беглым солдатом. Впервые о наказании «сквозь строй» Л. Н. Толстой пишет в статье «Николай Палкин». Воспроизводя слова старого солдата, писатель с нескрываемым чувством гнева рассказывает о том, как водят наказываемого солдата «взад и вперед между рядами, как тянется и падает забиваемый человек на штыки, как сначала видны кровяные рубцы, как они перекрещиваются, как понемногу рубцы сливаются, выступает и брызжет кровь, как клочьями летит окровавленное мясо, как оголяются кости, как сначала еще кричит несчастный и как потом только охает глухо с каждым шагом и с каждым ударом, как потом затихает и как доктор, для этого приставленный, подходит и щупает пульс, оглядывает и решает, можно ли еще бить человека или надо погодить и отложить до другого раза, когда заживет, чтобы можно было начать мученье сначала и додать то количество ударов, которое какие-то звери, с Палкиным во главе, решили, что надо дать ему».

Сюжетной основой рассказа «После бала» явилось действительное событие, которое произошло со старшим братом писателя, Сергеем Николаевичем Толстым. Но в дневниковой записи от 18 июня 1903 года Л. Н. Толстой, определяя сюжетную канву рассказа, делает запись от первого лица: «Веселый бал в Казани, влюблен в Корейшу, красавицу, дочь воинского начальника-поляка, танцую с ней; ее красавец старик-отец ласково берет ее и идет мазурку. И на утро после влюбленной бессонной ночи, звуки барабана и сквозь строй гонит татарина, и воинский начальник велит больней бить». 9 августа 1903 года Толстой отметил в дневнике: «Написал в один день „Дочь и отец“. Не дурно». До 20 августа писатель исправлял, совершенствовал текст рассказа. Известно, что Толстой читал свой рассказ друзьям и близким и в его чтении слышалось сочувствие молодому Ивану Васильевичу. Впервые рассказ «После бала» был опубликован лишь после смерти писателя.

– Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

– Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

– От чего же? – спросили мы.

– Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

– Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

– Да, – сказал он. – Вся жизнь переменилась от одной ночи, или скорее утра.

– Да что же было?

– А было то, что был я сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у нее уже дочери замужем. Это была Б…, да, Варенька Б…, – Иван

Васильевич назвал фамилию. – Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с ее красотой и высоким ростом, несмотря на ее худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая, всегда веселая улыбка и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего ее милого, молодого существа.

– Каково Иван Васильевич расписывает.

– Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки еще не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег – ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

– Ну, нечего скромничать, – перебила его одна из собеседниц. – Мы ведь знаем ваш еще дагерротипный портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

– Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом платье, в брильянтовой фероньерке на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты – знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду – танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня:

препротивный инженер Анисимов – я до сих пор не могу простить это ему – пригласил ее, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на нее, а видел только высокую стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, ее сияющее, зарумянившееся, с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на нее и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти все время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «Encore»[11].

И я вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела.

– Ну, как же не чувствовали, я думаю, очень чувствовали, когда обнимали ее за талию, не только свое, но и ее тело, – сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

– Да, вот это вы, нынешняя молодежь. Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и еще что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены, для меня же, как говорил Alphonse Karr[12], —хороший был писатель, – на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то что раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не поймете…

– Не слушайте его. Дальше что? – сказал один из нас.

– Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамаши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я еще раз выбрал ее, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

– Так после ужина кадриль моя? – сказал я ей, отводя ее к месту.

– Разумеется, если меня не увезут, – сказала она, улыбаясь.

– Я не дам, – сказал я.

– Дайте же веер, – сказала она.

– Жалко отдавать, – сказал я, подавая ей белый дешевенький веер.

– Так вот вам, чтоб вы не жалели, – сказала она, оторвала перышко от веера и дала мне.

Я взял перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал перышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от нее.

– Смотрите, папа просят танцевать, – сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру ее отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

– Варенька, подите сюда, – услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

– Уговорите, ma chère[13], отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Петр Владиславич, – обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми à la Nicolas I[14] подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но все-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи, отдал ее услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, – «надо всё по закону», – улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за

каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, – хорошие опойковые сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», – думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он все-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел ее ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я ее кавалер.

– Ну, все равно, пройдитесь теперь вы с ней, – сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с ее елисаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же ее, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и ее увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадриль, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидал, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от ее веера и целая ее перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал ее мать и потом ее. Я смотрел

на эти вещи и, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает мое качество, и слышу ее милый голос, когда она говорит: «*Гордость*? да?» – и радостно подает мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу ее в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и ее в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вел самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом – девический институт. Я прошел наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы, и ломовые с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, – все было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидал в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услыхал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» – подумал я и по проезженной посередине поля скользкой дороге пошел по направлению звуков. Пройдя

шагов сто, я из-за тумана стал различать много черных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», – подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошел ближе. Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

– Что это они делают? – спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

– Татарина гоняют за побег, – сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидал посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад – и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед – и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шел твердой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был ее отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул ею по спине татарина. Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле, и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидал между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

– О Господи, – проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, все так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и все так же били барабаны и свистела флейта, и все так же твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

– Я тебе помажу, – услыхал я его гневный голос. – Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

– Подать свежих шпицрутенов! – крикнул он, оглядываясь, и увидал меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лег. Но только стал засыпать, услыхал и увидал опять все и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, – думал я про полковника. – Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было – дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», – думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался – и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

– Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, – сказал один из нас. – Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

– Ну, это уж совсем глупости, – с искренней досадой сказал

Иван Васильевич.

– Ну, а любовь что? – спросили мы.

– Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите… – закончил он.

Вопросы и задания

1. От чьего лица ведется в рассказе повествование о том, что произошло на балу и после бала? Можно ли считать, что в рассказе «После бала» два рассказчика? Как можно назвать каждого из них, памятуя о том, что Иван Васильевич является и героем произведения?

2. Прочитайте начало рассказа по ролям от лица каждого из рассказчиков.

3. Перечитайте заключительную часть рассказа, возвращающую читателя к разговору о среде, о том, «что хорошо, что дурно». Почему автор в конце рассказа вновь вернулся к этому разговору? Как сочетаются разговор-беседа, обрамляющая произведение, с темой и содержанием рассказа Ивана Васильевича о событиях на балу и после бала? Почему «После бала» можно назвать «рассказом в рассказе»? Как соотносятся в произведении прошлое и настоящее?

4. Какие чувства охватывают молодого Ивана Васильевича на балу? Что переживает герой рассказа, расставшись с Варенькой? Что «видел» и «слышал» он под впечатлением веселого бала? Как чувства, испытываемые героем-рассказчиком по возвращении домой, проявляются в отношении к брату и лакею Петруше? Как воспринимает герой утренний городской пейзаж? Выпишите слова и выражения, которые наиболее емко передают состояние Ивана Васильевича.

5. Какие чувства овладели Иваном Васильевичем после увиденного им жестокого наказания татарина? Почему в его рассказе о наказании так часто повторяются слова «стал различать», «стал смотреть», «увидал», «расслышал», «видел», «мельком увидал», «услыхал», «не зная, куда смотреть», «слышались слова»? Как они помогают постепенно раскрыть нарастание того чувства, которое испытал герой рассказа в страшное утро экзекуции? Выпишите слова, которые передают

состояние Ивана Васильевича как свидетеля наказания.

⏩**1.** Какие краски преобладают в описании бала и в описании наказания татарина за побег?

2. Как нарисован полковник на балу и после бала? Можно ли слова, сказанные полковником на балу – «надо все по закону», – соотнести с его поведением во время экзекуции?

⏩⏩**1.** Расскажите, пользуясь своими записями, о переживаниях и думах героя на балу и после бала.

2. В самом начале рассказа собеседники Ивана Васильевича говорят о важности понимания того, «что хорошо, что дурно». Какой ответ на эти вопросы дает писатель в рассказе «После бала»? Какие иллюстрации вы бы нарисовали к произведению Л. Н. Толстого? Как своими иллюстрациями вы бы откликнулись на то, «что хорошо» и «что дурно» в картине жизни, запечатленной в рассказе?

3. Каким предстает Иван Васильевич в характеристике своих собеседников? Какую роль в жизненной судьбе Ивана Васильевича сыграл «случай»? Как характеризует героя его решение не служить в военной службе и нигде не служить?

4. Работая над рассказом «После бала», Л. Н. Толстой расширял эпизод экзекуции и настойчиво подчеркивал контраст в облике полковника на балу и после бала. Что стремился этим сказать писатель?

5. Известно, что в первой редакции рассказа Иван Васильевич сожалеет о том, что не женился на Вареньке. Почему Л. Н. Толстой исключил этот мотив в окончательной редакции рассказа?

6. В чем вы видите критическую силу рассказа «После бала»?

7. В первоначальных редакциях рассказ имел следующие названия «Дочь и отец», «А вы говорите». Почему, как вы думаете, писатель отдал предпочтение заглавию «После бала»?

Контраст как композиционный прием

Обличительная сила рассказа Л. Н. Толстого «После бала» подчеркнута строго продуманным построением (композицией) произведения, в котором контрастно сопоставлены основные сюжетные моменты – сцены бала и экзекуция. Последовательно противопоставляя основные части «искреннего и правдивого» рассказа Ивана Васильевича, писатель настойчиво подчеркивает контраст в душевном состоянии героя, в системе образов-характеров, в описаниях, в отдельных деталях произведения. Многочисленные контрастные сопоставления находят гибкое словесное выражение. Так, искусно используя глубоко волнующий контраст в переживаниях главного героя на балу и после бала, данных в непосредственном движении, развитии, Л. Н. Толстой преднамеренно повторяет слова-лейтмотивы, например, в следующих предложениях: «…в моей душе *любовь* к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность *любви*»; «Мне было до такой степени *стыдно*, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом *постыдном* поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой» (курсив мой. – *Авт.*). Здесь любовь, охватившая Ивана Васильевича на балу, контрастно сопоставлена с чувством стыда у свидетеля наказания. Настойчиво подчеркивает писатель и контраст в поведении полковника с его «ласковой, радостной улыбкой» на балу и «грозно и злобно нахмурившегося» при исполнении наказания. В контрастной перекличке даны в рассказе образы Вареньки, «грациозной и величественной», и наказываемого солдата с его «сморщенным от страдания лицом» и «пестрым, мокрым, красным, неестественным» телом. Контраст как композиционный прием помогает Л. Н. Толстому с предельной ясностью выразить авторскую позицию и донести до читателя беспощадную правду произведения.

Вопросы и задания

1. В своих воспоминаниях о Л. Н. Толстом известный юрист и литератор А. Ф. Кони, коснувшись рассказа «После бала», не смог пройти мимо свойственного произведению контраста. Он отметил: «Этот роковой диссонанс действует сильнее всякой длинной и сложной драмы». В прямом значении слово «диссонанс» означает негармоническое сочетание звуков, а в переносном – разлад, несогласованность, противоречие, резкое несоответствие чему-либо. В каком значении, на ваш взгляд, употребил мемуарист слово «диссонанс»? Можно ли слова «контраст» и «диссонанс» назвать в данном случае синонимами? Почему «диссонанс» назван автором воспоминаний «роковым»?

2. Контрастное сопоставление двух частей рассказа ярко отразилось на языке художественного произведения. Подберите из каждой части рассказа антонимы, передающие звуки и краски бала и экзекуции. Включите их в свой устный рассказ.

Время и пространство в художественном тексте

Композиция рассказа «После бала» во многом определяет особенности организации в нем художественного времени и пространства.

В рассказе можно выделить два временных пласта: это время рассказывания в беседе о том, «что хорошо, что дурно», которая открывает и заканчивает произведение, и время совершения действия, то есть та «длинная история», которая «переменила» всю жизнь рассказчика. История, поведанная Иваном Васильевичем, произошла «в сороковых годах», когда «всеми уважаемый» рассказчик был еще студентом университета. Одна из собеседниц вспоминает его дагерротипный портрет, что свидетельствует о точности воспроизведения эпохи: дагерротипия как один из способов фотографирования была изобретена в 1839 году. Об отдаленности времени событийного от времени рассказывания говорит и возраст героини: прелестной Вареньке Б., которой во время бала любовались и мужчины и женщины, было всего восемнадцать лет, но и позже, в пятьдесят лет, она, по свидетельству Ивана Васильевича, «была замечательная красавица» (значит, между рассказанными событиями и временем рассказывания наверняка миновало свыше тридцати лет).

Вспоминая о событиях на балу и после бала, Иван Васильевич характеризует их как «дело прошлое», что определяет особенности повествовательной манеры в рассказе, для которого характерно частое использование глаголов прошедшего времени. Особенно настойчиво используется в рассказе глагол «быть», который подчеркивает, что «случай», рассказанный Иваном Васильевичем, предшествует моменту речи: «А было то, что был я сильно влюблен»; «Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное

существо, не знающее зла и способное на одно добро». Порой глагол «быть» начинает отдельные предложения, подчеркивая особенности сказовой манеры Ивана Васильевича: «Был я в то время студентом…»; «Был я очень веселый и бойкий малый…»; «Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах…».

Время рассказывания, в котором находятся повествователь и его собеседники, и время совершения действия, в котором живут герои произведения, всегда соотносятся со временем создания произведения и с сегодняшним днем, когда художественное произведение становится достоянием читателя.

В рассказе как малой форме повествовательной литературы пространство действия неизбежно ограничено. События, описанные в рассказе «После бала», происходят «на бале у губернского предводителя», в доме рассказчика и на улицах небольшого провинциального города. Герой рассказа, боявшийся «только одного, чтобы что-нибудь не испортило» его «счастья», невольно появляется в конце города, «подле большого поля», где жила Варенька Б. Именно там находился девический институт и именно там находилось «гулянье», где и произошло страшное истязание беглого солдата, которым руководил «высокий военный в шинели и фуражке». Так время действия рассказа, повествующего о событиях на балу и после бала, тесно связано с организацией пространства в произведении.

Вопросы и задания

1. Герой произведения и рассказчик Иван Васильевич «случай» из своей жизни называет «длинной историей». Но в самом ли деле это «длинная история»? Ведь тут же он говорит, что его «жизнь переменилась от одной ночи, или скорее утра». Вчитайтесь в рассказ и проследите, как писатель устами Ивана Васильевича фиксирует время ночного бала и наступившего следом за ним дня. С какими событиями связаны эти указания на время действия? Какова временная дистанция между началом рассказа о «чудесном» бале и событиями, замыкающими рассказ Ивана Васильевича?

1. Характеризуя внешность полковника, Толстой подчеркивает, что «лицо у него было очень румяное, с белыми à la Nicolas I подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками». Сравнение внешности полковника, «служаки николаевской выправки», с Николаем I является важной художественной деталью рассказа.

Подумайте, почему писатель прибегает к сравнению внешности полковника с внешностью царя. Какое развитие это сравнение находит в сюжете рассказа «После бала»?

2. Рисуя облик хозяйки бала, писатель подчеркивает, что она была «в бархатном пюсовом платье, в брильянтовой фероньерке на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны». Почему Толстой в рассказе «После бала» трижды воссоздает портрет хозяйки бала, каждый раз сопоставляя его с портретом Елизаветы Петровны? В какой мере упоминание об императрице Елизавете Петровне расширяет временные границы произведения Толстого?

Литература XX века

Ю. Н. Тынянов. М. Алданов. С. Цвейг. Б. Л. Васильев. Л. М. Леонов.

Автор и время на страницах произведений XX века

Интерес к прошлому хранили все поколения людей. Наука XX века принесла искусству слова реальную возможность более обстоятельно отобразить в художественном произведении былое. Стало острее и требовательнее отношение читающей публики к произведениям, посвященным ушедшим эпохам. Авторы все чаще стали искать в прошлом ответы на вопросы сегодняшнего дня.

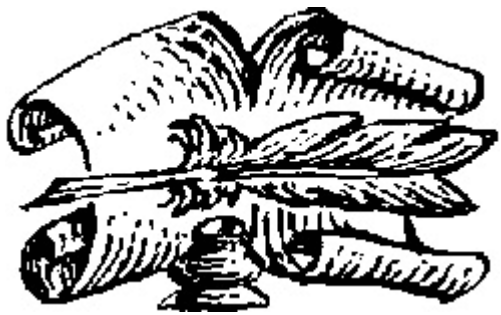
Расширились тематика и жанровое богатство исторических произведений, среди них появились научная фантастика, детективная и приключенческая литература, фэнтези. Лучшие из этих произведений способствуют усилению интереса читателя к давно прошедшим временам и легендарным событиям.

Споры, увлечения и заблуждения эпохи принесли новые подходы и новые оценки исторических событий, расширили жанровую палитру художников слова. Наряду с романами-эпопеями, такими как «Тихий Дон» М. Шолохова, появились яркие и динамичные исторические миниатюры, например «Звездные часы человечества» Цвейга. Авторская позиция

проявляется не только в выборе жанра произведения, но и в освещении того или иного события, в выборе героев. Оценка писателем ушедшего времени отражает его взгляд на мир сегодняшний.

История остается историей, и интерес к ней, стремление до конца разобраться в ее тайнах присущи читателям разных поколений, сменяющих друг друга. Эпос, лирика и драма, используя существующие жанры и стремясь создать новые, состязаются в попытках приблизить события прошедших столетий к нашему сегодняшнему дню, к его заботам, поискам и свершениям.

Былины и их герои в поэзии XX века



Иван Алексеевич Бунин **(1870–1953)**

Автор многочисленных рассказов и повестей, Иван Бунин говорил: «Я поэт, и больше поэт, чем писатель, я главным образом поэт». Но свою поэзию он никогда не отделял от прозы, которой присущи повышенная эмоциональность и глубокий лиризм.

Поэзия Бунина вдохновляется нетленной красотой природы. Его «жадный взор» подмечает «золотой иконостас заката», «звезд узор живой», «седое небо», «день прохладный и пустой», «солнечные палаты» соснового бора, «леса на дальних косогорах», которые напоминают ему «желто-красный лисий мех», «нагие» осенние степи. В красках природы ему светит «любовь и радость бытия».

В начале века Бунин совершает путешествия по странам Европы и Азии. В его стихах начинает звучать тема минувшего, которая гармонично соединяется с темой красоты в жизни и искусстве: «Красота, что мир стремит вперед, есть тоже след былого». Памятники старины разных эпох и стран выступают в

стихах поэта как живые свидетели человеческой истории. Бунин вдохновляется образами Древнего Востока, античной Греции, историческими памятниками Палестины и Египта. Он бродит мыслью в отдаленности пространства и времени:

Я человек: как Бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

В лирические стихотворения Ивана Бунина вторгается живая стихия русского фольклора. Былины и сказки, предания и легенды преображаются в стихи. Россыпи народной мудрости находят проникновенное отражение в стихотворениях «Два голоса», «Святогор», «Мачеха», «Отрава», «Невеста», «Князь Всеслав», «Аленушка». В них воспеты подлинные герои прошлого и мифологические герои, натуры мятежные, дерзновенные и таинственные.

На распутье

На распутье в диком древнем поле
Черный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле,
И в траве заржавел старый щит.

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротишься домой.

Путь направо без коня оставит —
Побредешь один и сир и наг, —
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в незнаемых полях…»

Жутко мне! Вдали стоят могилы…
В них былое дремлет вечным сном…
«Отзовися, ворон чернокрылый!
Укажи мне путь в краю глухом».

Дремлет полдень. На тропах звериных
Тлеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах…
Но куда и как по ним идти?

Где равнина дикая граничит?
Кто, пугая чуткого коня,
В тишине из синей дали кличет
Человечьим голосом меня?

И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит…
Черный ворон сумрачно и важно,
Полусонный, на кресте сидит.

Вопросы и задания

⏩**1.** Какое чувство вызывает у вас описание степи, заросшей бурьяном? Почему в этом описании поэт использует слова «поле», «степь», «равнина», «край»? Какие эпитеты к ним обогащают картину степи? Объясните значение олицетворений «былое дремлет вечным сном», «дремлет полдень».

2. Какие переживания вызывает у поэта созерцание «древнего поля»? К каким художественным средствам прибегает поэт, высказывая охватившие его чувства? В каких словах выражен лейтмотив стихотворения?

⏩⏩**1.** Сопоставьте подпись «на камешке» в былине «Три поездки Ильи Муромца»:

Старому-де казаку да Илье Муромцу
Три пути пришло, дорожки широкие:
А во дороженьку-ту ехать – убиту быть,
Во другую-ту ехать – женату быть,
Да во третью-ту ехать – богату быть… —

с надписью на кресте в стихотворении «На распутье». Чего добился поэт, изменив надпись? Почему он назвал ее «роковой»?

2. Сопоставьте стихотворение И. А. Бунина «На распутье» и картину художника В. М. Васнецова «Витязь на распутье». Какие мотивы объединяют произведения поэта и художника?

Святогор

В чистом поле, у камня Алатыря,
Будит конь Святогора-богатыря:

Грудью пал на колчан Святогор.
Ворон по полю плавает, каркая.
Свет-заря помутилася жаркая.
Месяц встал на полночный дозор.

Ой, не спит Святогор, – притворяется!
Конь легонько копытом касается
До плеча в золоченой резьбе:
«Я ль не сытый пшеницею яровой?
Я ль не крытый попоною жаровой?
Мне ль Ивана носить на себе?»

В чистом поле, у камня Алатыря,
Светит месяц по шлему богатыря:
Принял Божию смерть Святогор.
Конь вздыхает, ревет по-звериному:
Он служил господину единому!
А Иван распахнул бел шатер:

Он ползет по росе, подкрадается,
Он татарином диким гоняется,
Он за гриву хватает коня.
Ночь за ночью идет, ворон каркает,
Ветром конь вкруг Алатыря шаркает,
Стременами пустыми звеня.

Вопросы и задания

1. Какова тема стихотворения? Почему Святогор принял «Божию смерть» возле «камня Алатыря», который в русском фольклоре изображается как «всем камням отец», как «бел-горюч камень» и наделяется целительными свойствами?

2. Какими чувствами и мыслями делится поэт с читателем в стихотворении «Святогор»?

1. Какую роль выполняет в стихотворении пейзаж «чистого поля»? Какие звуки нарушают тишину нарисованной поэтом картины? Какое значение приобретает в стихотворении образ каркающего ворона?

2. В стихотворении «Святогор» поэт, изображая богатырского коня, следует традициям русского былинного эпоса. Как он показывает привязанность коня своему хозяину?

Святогор и Илья

На гривастых конях на косматых,
На златых стременах на разлатых,
Едут братья, меньшой и старшой,
Едут сутки, и двое, и трое,
Видят в поле корыто простое,
Наезжают – ан гроб, да большой:

Гроб глубокий, из дуба долбленный,
С черной крышей, тяжелой, томленой,
Вот и поднял ее Святогор,
Лег, накрылся и шутит: «А впору!
Помоги-ка, Илья, Святогору
Снова выйти на Божий простор!»

Обнял крышу Илья, усмехнулся,
Во всю грузную печень надулся,
Двинул кверху… Да нет, погоди!
«Ты мечом»! – слышен голос из гроба.
Он за меч, – занимается злоба,
Загорается сердце в груди, —

Но и меч не берет: с виду рубит,
Да не делает дела, а губит:
Где ударит – там обруч готов,
Нарастает железная скрепа:
Не подняться из гробного склепа
Святогору во веки веков!

Кинул биться Илья – Божья воля.
Едет прочь вдоль широкого поля,
Утирает слезу… Отняла
Русской силы Земля половину:
Выезжай на иную путину,
На иные дела!

Вопросы и задания

1. «Святогор и Илья» – это стихотворное переложение одного из центральных эпизодов былины «Святогор и Илья Муромец». Какими предстают в стихотворении былинные богатыри? На чьей

стороне симпатии автора?

2. Герой русских былин Святогор, один из старших богатырей, не может найти применения своей силе. Как отражена эта черта Святогора в стихотворении И. А. Бунина? Как вы понимаете смысл концовки стихотворения?

1. Что объединяет стихотворения «Святогор» и «Святогор и Илья»? Как показана в них гибель богатыря?

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942)

Поэзия Бальмонта – поэзия мимолетности, запечатленных мгновений. В каждой минуте он стремится почувствовать всю полноту жизни, увидеть окно в вечность. Он отдается «могучему и сладостному» ощущению победы над «веками и пространствами». В неутолимой жажде познания Бальмонт объехал чуть ли не весь свет. В его лирике нередко встречаются образы чужих земель, далекой истории, культуры, искусства. В сборниках «Жар-птица», «Птицы в воздухе», «Хоровод времен» поэт погружается в «народную стихию» и воссоздает образы «песнопевцев», «кудесников русской речи», славян, «знающих простор», вспоминает Илью Муромца, которого никто не превзошел «в благородстве и в размахе».

Стихотворения Бальмонта на редкость мелодичны. Сам поэт писал, что «в них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые». Его стихи завораживают магией звуков: в них «чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши», и «шепотом, ропотом рощи полны», в них бьется с бурей «чуждый чистым чарам счастья, челн томленья, челн тревог».

В 1921 году Бальмонт вместе с семьей на год уехал в командировку за границу. Но ему не суждено было вернуться в Россию. Бальмонт тосковал по родине, по дому, по маленькой деревушке Гумнищи Шуйского уезда Владимирской области, где он родился. В одном из стихотворений он с грустью писал:

Мой траур не на месяцы означен,
Он будет длиться много странных лет.

Живая вода

Богатыри родные,
В вас светят небеса,

В вас – водные, степные,
Лесные голоса.

Вы детство укачали,
Как зимняя мятель[15]
Качает в снежной дали
Загрезившую ель.

Вы в отрочестве жили,
Как отсвет вечных сил,
Как стебель давней были,
Который тьму пробил.

Вы юность обвенчали
С нарядною мечтой,
С глубинностью печали,
С улыбкой золотой.

Когда мечта хотела
Быть в яркой зыби дней,
Вы поглядели смело,
Жар-птицу дали ей.

Когда в затон мечтанья
Вошла, как тень, печаль,
Вы сделали страданье
Прозрачным, как хрусталь.

Мгновенья потонули,
Но, жезл подъявши свой,
Вы молодость вернули
И смех – с водой живой.

И где сошлись дороги,
Ваш образ – как звезда.
Богатыри, вы – боги,
Вам жить и жить всегда.

Вопросы и задания

1. Как вы понимаете смысл заглавия стихотворения?
2. В стихотворении «Живая вода» обращение к «родным

богатырям» выступает в роли поэтического приема, который определяет эмоциональную атмосферу стихотворения и его построение. Проследите, как поэт, отдавший дань изяществу формы, чередованием обращений достигает композиционной стройности стихотворения.

⏩**1.** Как воспринимаются богатыри в разные периоды человеческой жизни? Какими они предстают в детстве, отрочестве, юности? Как вы понимаете метафоры «в яркой зыби дней», «затон мечтанья», «мгновенья потонули»? Чего достигает поэт, используя эти образные выражения?

2. Какие сравнения, щедро рассыпанные по всему стихотворению, вам показались неожиданными, необычными, яркими?

3. В каких словах стихотворения дается образ перепутья, распутья?

⏩⏩**1.** Как подчеркнуто в стихотворении единство богатырей и природы?

Евгений Михайлович Винокуров
(1925–1993)

Основная тема лирики Евгения Винокурова – духовная зрелость человека, размышления о его внутреннем мире: вселенная «проста, но сложен человек». Он увлечен обдумыванием действительности и напряженно всматривается в то, «как в мире сем прелестно все запутано, как все непостижимо». «Сторонник внешности земной», он не проходит мимо зримых подробностей окружающего мира. Поэт радуется солнцу, «когда оно пылающе встает над кромкой леса раскаленным шаром», он щурится «от ромашковой пыльцы», он вспоминает, что «где-то есть провинция с геранью, с бегущей к речке ниточкой тропы». Но в его стихах жива и память о войне – о «казарме, густо побеленной», о «пайке, выданной в обрез», о грустном крике гармоники, о боевых друзьях. В своей лирике Винокуров противится тому, чтобы «остылой жизни чашу по капельке тянуть». Мир для него «таинственно высок». Он желает постичь его многообразие и цельность, найти «слова, что будут жить всегда». Эти слова, говорит поэт, должны быть написаны кровью:

Линючие чернила не в почете
у выстрадавших право на слова!

Евгений Винокуров всегда внимателен к тому, что «повествуют были» и что «мифы говорят». В циклах стихов «Эллада» и «Старина» он «день за днем минувшее листает» и слышит его «дальний гул». Размышления о минувшем и о «будничных, необычайных днях» нередко сопровождаются тонким добродушным юмором. Возвышенная философичность лирического творчества поэта соседствует с обыденной конкретностью:

Через толчею житейской гущи
я хотел бы до конца пути
чувство то, что мы единосущи
с вечностью,
по миру пронести.

Богатырь

От загнетки[16] тянет вонью,
опротивел быт…
Подперев щеку ладонью,
богатырь скорбит.
Он встает мрачнее тучи
с кряком на весь дом,
богатырские онучи[17]
намотал с трудом.

Не пора ль? Размять бы тело,
затекла спина.
И, признаться,
надоела
нудная жена…
Едет он —
пред ним дорога —
и мычит себе…
Надпись с повеленьем рока
видит на столбе:
«Если ты
поедешь влево,
то сгоришь в огне».
Богатырь бормочет:
– Эва,
это не по мне!..

«Ждет тебя, коль пустишь
вправо
своего коня,
ковш резной, а в нем отрава…»
– Нет уж, чур меня!..

Ввек бы не носить
шелома[18] и не брать пращи,
а сидеть бы лучше дома
и хлебать бы щи.
Вкруг меня жевали б детки
мед из свежих сот.
Как приятно из загнетки
теплотой несет!..

До родимого порога,
что уж,
рад не рад,
та же самая дорога
повела назад…

Вопросы и задания

1. Что отвергает богатырь в начале стихотворения и как показан его жизненный идеал в концовке стихотворения?

2. Одним из средств создания комического в литературе является неожиданность, которая заставляет читателя улыбнуться, задуматься над природой смешного. Почему стихотворение «Богатырь» вызывает у читателя улыбку?

3. Комическое в литературе имеет много разновидностей: от резко критического осмеяния изображаемого до юмористического смеха, который может быть и средством любования автора своим героем. Каков характер комического в стихотворении Е. Винокурова?

1. Какие былинные мотивы использовал поэт в стихотворении, создавая образ безымянного богатыря?

2. Какие чувства выразил поэт, обратившийся в стихотворении «Богатырь» к былинному эпосу? Что утверждает он своим стихотворением?

Вопросы и задания ко всей теме

1. Сопоставьте стихотворения И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта, Е. М. Винокурова. Какие чувства выразили поэты, обратившись к былинным мотивам и сюжетам? Почему эти чувства столь различны? Что объединяет эти стихотворения?

2. Какими предстают в стихотворениях, навеянных былинами, прошлое и современная поэтам действительность?

3. Какое из стихотворений произвело на вас наиболее яркое впечатление? Почему? Выучите это произведение наизусть.

Юрий Николаевич Тынянов (1894–1943)

За пятнадцатилетний период творческой деятельности Ю. Н. Тынянов проявил себя как исторический романист, литературовед, один из основателей нашего кино, переводчик.

В. Каверин в своих воспоминаниях «Друг юности и всей жизни» отмечал, что к семнадцати годам Тынянов «не просто прочел, а пережил русскую литературу», память его была необыкновенной, он поражал всех способностью читать наизусть часами Пушкина и Шевченко.

Тынянов учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где больше всего занимался в пушкинском семинаре у профессора Венгерова. На одном из заседаний он прочел свой доклад о Кюхельбекере, высоко оцененный преподавателем. Тынянов вспоминает: «Венгеров оживился. Захлопал. Так началась моя работа».

Литературная деятельность Ю. Тынянова началась с историко-биографического романа «Кюхля»[19] о жизни поэта-декабриста В. К. Кюхельбекера. До появления романа о нем как поэте и человеке знали мало, его имя упоминалось, лишь когда говорили о лицейском друге – великом Пушкине. Писатель сумел, широко привлекая архивные материалы, тщательно анализируя творчество В. Кюхельбекера, воссоздать образ этого человека.

Вслед за Пушкиным Тынянов стремился в своих произведениях «воскрешать век минувший в его истине». Вокруг героя развертывается панорама общественной жизни России первых десятилетий XIX века. Время представлено в событиях и людях, известных истории, – видных политических деятелях, писателях. Среди них Пушкин, преданнейший друг, чей образ возникает даже в предсмертных видениях Кюхли.

Этапы биографии героя сливаются с изображением картин исторического плана. Так, в центре романа – события 14 декабря 1825 года на Сенатской площади и на их фоне романтически восторженный поэт Кюхельбекер, полный решимости, готовый к

подвигу, но волей обстоятельств бессильный что-либо сделать. Драма, вызванная разгромом восстания, для Кюхельбекера перерастает в трагедию человека, «выключенного из эпохи, вытолкнутого из жизни». Им овладевает безразличие, потому что теперь «стремиться решительно некуда, ждать решительно нечего». Дальше была Петропавловская крепость, где «время как бы остановилось», затем поселение в далекой Сибири.

Следующий исторический роман Ю. И. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» – книга о Грибоедове. Если в первом произведении перед читателем проходит вся жизнь Кюхельбекера с детских лет до самой смерти, то новый роман о русском посланнике и большом писателе посвящен лишь последнему году жизни создателя комедии «Горе от ума», его трагической гибели в Тегеране. Прошлое дается в воспоминаниях героев, в авторских отступлениях. Как и в «Кюхле», в книге о Грибоедове Тынянов стремится раскрыть общественно-исторические причины, породившие духовную драму дипломата и писателя, раскрыть «загадку» его личности.

Ю. Тынянов собирался написать роман о Петре и петровской эпохе, не о смерти, а о жизни и деятельности русского императора; читал множество книг, собирал материалы, делал выписки, наброски, планы. К сожалению, этому замыслу не удалось осуществиться – помешала тяжелая болезнь и смерть.

Незавершенным остался и роман-исследование «Пушкин». Написаны лишь три части «Детство», «Лицей» и «Юность», но произведение воспринимается как целостная книга о детстве и юности великого русского поэта.

Любовь к родине, к русской литературе, к историческому прошлому своего народа пронизывает все творчество Ю. Н. Тынянова.

Тыняновым было написано несколько исторических произведений с оригинальным сюжетом. К ним относятся рассказ «Подпоручик Киже», в основу которого положен исторический анекдот времени царствования Павла I, и повесть «Восковая персона», раскрывающая трагическое одиночество Петра I.

Подпоручик Киже

В рассказе Ю. Н. Тынянова, получившем всеобщее признание, говорится о том, как ошибка нового полкового писаря, нечаянно написавшего вместо «подпоручики же Стивен, Рыбак… назначаются» – «подпоручик Киже, Стивен…», породила человека, «фигуры не имеющего». Но приказ, уже подписанный императором, есть приказ, и, значит, подпоручик Киже должен

существовать – без лица, но с фамилией.

В том же приказе, который сделал подпоручика живым, растерявшийся от страха молодой писарь допустил вторую ошибку. Он написал: «Поручика Синюхаева, как умершего горячкой, считать по службе выбывшим». Приказы же «имели не смысл, не значение, а собственную жизнь и власть, – пишет автор. – …Приказ как-то изменял полки, улицы и людей». Поэтому закономерен и приказ командира полка – «считать подпоручика Киже в живых, назначить в караул; поручика Синюхаева, как умершего горячкой, считать по службе выбывшим». Поручик Синюхаев привык внимать приказам как «особым словам», чувствовать их власть и даже ни разу не подумал, что в приказе сделана ошибка, напротив того, ему «показалось, что он по ошибке, по оплошности жив». Да и доказать кому-нибудь, что он жив, было невозможно.

Находчивый адъютант, когда кто-то закричал под окном спящего Павла I «Караул!», называет имя мнимого подпоручика Киже, так как настоящего виновника не могут найти. С этого момента подпоручик Киже начинает жить самостоятельной жизнью. Он наказан (его прогоняют сквозь строй), сослан в Сибирь («важное пространство» шло между часовыми, сопровождавшими его в ссылку, и никто ничему не удивлялся); потом подпоручик был прощен императором, возвращен в Петербург, произведен в поручики, капитаны, полковники, генералы. К числу «лучших людей» относит его император: Киже несет службу «без ропота и шума». Характера своего героя автор не раскрывает, так как нет самого героя, зато «с поразительной достоверностью показан характер самого государства» (В. Каверин).

Рассказ «Подпоручик Киже» был переведен на несколько европейских языков, на его сюжет был поставлен кинофильм и одноактный балет (музыка С. С. Прокофьева).

В тех классах, где учащиеся выберут для обсуждения рассказ Ю. Тынянова «Подпоручик Киже», на уроке можно использовать вопросы и задания, помещенные в учебнике.

Вопросы и задания для самостоятельного прочтения рассказа

1. Прочитайте рассказ «Подпоручик Киже». Почему его относят к историческим произведениям? Чем интересен этот рассказ?

2. Какие последствия имели сделанные новым полковым писарем ошибки?

3. Расскажите «биографию» подпоручика Киже. Почему стало возможным его «существование»?

⏩**1.** Найдите в тексте авторскую иронию[20] и гротеск[21]. Какова роль гротеска в рассказе? В каком произведении вы уже встречались с гротеском?

⏩⏩**1.** В чем трагизм судьбы Синюхаева?

2. Каким предстает в рассказе Павел I?

3. Если бы вам предложили составить киносценарий по рассказу «Подпоручик Киже», какие бы кадры вы включили в него? Какой бы авторский текст дали?

Восковая персона. *В сокращении*

Повесть начинается с изображения умирающего ПетраI «посреди трудов недоконченных». Одна мысль терзает его: на кого оставить Россию, сей «немалый корабль», которому была отдана вся его жизнь? На кого оставить государство, «великую науку», «немалое искусство»? Все вокруг него, начиная с жены Катерины и любимца Меншикова, равнодушны к делу его жизни. Идет «неслыханный скандал», «ручная и ножная драка» между первыми людьми государства. «Наложить топор», ликвидировать «гнилой корень» – взяточничество, казнокрадство, обман, которые характеризуют его окружение, – Петр не успел.

Предсмертные размышления императора, его мысленное прощание со всем тем, что ему было дорого, – эти страницы не могут оставить равнодушными читателей. Перед нами трагедия человека, всю жизнь трудившегося для отечества («А для кого трудился? Для отечества»). Он оставляет страну в тот момент, когда он так нужен, когда нет рядом преемника, который продолжил бы его дело преобразования России.

Скульптор Растрелли после смерти императора создает его «восковое подобие» – восковую персону, которая движется на тайных пружинах и продолжает беспокоить живых.

Глава первая

Доктор вернейший, потщись мя лечити.
Болезненну рану от мя отлучите.

Акт о Калеандре

2

Данилыч, герцог Ижорский[22], теперь вовсе не раздевался. Он сидел в своей спальной комнате и подремывал: не идут ли?

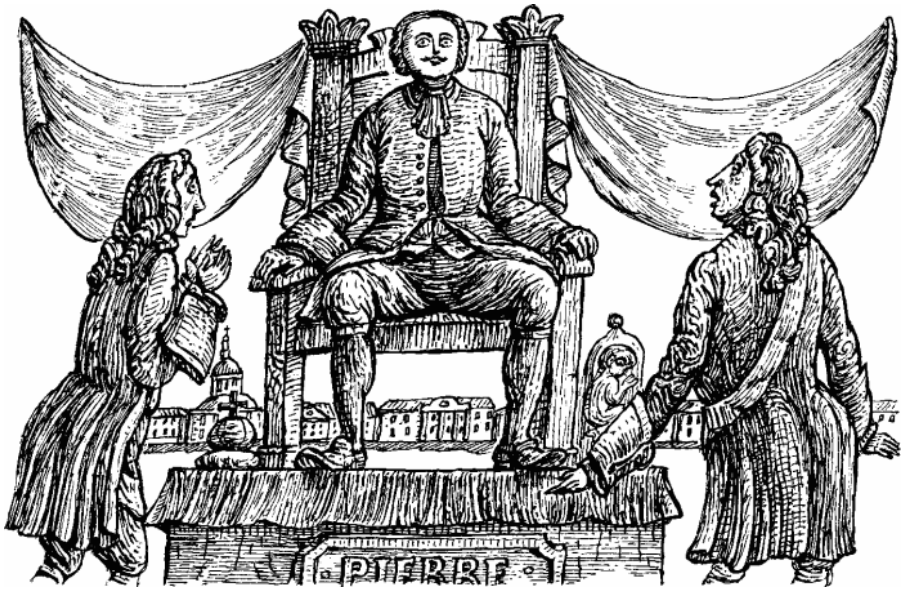
Он уж так давно приучился посиживать и сидя дремать: ждал гибели за монастырское погрáбление, почепское межевание и великие дачи, которые ему давали: кто по сту тысячей, а кто по пятьдесят ефимков; от городов и от мужиков; от иностранцев разных состояний и от королевского двора; а потом – при подрядах на чужое имя, обшивке войска, изготовлении негодных портиш – и прямо из казны. У него был нос вострый, пламенный, и сухие руки. Он любил, чтоб все огнем горело в руках, чтоб всего было много и все было самое наилучшее, чтобы все было стройно и бережно.

По вечерам он считал свои убытки:

– Васильевский остров был мне подаренный, а потом в одночасье отобран. В последнем жалованье по войскам обнесен. И только одно для меня великое утешение будет, если город Батурин[23] подарят.

Светлейший князь Данилыч обыкновенно призывал своего министра Волкова и спрашивал у него отчета, сколько маетностей числится у него по сей час. Потом запирался, вспоминал последнюю цифру, пятьдесят две тысячи подданных душ, или вспоминал об убойном и сальном промысле, что был у него в архангельском Городе, – и чувствовал некоторую потаенную сладость у самых губ, сладость от маетностей[24], что много всего имеет, больше всех, и что все у него растет. Водил войска, строил быстро и рачительно, был прилежный и охотный господин, но миновались походы и кончались канальные строения, а рука была все сухая, горячая, ей работа была нужна, или нужна была баба, или дача[25]?

Данилыч, князь Римский, полюбил дачу.



Он уже не мог обнять глазом всех своих маетностей, сколько ему принадлежало городов, селений и душ, – и сам себе иногда удивлялся:

– Чем боле володею, тем боле рука горит. <…>

И теперь, по прошествии многих мелких и крупных дач и грабительств и ссылке всех неистовых врагов: барона Шафирки, еврея, и многих других, он сидел и ждал суда и казни, а сам все думал, сжав зубы:

«Отдам половину, отшучусь».

А выпив ренского, представлял уже некоторый сладостный город, свой собственный, и прибавлял:

– Но уж Батурин – мне.

А потом пошло все хуже и хуже; и легко было понять, что может быть выем обеих ноздрей – каторга.

Оставалась одна надежда в этом упадке: было переведено много денег на Лондон и Амстердам, и впоследствии пригодятся.

Но кто родился под планетой Венерой – Брюс говорил про того: исполнение желаний и избавление из тесных мест. Вот сам и заболел.

Теперь Данилыч сидел и ждал: когда позовут? Михайловна все молилась, чтоб уж поскорей.

И две ночи он уже так сидел в параде, во всей форме.

И вот, когда он так сидел и ждал, под вечер вошел к нему слуга и сказал:

– Граф Растреллий, по особому делу.

– Что ж его черти принесли? – удивился герцог. – И графство его негодное.

Но вот уже входил сам граф Растреллий[26].

Его графство было не настоящее, а папежское: папа за что-то дал ему графство, или он это графство купил у папы, а сам он был не кто иной, как художник искусства. <…>

3

Его пропустили с подмастерьем, господином Лежандром. Господин Лежандр шел по улицам с фонарем и освещал дорогу Растреллию, а потом внизу доложил, что просит пропустить к герцогу и его, подмастерья, господина Лежандра, потому что бойчей знает говорить по-немецки.

Их допустили. <…>

Граф Растреллий поклонился и произнес, что дук[27] д'Ижора – изящный господин и великолепный покровитель искусств, отец их, и что он только для того и пришел.

– Ваша алтесса[28] – отец всех искусств, – так передал это господин подмастерье Лежандр, но сказал вместо «искусств»: «штук», потому что знал польское слово – штука, обозначающее: искусство. <…>

Тут Растреллий сказал, а господин Лежандр пояснил:

– Дошло до его слуха, что когда император помрет, то господин де Каравакк хочет делать с него маску, и господин де Каравакк не умеет делать масок, а маски с мертвых умеет делать он, Растреллий.

Но тут Меншиков легонько вытянулся в креслах, воздушно соскочил с них и подбежал к двери. Заглянул за дверь и потом долго глядел в окошко; он смотрел, нет ли где изыскателей и доносителей.

Потом он приступил к Растреллию и сказал так:

– Ты что бредишь непотребные слова, относящиеся к самой персоне? Император жив и нынче получил облегчение.

Но тут граф Растреллий сильно махнул головой с отрицанием.

– Император, конечно, умрет в четыре дня, – сказал он, – так говорил мне господин врач Лацаритти.

И тут же, поясняя речь, ткнул двумя толстыми и малыми пальцами вниз, в пол, – что именно в четыре дня император, конечно, пойдет уже в землю.

И тут Данилыч почувствовал легкий озноб и потрясение, потому что никто еще из посторонних так явно не говорил о царской смерти. Он почувствовал восторг, что как бы восторгают его над полом и он как бы возносится в воздухе над своим

состоянием. Все переменилось в нем. И уже за столом и в креслах сидел спокойный человек, отец искусств, который более не интересовался мелкой дачей.

Тут Растреллий сказал, а господин подмастерье Лежандр и министр Волков перевели, каждый по-своему:

– Он, Растреллий, это хочет для того сделать, что той любопытной маской он надеется приобрести большое внимание при иностранных дворах, и у Цесаря, равно как и во Франции. А зато обещается он, Растреллий, сделать маску и с самого герцога, когда тот умрет, и согласен сделать ему портрет, медный, небольшой, с герцогской дочери.

– Ты ему скажи – я сам с него маску спущу, – сказал Данилыч, – а с дочки пусть сделает середней величины. Дурак.

И Растреллий обещался.

Но потом, потоптавшись, побулькав толстыми губами, он вытянул вдруг правую ручку – на правой ручке горели рубины и карбункулы – и стал говорить до того быстро, что Лежандр и Волков, открыв рты, стояли и ничего не переводили. Его речь была как пузырьки, которые всплывают на воде вокруг купающегося человека и так же быстро лопаются. Пузырьки всплывали и лопались – и наконец купающийся человек нырнул: граф Растреллий захлебнулся.

Потом герцогу доложили: есть искусство изящное и самое верное, так что нельзя портрет отличить от того человека, с которого портрет делан. Ни медь, ни бронза, ни самый мягкий свинец, ни левкос не идут против того вещества, из которого делают портреты художники этого искусства. Искусство это самое древнее и дольше всего держится, еще со времен даже римских императоров. И вещество само лезет в руку, так оно лепко, и малейший выем или выпуклость, оно все передает, стоит надавить, или выпятить ладошкой, или влепить пальцем, или вколупнуть стилем, а потом лицевать, гладить, обладить, обровнять, – и получается: великолепие.

Меншиков с беспокойством следил за пальцами Растреллия. Маленькие пальцы, кривые от холода и водки, красные, морщинистые, мяли воздушную глину. И, наконец, оказалось еще следующее: лет двести назад нашли в итальянской земле девушку, девушка была как живая, и все было как живое и сверху и сзади. То была, одни говорили, статуя работы известного мастера Рафаила, а другие говорили, что Андрея Верокия или Орсиния.

И тут Растреллий захохотал, как смеется растущее дитя: его глаза скрылись, нос сморщился, и он крикнул, торопясь:

– Но то была Юлия, дочь известного Цицерона, живая, то есть

не живая, но сама природа сделала со временем ее тем веществом. – И Растреллий захлебнулся. – И это вещество – воск.

– Сколько за тую девку просят? – спросил герцог.

– Она непродажна, – сказал Лежандр.

– Она непродажна, – сказал Волков.

– То и говорить не стоит, – сказал герцог.

Но тут Растреллий поднял вверх малую, толстую руку.

– Скажите дуку Ижорскому, – приказал он, – что со всех великих государей, когда умирают, непременно делают по точной мерке такие восковые портреты. И есть портрет покойного короля Луи Четырнадцатого, и его делал славный мастер Антон Бенуа – мой учитель и наставник в этом деле, и теперь во всех европейских землях, больших и малых, остался для этого дела один мастер: и тот мастер – я.

И пальцем ткнул себя в грудь и поклонился широко и пышно дуку Ижорскому, Данилычу.

Спокойно сидел Данилыч и спросил у мастера:

– А ростом портрет велик ли?

Растреллий ответил:

– Портрет мелок, как сам покойный французский государь был мал; рот у него женский; нос как у орла клюв; но нижняя губа сильна и знатный подбородок. Одет он в кружева, и есть способ, чтоб он вскакивал и показывал рукой благоволение посетителям, потому что он стоит в музее.

Тут руки у Данилыча задвигались: он был малознающ в устройствах, но роскошен и любил вещи. Он не любил художества, а любил досужество. Но по привычке спросил, как бы из любознания:

– А махина внутри или приделана снаружи, и из стали или железная – или какая?

Но тут же махнул рукой и сказал:

– А обычай тот глуп, чтоб персоне вскакивать и всякому бездельнику оказывать честь, да и не время мне сейчас.

Но после краткого перевода Растреллий поймал воздух в кулак и так поднес герцогу:

– Фортуна, – сказал он, – кто нечаянно ногой наступит – перед тем персона встанет, все то есть испытание фортуны.

И тут наступило полное молчание. Тогда герцог Ижорский вынул из глубокого кармана серебряный футляр, достал из него зубочистку и почистил ею в зубах.

– А воск от литья, от фурмов[29] пушечных что остался, – на тот портрет годится? – спросил он потом.

Растреллий дал гордый ответ, что нет, не годится, нужен самый белый воск, но тут вошла Михайловна.

– Зовут, – сказала она.

И Данилыч, светлейший князь, встал, распоряжаться готовый. <…>

5

Всю ночь он трудился во сне, ему снились трудные сны.

А для кого трудился? – Для отечества.

Рукам его снилась ноша. Он эту ношу таскал с одного беспокойного места в другое, а ноги уставали, становились все тоньше и стали под конец совсем тонкие. <…>

Он совсем проснулся.

Печь была натоплена с вечера так, что глазурь калилась и как на глазах лопалась, как будто потрескивала. Комната была малая, сухая, самый воздух лопался, как глазурь, от жары.

Ах, если б малую, сухую голову проняла бы фонтанная прохлада!

Чтобы фонтан напружился и переметнул свою струю – вот тогда разорвало бы болезнь.

А когда все тело проснулось, оно поняло: Петру Михайлову приходит конец, самый конечный и скорый. Самое большее оставалась ему неделя. На меньшее он не соглашался, о меньшем он думать боялся. А Петром Михайловым он звал себя, когда любил или жалел.

И тогда глаза стали смотреть на синие голландские кафли, которые он выписал из Голландии, и здесь пробовал такие кафли завести, да не удалось, на эту печь, которая долго после него простоит, добрая печь.

Отчего те кафли не завелись? Он не вспомнил и смотрел на кафли, и смотрение было самое детское, безо всего.

Мельница ветряная,
и павильон с мостом,
и корабли трехмачтовые.
И море. <…>

Дерево, кудрявое, похожее на китайское, коляска, в ней человек, а с той стороны башня, и флаг, и птицы летят.

Шалаш, и рядом девка большая, и сомнительно, может ли войти в шалаш, потому что не сделана пропорция.

Голландский монах, плешивый, под колючим деревом читает книгу. На нем толстая дерюга и сидит, оборотясь задом.

И море.

Голубятня, простая, с колонками, а колонки толстые, как колена. И статуи, и горшки. Собака позади, с женским лицом, лает. Птица сбоку делает на краул крылом.

Китайская пагода прохладная.

Два толстых человека на мосту, а мост на сваях, как на книжных переплетах. Голландское обыкновение.

Еще мост, подъемный, на цепях, а выем круглый.

Башня, сверху опущен крюк, на крюке веревка, а на веревке мотается кладь. Тащат. А внизу, в канале, лодка и три гребца, на них круглые шляпы, и они везут в лодке корову. И корова с большой головой и ряба, крапленая.

Пастух гонит рогатое стадо, а на горе деревья, колючие, шершавые, как собаки. Летний жар.

Замок, квадратный, старого образца, утки перед замком в заливе, и дерево накренилось. Норд-ост.

И море.

Разоренное строение или руины, и конное войско едет по песку, а стволы голые, и шатры рогатые.

И корабль трехмачтовый и море.

И прощай, море, и прощай, печь.

Прощайте, прекрасные палаты, более не ходить по вас!

Прощай, верея[30], верейка! На тебе не отправляться к Сенату!

Не дожидайся! Команду распустить, жалованье выдать!

Прощайте, кортик с портупеей!

Кафтан!

Туфли!

Прощай, море! Сердитое!

Паруса тоже, прощайте!

Канаты просмоленные!

Морской ветер, устерсы!

Парусное дело, фабрические дворы, прощайте!

Дело навигацкое и ружейное!

И ты тоже прощай, шерстобитное дело и валяное дело! И дело мундира!

Еще прощай, рудный розыск, горы, глубокие, с духотой!

В мыльню сходить, испáриться!

Малвазии выпить доктора запрещают!..

Петергофский огород, прощай! Великолуцкие грабины, липы амстердамские! <…>

Прощай, Питер-Бас[31], господин капитан бомбардирской роты Петр Михайлов!

От злой и внутренней секретной болезни умираю!

И неизвестно, на кого отечество, и хозяйство, и художества оставляю!

Он плакал без голоса в одеяло, а одеяло было лоскутное, из многих лоскутьев, бархатных, шелковых и бумазейных, как у деревенских детей, теплое. И оно промокло с нижнего краю. Колпак сполз с его широкой головы; голова была стриженая, солдатская, бритый лоб.

А человек рядом, в каморке, замолчал, не скрыпит пером, на счетах не брякает. И не успеть ему на тот гнилой корень топор наложить. Прогнали уже, видно, того человечка из каморы, некому боле его докладов слушать.

Миновал ему срок, продали его, умирает солдатский сын Петр Михайлов! <…>

6

А в ту еще ночь в каморе, что рядом со спальной комнатой, – сидел за столом небольшой человек, рябоват, широколиц, невиден. Шелестел бумагами. Все бумаги были разложены по порядку, чтоб в любое время предстать в спальную комнату и рапортовать. <…>

И когда настала болезнь, позвали того невидного человека, и ему сказано: будь рядом, в каморке, со спальною моей комнатою, сбоку, потому что не могу более ходить в твои места. А ты сиди и пиши и мне докладывай. А обед тебе туда в каморку будут подавать. А сиди и таись. Таись и пиши.

И после того ежедневно в каморке скрып-бряк – человек кидал на счеты огульные числа. И утром второго дня человек прошел в спальную комнату тайком и рапортовал. После этого рапорта стало дергать губу, и показалась пена. Человечек стоял и ждал. Он был терпеливый, пережидал, а голову держал набок. Невидный человек. Потом, когда губодерга поменьшела, человечек поднял лоб, лоб был морщеный – и заметнул взгляд до самой персоны, даже до самых глаз, – и взгляд был простой, ресницы рыжи, этот взгляд бывалый. Тогда человек спросил, потише, как спрашивают о здоровье у хворого человека или у погорелого о доме:

– А как скажешь, сечь ли мне одни только сучья?

Но рот был неподвижен, не дергался более и не отвечал ничего. А глаза были закрыты, и верно, начиналось внутреннее секретное грызение. Тогда рябой подумал, что тот не расслышал, и спросил еще потише:

– А и скажешь ли наложить топор на весь корень?

А тот молчал, и этот все стоял со своими бумагами.

Человек рябой, невидный. Мякинин Алексей.

Тогда глаза раскрылись, и тонкий голос, с трещиною, сказал Алексею Мякинину:

– Тли дотла.

А глаз закосил со страхом на Мякинина – показалось, что Мякинин жалеет. Но тот стоял – рыжий, пестрина шла у него по лицу, небольшой человек, спокойный, – служба.

И теперь человек все прикидывал и пришивал толстою иглою, а утром докладывал – лоб на лоб. Бумаги у него были уже толстые. <…>

Дело первое было светлейшего князя, герцога Ижорского. И как отскрыпел, пришил к нему начало. А начало уже и раньше было – о знатных суммах, которые его светлость переправил в амстердамские и лионские кредиты. Но это начало так и осталось началом, а он пришил еще другое, самое первое начало – тоже о знатных суммах, которые его светлость положил в Амстердаме и Лионе. Знатнейших суммах. А вспотел он оттого, что те немалые деньги переслала через его светлость в голландский Амстердам и к француженам в Лион не кто иной, как ее самодержавие. Он весь вспотел. А потом заодно пришил ведомость еще неизвестных и тайных дач через Вилима Ивановича, тоже данных ее величеству. <…>

И утром пришел к докладу: тот еще спал. Он постоял на месте.

Потом глаз открыт, и тем дан знак, что слушает. И тихим голосом, даже не голосом, а как бы внутренним воркотаньем, у самого уха, доложено. Но глаз опять закрыт, и Мякинин думал, что лежит без памяти, и стоял, сомневаясь. Но тут покатилась слеза – и той слезой дан знак, что внял. А пальцами другой знак, и его не понял Мякинин: не то – уходить, не то, что нечего делать, нужно дальше следовать, не то как бы: мол, брось; теперь, мол, все равно.

Он так и не понял, а ушел в каморку, больше не скрыпел и счеты тихонько задвинул ногой. И ему забыли в тот день принести обед. Так он сидел голодный и спать не ложился. Потом услышал: что-то неладно, ходят там и шуршат, как на сеновале, а потом тихо – и все не то. Под утро он вырвал тихонько все, что пришил, разорвал на клоки и, осмотрясь, вложил в сапог. А числа цифирью записал в необыкновенном месте, на тот раз, что если придется, то можно все сызнова составить и доложить.

Через час толкнули дверь, и вошла Екатерина, ее величество. Тогда Мякинин Алексей встал во фрунт. И пальцем ее величество показала – уходить. Он было взялся за листы, но тут она положила на них свою руку. И посмотрела. И Мякинин Алексей, слова не сказав, пошел вон. Дома пожег в печке все, что сунул в

сапог. А цифирь осталась, только в непоказанном месте, и никто не поймет.

И немало дел осталось в каморке.

Про великие утайки от кораблей и от судов, что строил, – это про генерал-адмирала господина Апраксина[32].

И почти про всех господ из Сената, кто сколько и за что. Но только с поминовением великих взяток и утаек, а про малые писать места нет. Как купцы прибытки прячут, про купцов Шустовых, которые даже до многих тысячей налоги не платят, а сами в нетях, бродят неведомо где под нищим образом. Как господа дворянство прячут хлеб и выжидают, чтоб более денег нажить, когда голод настанет, их имена и многое другое. Осталось и куда делось – об этом Мякинин не думал.

Он был рыжий, широколобый, не верховный господин. Если б не Павел Иванович Ягужинский, он бы век не сидел, может, в той каморке, и его бы оттуда не гнала сама Екатерина.

К утру три сенатора пошли в Сенат, и Сенат собрался и издал указ: выпустить многих колодников, которые сосланы на каторги, и освободить, чтоб молили о многолетнем здоровье величества.

Начались большие дела: хозяин еще говорил, но более не мог гневаться. Ночью было послано за Данилычем, герцогом Ижорским. А он, уж из большого дворца, посылал к себе за своим военным секретарем Вюстом и сказал удвоить караулы в городе враз. Вюст враз удвоил.

И тогда все узнали, что скоро умрет. <…>

Вопросы и задания к главе первой

▶▶▶**1.** Что больше всего беспокоит умирающего Петра I?

2. Сопоставьте размышления Петра и Данилыча, герцога Ижорского. Каким предстает в этой главе Меншиков? Что беспокоит его? О чем он думает? Какие детали в его портрете подчеркивает автор?

3. Как изменяется настроение Данилыча, когда ему говорят о близкой смерти императора?

4. Обратите особое внимание на как бы подслушанный автором предсмертный бред Петра. Какие чувства охватывают вас при чтении этих страниц? Как удается Тынянову вызвать у читателя эти чувства?

5. Проследим за движением мыслей Петра. Как воспринимает он «синие голландские кафли», на которые смотрит? Какие мысли возникают у него? Какое слово повторяется как рефрен? Почему оно выделено автором в особую строку?

6. Мысль Петра развивается не столько логически, сколько эмоционально; воспоминания наплывают одно за другим. Чем дороги ему эти воспоминания? Что делает образ Петра не только величественным, но и трагическим?

7. Вся пятая часть главы пронизана лиризмом, читается как стихотворение в прозе. Попробуйте ее так прочитать.

8. О каких «великих утайках» первых людей государства идет речь во второй и шестой частях главы? Почему Петру не на кого оставить тот «немалый корабль», которому отдана вся жизнь?

Глава вторая

Не лучше ли жить, чем умереть?

Выменей, король самоедский

1

В кунштка́море[33] было немалое хозяйство. Она началась в Москве, и была сначала каморкой, а потом была в Летнем дворце, в Петерсбурке; тут было две каморки. Потом стала кунштка́мора, каменный дом. Он был отделен от других, на Смольном дворе; тут было все вместе, и живое и мертвое, а у сторожей своя мазанка при доме. Сторожей было трое. Один имел смотрение за теми, что в банках, другой за чучелами, обметал их, третий – чистил палаты. Потом, когда по важному делу Алексей Петровича казнили, всю кунштка́мору поголовно, все неестественное и неизвестное перевели в Литейную часть – в Кикины палаты. Так натуралии перевозили из дома в дом. Но это было далеко, все стали заезжать и заходить не так охотно и прилежно. Тогда начали строить кунштхаузы на главной площади, так чтоб со всех сторон было главное: с одной стороны – здание всех коллегий, с другой стороны – крепость, с третьей – кунштхаузы и с четвертой – Нева. Но пока что в Кикины палаты мало ходило людей, у них не было такой прилежности. Тогда придумано, чтобы каждый получал при смотрении кунштка́моры свой интерес: кто туда заходил, того угощали либо чашкой кофе, либо рюмкой водки или венгерского вина. А на закуску давали цукерброд. Ягужинский, генерал-прокурор, предложил, чтобы всякий, кто захочет смотреть редкости, пусть платит по рублю за вход, из чего можно бы собрать сумму на содержание уродов. Но это не принято, и даже стали выдавать водку и цукерброды без платы.

Тогда стало заметно больше людей заходить в кунштукамору. А двое подьячих – один средней статьи, другой старый – заходили и по два раза на дню, но им уж водку редко давали, а цукербродов никогда. Давали сайку или крендель, а то калач, а то и ничего не давали. Подьячие жили поблизости, в мазанках.

А водил их по кунштукаморе, чтобы они чего не попортили или не унесли с собой, – господин суббиблиотекарь или же сторож. Или главный урод, Яков. Яков был еще и истопник, топил печи. В Кикиных палатах было тепло.

2

<…> А в третьей палате стояли звери.

И всякий, кто заходил и смотрел, думал: вот какой блестящий, жирный зверь в чужой земле!

Звери стояли темные, блестящие, с острыми и тупыми мордами, и морды были как сумерки и смотрели в стеклянные стенки. Сходцы со всей земли, жирная шерсть, западники!

Обезьяна в банке сидела смирная, морда у ней была лиловая, строгая, она была как католический святой.

Лежали на столах минералы, сверкали земляными блесками. И окаменелый хлеб из Копенгагена.

И всякий, кто заходил, смотрел на шкапы и долго дивился: вот какие натуралии! А потом наталкивался на тех зверей, которые стояли без шкапов. Без шкапов, на свободе, стояли русские звери или такие, которые здесь, в русской земле, умерли.

Белый соболь сибирский, ящерицы. <…>

Различные минералы великой земли лежали на столах.

Неподалеку стоял африканский осел – зебра, как калмыцкий халат.

Морж.

Лапландский олень, Джигитей

Великая Самоядь послала гонцов в Петерсбурк, и самоеды шли на оленях и стали на Петровом острову. Много деревьев и довольно моху. Один раз зажгли большой огонь, плясали, били в ладоши и пели. Джигитей не мог знать, что умер король самоедский и нет его более, он только нюхал дым. Потом пришли к Джигитею.

– Джигитей-ей-ей!

Ветер был во рту, и олень ел его вместо моха, пока не стало больно, потому что досыта наелся. А его все кололи в бок, вожжи все пели, он ел и ел ветер и больше не мог.

И когда доскакал до некоего места, кругом кричали:

– Король самоедский, – а с него сняли лямку, и человек гладил его иршаной рукавицей, а он упал.

Он упал, потому что объелся ветром, и умер, и шкуру сняли, набили – и он стал чучело.

Лежали минералы на столах.

Стояли болваны, которых ископал Гагарин, сибирский провинциал. Хотел достать из земли минералов, а ископал в Самарканде медные фигуры: портреты минотавроса, гуся, старика и толстой девки. Руки у девки как копыта, глаза толстые, губы смеются, а в копытах своих держит светильник, что когда-то горел, а теперь не горит. А у гуся в морде сделана дудка. И это боги, а дудка сделана, чтоб говорить за бога, за того гуся. И это обман. Надписи на всех как иголки, и никто в Академии прочесть не может.

Жеребец Лизета, самого хозяина. Бурой шерсти. Носил героя в Полтавской баталии, был ранен. Хвост не более десяти вершков длиною, седло обыкновенной величины. Стремена железные, на полфунта от земли.

Два пса – один кобель, другой сучка. Самого хозяина. Первый – датской породы. Тиран, шерсть бурая, шея белая. Вторая – Лента – аглицкой породы. Обыкновенный пес. Потом щенята: Пироис, Эоис, Аетон и Флегон. <…>

А в малой комнате были еще птицы – белые, красные, голубые и желтые. Сама голубая, хвост черный, клюв белый. Кто ее такую поймал?

3

Указ о монстрах или уродах[34]. Чтобы в каждом городе приносили или приводили к коменданту всех человечьих, скотских, звериных и птичьих уродов. Обещан платеж, по смотрении. Но мало приводили. Драгунская вдова принесла двух младенцев, у каждого по две головы, и спинами срослись. Сделан ли платеж малый или что другое, – но в таком великом государстве более уродов не оказывалось.

И тогда генерал-прокурор, господин Ягужинский[35], присоветовал ввести на уродов тарифу, чтоб платеж был справедливый. Плата такая: за человечьего урода по 10 рублей, за скотского и звериного по 5, за птичьего по 3. Это за мертвых.

А за живых – за человечьего по сту рублей, за скотского и звериного по 15, за птичьего урода по 7. Чтоб не слушали нашептов, что уроды от ведовства и от порчи. Чтоб доставляли в кунштукамору. Для науки. Если же кто будет обличен в

недоставлении – с того штраф вдесятеро против платежа. А если урод умрет, класть его в спирты. Нет спиртов – класть в двойное вино, а то и в простое и затянуть говяжьим пузырем. Чтоб не портился. <…>

Вопросы и задания к главе второй

▶**1.** Что интересного вы узнали для себя о кунсткамере – первом музее, созданном в России Петром I? Почему Тынянов столь подробно его описывает?

▶▶**1.** Что вы можете сказать о языке текста повести, конструкции фраз, лексике? В каких фразах проявляется юмор писателя?

2. Как создается Тыняновым временная дистанция между изображенной петровской эпохой и читателями? Что способствует этому?

▶▶▶**1.** Сопоставьте текст повести (части первая, вторая) и отрывок из исторического труда О. Беляева «Кабинет Петра Великого», которым, вероятно, пользовался Тынянов, создавая свое произведение. «Еще когда была столицей Москва, Петр передал в ведение главной аптеки приобретенные им за границей коллекции „рыб, птиц и гадов, сохраняемых в склянках“. В 1714 году коллекции, хранившиеся в аптекарской канцелярии, а также личные коллекции Петра и его библиотека были переведены в Петербург и размещены в Летнем дворце. Все это считалось личным собранием царя и называлось „Императорский кабинет“. Потом было отдано распоряжение перевести коллекции в Кунштъ Камору, в дом Александра Кикина – Кикины палаты. С 1719 года кунсткамера стала доступной для посетителей. Кунсткамере стали отпускаться специальные средства, дабы возбудить к ней интерес». В двух текстах, как вы видите, сообщаются одни и те же факты, а впечатление создается разное. Почему? Обратите внимание на особенности авторской речи. От чьего лица говорит автор? Обоснуйте ваше мнение примерами из текста.

2. Как вы понимаете высказывание писателя: «…Где кончается документ, там я начинаю»?

Глава третья

Сидела ли у трудной постелюшки,
Была ли у душевного

расставаньица?

Песнь

В полшеста часа зазвонило жидко и тонко: караульный солдат на мануфактуре Апраксина забил в колокол, чтоб все шли на работу. Ударили в било на пороховых, на Березовом, Петербургском острове и в доску – на восковых на Выборгской. И старухи встали на работу в Прядильном дому.

В полшеста часа было ни темно, ни светло, шел серый снег. Фурманщики задували уже фитили в фонарях.

В полшеста часа забил колоколец у него в горле, и он умер.

Глава четвертая

И не токмо в кавалерии воюет,
Но и в инфантерии храбро марширует.

Пастушок Михаил Валдайский <…>

1

Весь день, всю ночь он был на ногах. Глаз его смотрел востро, две морщины были на лбу, как будто их сделала шпага, и шпага была при нем, и ордена на нем, и отвороты мундирные топорщились. Он ходил как часы:

– Тик-так.

Его шаг был точный.

Он стал легкий, жира в нем не было, осталось одно мясо. Он был как птица или же как шпага: лететь так лететь, колоть так колоть.

И это было все равно как на войне, когда нападал на шведов: тот же сквозной лес, и те же невидные враги, и тайные команды.

Он сказал Катерине дать денег, и та без слова – только посмотрела ему в лицо – открыла весь государственный ящик – бери. Из тех денег ничего себе не оставил, разве какая мелочь прилипла, – все получили господа гвардия. И его министры скакали день и ночь. И господин министр Волков вернулся раз – стал желт, поскакал в другой, вернулся – стал бел. И господин Вюст где-то все похаживал, и одежа прилипла к его телу от пота.

А в нужное время отворил герцог Ижорский своей ручкой

окно, чтоб впустить легкий ветер во дворец. Кто там лежал в боковой палате? Мертвый? Живой? Не в нем дело. Дело в том – кому быть? – И он впустил ветер. И ветер вошел не ветром, а барабанным стуком: забили на дворе в барабаны господа гвардия, лейб-Меншиков полк. И господа Сенат, которые сидели во дворце, перестали спорить, кому быть, и тогда все поняли: да, точно так, быть бабьему царству.

Виват, Полковница!

Это было в третьем часу пополуночи.

И тогда, когда он понял: есть! все есть! – в руках птица! – тогда его отпустило немного, а он подумал, что совсем отпустило, – и пошел бродить.

Он стал бродить по дворцу и руки заложил за спину, и его еще немного отпустило противу прежнего – приустал.

А в полшеста часа, когда взошел в боковую, а тот еще лежал неприбранный, – отпустило совсем.

И вспомнил Данилыч, от кого получал свою государственную силу, с кем целовался, с кем колокола на пушки лил, с кем посуду серебряную плавил на деньги – сколько добра извел, – кого обманывал.

И вот он стал на единый момент словно опять Алексашка, который спал на одной постели с хозяином, его глаза покраснели, стали волчьи, злые от грусти.

И тогда – Екатерина возрыдала.

Кто в первый раз услыхал этот рев, тот испугался, тот почуял – есть хозяйка. И нужно реветь. И весь дом заревел и казался с улицы разнообразно ревущим.

И ни господа гвардия, которые бродили по дворцу, как стадные конюхи по полю, господа гвардия – дворянская косточка, ни мышастые старички – господа Сенат, и никто из слуг не заметили, что в дом вошел господин граф Растреллий.

2

А он шел, опираясь на трость, и сильно дышал, он спешил, чтоб не опоздать, в руке у него был купецкий аршин, каким меряют перинные тюки или бархаты на платье. А впереди семенил господин Лежандр, подмастерье, с ведром, в котором был белый левкос, как будто он шел белить стены.

И, вошед в боковую, художник отдернул занавес с алькова и посмотрел на Петра.

– Не хватит, – сказал он хрипло и кратко, оборотясь к Лежандру. – Придется докупать, а где теперь достать?

Потом еще отступил и посмотрел издали.

– Я говорил вам, господин Лежандр, – прокаркал он недовольно, – чтоб вы менее таскались по остериям и более обращали внимания на дело. Но ты прикупил мало, и теперь мы останемся без ног.

И тут обратился к вошедшей Екатерине наклонением всего корпуса.

– О мать! – произнес он. – Императрикс! Высокая! Мы снимаем подобие с полубога!

И он вдруг подавился, надулся весь, и слезы горохом поскакали у него из глаз.

Он засучил рукава.

И через полчаса он вышел в залу и вынес на блюде подобие. Оно только что застыло, и мастер поднял ввысь малый толстый палец, предупреждая: чтобы не касались, не лезли целовать.

И никто не лез.

Гипсовый портрет смотрел на всех яйцами надутых глаз, две морщины были на лбу, и губа была дернута влево, а скулы набрякли материею и гневом.

Тогда художник увидал: в зале среди господ Сената и господ гвардии толкался и застревал малый чернявый человек, он стремился, а его не пускали. И мастер надул губы от важности и довольства, и лицо его стало как у лягушки, потому что тот чернявый был господин Луи де Каравакк, и этот вострый художник запоздал.

Дук Ижорский дернул мастера за рукав и мотнул головой: уходить. И мастер оставил гипсовое подобие и ушел. Он нес с собою в простом холстяном мешке второе личное подобие – восковое, ноги из левкоса и ступни и ладони из воска.

И гипсовое подобие на всех смотрело.

Тогда Екатерина возрыдала. <…>

И наконец его обвопили, и уложили, и все дело покончили. И в палатах открыли окна, ветер гулял в палатах и все очистил. <…>

И тут она стала погуливать по палатам хозяйкою и тихонько напевала.

И ей не мог быть приятен вид, открывавшийся в палате: на возвышенных креслах, под балдахином, сидело восковое подобие. И хоть она велела тот балдахин с креслами, для величия, огородить золочеными пнями, а между пнями пустить зеленые с золотом веревки, – но все от него было холодно и не хозяйственно, как в склепе или где еще. Он был парсуна, или же портрет, но неизвестно было, как с ним обращаться, и многое такое даже нестать было говорить при нем. Хоть он был и в самом деле портрет, но во всем похож и являлся подобием. Он был одет в парадные одежды, и она сама их выбирала, не без мысли: те самые одежды, в которых был при ее коронации. Чтоб все помнили именно про ту коронацию. Кресла поставили ему лучшие, березовые, те, что с легкими распорками, с точеными балясинами, – на вкус его великолепия. И он сидел на подушке и, положа свободно руки на локотники, держал ладони полурастворенными, как бы ощупывая мизинцем позументики.

Камзол голубой, цифрованный. Галстук дала батистовый, верхние чулки выбрала пунцовые со стрелками. И подвязки – его, позументные, новые, он еще ни разу их не повязывал. И ведь главное было то, что на нем, как на живом человеке, было не только все верхнее, как положено, но и нижнее: исподница, сорочка выбивается кружевными манжетками.

И смотреть с ног вовсе не могла, потому что уговорили ее обуть его в старые штиблеты, для того чтоб все видели, как он заботился об отечестве, что был бережлив и не роскошен. И эти штиблеты, если на них смотреть прилежно, – изношенные, носы загнуты, скоро подметку менять – и сейчас топнут. И она не могла смотреть слишком высоко, потому что голова закинута с выжиданием, а на голове его собственный, жестковатый волос. Его парик. Смотреть же на пояс и на портупею тоже не хотелось. Он кортика не вынет, назад не задвинет – и вот каждый раз об этом приходить в мнение и опять отходить.

А в ножнах кармашек, в нем его золотой нож с вилкою: к обеду.

Хуже всего было, что это двигалось на тайных пружинах, как кому пожелается. Сначала она не хотела принимать, а сказала прямо отдать художнику и денег не платить, из-за этих пружин,

что они сделаны. Но потом ей объяснили, что на то было светлейшее согласие. Тогда она велела его огородить и веревками обтянуть, не столько ради величия, а чтоб хоть не вставал. И опасалась близко подходить.

И не было приличного места, где его содержать: в доме от него неприятно, мало какие могут быть дела, а он голову закинул, выжидает. Сидит день и ночь, и когда светло и в темноте. Сидит один, и неизвестно, для чего он нужен. От него несмелость, глотать за обедом он мешает. В присутственные места посылать его никак невозможно, потому что сначала будет помешательство делам, а потом, когда привыкнут, не слишком бы осмелели. И хоть оно восковое, а все в императорском звании. В Оружейную канцелярию, где быть Академии рисования, – тоже нельзя: первое, что еще нет Академии, а только будет; другое – что это не только художество, но и важный и любопытный государственный предмет.

И так он сидел, ото всех покинутый. Но малая зала уже очистилась и нужна была. А тут подох попугай и послан сразу в кунштукамору. И туда же – государственные медали с емблемами и боями. И вещи, которые он точил, – паникадило, досканец и другие, из слоновой кости. Это тоже важные государственные памяти.

Тогда стало ясно: да, быть ему в кунштукаморе, как предмету особенному, замысловатому и весьма редкому и по художеству, и по государству.

Там ему место. <…>

Глава пятая

Ей, худо будет; спокаесься после,
Неутешно плакати будешь опосле.

Акт

Хоть пойду в сады или в виноградЫ,
Не имею в сердце ни малой отрады.

Егор Столетов

2

Его свезли в кунштакамору ночью, чтобы не было лишних мыслей и речей. Уставили ящик со всею снастью в крошни, закидали соломой и отвезли в Кикины палаты. Едут солдаты во тьме, везут что-то. Может быть, фураж, и никому нет дела.

Несли все сторожа, да и двупалые помогали. Они были сонные, еще не рассвело, и помощь от них была какая? Они светили. Держали в клешнях своих самые большие свечи, которые были в Кикиных палатах, и старались, чтоб ветер не задул.

А в палатах очистили большой угол, передвинули оленя, да перенесли три шафа[36].

Два дня вешали там завесы, набивали ступени; обили их алым сукном с позументами. И одели все красной камкою, для предохранения от пыли. Уставили работы господина Лебланка навес с лавровым суком и с пальмовым. На куполе была подушка деревянная, взбитая, со складками, как будто ее сейчас с постели взяли, – так ее сделал господин Лебланк, – на подушке царская корона с пупышками, а над короною стоит на одной ноге государственная птица, орел, как бы к морозу или собирается лететь. Во рту лавровый сук, в когтях – литеры Пе и Пе.

Когда уставляли, поломали лавровый сук и одно крыло. Лебланк чинил, замазывал и получил за починку особо. Он за этот навес и за болванку получил немалые деньги и теперь собрался уезжать.

Поднимали даже полы, и господин механикус Ботом пустил там разные железные прутики и пружины, подпольную снасть.

И усадили. Смотрел он в окно. А по бокам уставили шафы с разным платьем, тоже его собственным, подвесили к окну гвинейского попугая. Поставили в углу собачек: Тиран, Эоис и Лизет Даниловна.

Так он ее называл, эта Лизет была как будто бы родная сестра Данилычу. Это он так говорил в шутку и в смех. А она была собака, рыжая, аглицкой породы.

А в углу – лошадь, тоже Лизета, – но она облезла, и ее покрыли попоной, а на попоне тоже литеры Пе и Пе.

Но потом пришли в сомнение. Собаки еще ничего, собак в палаты не только допускают, особенно немецкие люди, но еще и кости им бросают, как прилично образованным людям, и если собаки ученые, они носят поноску, выказывают свой ум и так радуют гостей. Но лошадей в палаты пускал разве только Калигула, император римский, и такой, что лучше его не поминать. Нельзя преобращать важное зрелище в конское стойло. Хоть и любимый конь и участвовал в Полтавском бою, но облез, и от него пойдет тля. И вскоре лошадь Лизету убрали вон и с попоною.

А пока таскали, переносили некоторые натуралии, уставляли – уплыло из склянок несколько винного духу.

И ночью шестипалый прошел в портретную палату (теперь ее так стали звать).

Темно было. Сторожа спали, их свалил винный дух. Видны были собаки Тиран, Лизет и Эоис, и мертвая шерсть стояла на них дыбом.

И, закинув голову, в голубом, и опершись руками о подлокотники, протянув удобно вперед длинные ноги, – сидела персона.

Издали смотрел на нее шестипалый.

Так вот какой он был!

Большой, звезда на нем серебряная!

И все то – воск.

Воск он всю жизнь собирал по ухожью и в ульях, воск он тапливал, резал, в руках мял, случалось, делал из него свечки, воск его пальцы помнили лучше, чем хлеб, который он сегодня утром ел, – и сделали из того воска человека!

А для чего? Для кого? Зачем тот человек сделан, и вокруг собаки стоят, птица висит? И тот человек смотрит в окно? Одетый, обутый, глаза открыты.

Где столько воска набрали?

И тут он подвинулся поближе и увидел голову.

Волос как шерсть.

И ему захотелось пощупать воск рукой. Он еще подошел.

Тогда чуть зазвенело, звякнуло, и тот стал подыматься.

Шестипалый стоял, как стояли в углу натуралии, – он не дышал.

И еще звякнуло, зашипело, как в часах перед боем, – и, мало дрогнув, встав во весь рост, повернувшись, – воск сделал рукой мановение – как будто сказал шестипалому:

– Здравствуй. <…>

6

Когда случился тот неслыханный скандал[37], тот крик, и брань, и бушевание, те язвительные и зазорные взаимные обзывы: хунцват, вор, шумница и другие, и явилась драка, ручная и ножная, между первыми людьми государства, с подножками, а потом с обнажением шпаг, и конец драки: разъем от господ Сената, – в то время была теплая погода.

И когда он ехал домой, он вначале не мог отдышаться, в ушах был звон, дыхание в ноздрях, а не в груди, и губная дрожь. И он

велел себя возить. Тогда мало-помалу он почувствовал облегчение и заметил, что по Неве идет сквозной дым, как нагар на сливе, воздух потонел, потом сказал свернуть к Летнему огороду. Проехал вдоль по Невскому перспективному болоту – там несожженные березы уже пустили клей. Понял, что они через месяц станут раскидываться. От этого голова остыла, и когда приехал домой, не стал метать руду, не позвал господина Густафсона дуть в пикульку, но заснул внезапно и не успел заметить, что устал и правая рука болит. <…>

И назавтра вышла из ягужинского дома, из той ягужинской люстры, команда не команда, свита не свита – вышли люди с ружьями, со свистами, с пением, человек даже до двадцати.

И впереди всех шел Павел Иванович, господин Ягужинский, при звезде, при ленте и со шпагою. Он качался на ногах.

С великим ужасом бежали от них прочь прохожие люди, и сворачивали лошадей люди проезжие, и от них бежали десятские, и рогаточные караульщики, а полицеймейстерской команды сержанты и каптенармусы смотрели разиня рот, руки по швам.

В той свите господина Ягужинского был шумный шведский господин Густафсон, и он дул с аффектом, во всю силу – в пикульку.

А другие, пройдя по Невской перспективной дороге, стреляли в птиц, потому что уже прилетели болотные утки, и это было запрещено указом. И набито много дикой птицы, а две пули попали в мазанку. И тут же господа из свиты пускали струи на землю и кричали разные слова.

И эта свита с господином прошла по улицам, как наводнение или же ураган, называемый смерчем. <…>

И никто не успел опомниться, как прокатилась вся свита, или, иначе, команда или компания, до реки и перебралась за реку, и ее донесло до самых Кикиных палат.

А впереди всех шел скоро, и ветер его подталкивал сзади, при звезде, кавалерии и шпаге, и в руке на отвесе тяжелая тросточка или же дубинка, – сам господин генеральный прокурор, и у него было тяжелое лицо.

И так не успели ничего понять ни сторож, старый солдат, ни другой – и в анатомию, в кунштыкамору ввалилась вся компания, вся команда. Но, ввалившись, ослабела. Потому что спокойно глядели на них утопленные младенцы и лягвы и улыбался мальчик, у которого было видно устройство мозга и черепа. Это была наука. И они отстали в передней комнате, и там же стояли сторожа и глядели и тряслись, чтоб не было покражи натуралий или ломки и порчи, чтоб никто не унес в кармане склянки или какой-нибудь птицы. И тут же стояли двупалые и смотрели на шумных людей

человеческими глазами. Но они были дураки, и тоже тихие. Балтазар Шталь выступил вперед и сказал голосом ослабевшим и хрипким:

– Я как апотекарь…

Но, не глядя на него, господин генеральный прокурор прошел далее. И с ним только двое двинулись из его свиты, шведский господин Густафсон и еще один. И за ними пошел шестипалый Яков. Он шел за господином Ягужинским, вытянув голову, как идет охотничья собака, нюхнувшая дикую птицу, покорно и затаясь в себе. Потому что живая птица влетела в кунштькамору, дикая, площадная, толстая, в голубом шелку, и со звездою, и при шпаге, и это был человек, и он не шел, он летел. В палате, где стояли разные сибирские боги, с обманными дудками, – застрял еще один человек. И в портретную палату влетела та толстая птица со слепыми мутными голубыми глазами и вошли два человека: шведский господин Густафсон и Яков, шестипалый, урод.

И, влетев в портретную, Ягужинский остановился, шатнулся и вдруг пожелтел. И, сняв шляпу, он стал подходить.

Тогда зашипело и заурчало, как в часах перед боем, и, сотрясшись, воск встал, мало склонив голову, и сделал ему благоволение рукой, как будто сказал:

– Здравствуй.

Этого генеральный прокурор не ожидал. И, отступя, он растерялся, поклонился нетвердо и зашел влево. И воск повернулся тогда на длинных и слабых ногах, которые сидели столько времени и отерпли, – голова откинулась, а рука протянулась и указала на дверь:

– Вон. <…>

Вопросы и задания к четвертой и пятой главам

1. Как отнеслись первые люди государства к смерти Петра I? Какие детали в поведении Екатерины подчеркивают неискренность ее переживаний?

2. Какой предстает восковая персона в восприятии «хозяйки», «ее самодержавия»? Почему даже восковое подобие императора продолжает беспокоить живых?

1. Сопоставьте две фразы из восьмой части четвертой главы: «Сидит один, и неизвестно, для чего он нужен…» и «И так он сидел, ото всех покинутый…». Что отличает их друг от друга, кому они принадлежат? Почему восковое подобие отправлено в кунсткамеру («Там ему место»)?

2. В пятой главе, как и во второй, дается описание кунсткамеры от лица свидетеля всего происходящего. Одинаковы ли эти описания? Обратите внимание на сам тон повествования. Как изображена «встреча» восковой персоны с одним из живых «монстров» кунсткамеры?

3. Тынянов, часто говоря о восковом подобии императора, употребляет слова «сидел», «сидит». Почему же «воск встал», указав на дверь генералу-прокурору Ягужинскому? Что означает этот жест и относится ли он только к Ягужинскому?

Вопросы и задания ко всему тексту повести, прочитанному самостоятельно

1. Как удается Ю. Н. Тынянову погрузить читателей в атмосферу давно прошедшей петровской эпохи?

2. Какие образы, на ваш взгляд, особенно ярко нарисованы в повести?

1. Обратимся к словам Ю. Н. Тынянова: «…Художественная литература отличается от истории не „выдумкой“, а „большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них“. Выразите свое отношение к высказыванию писателя, используя текст повести „Восковая персона“».

Марк Алданов (1886–1957)

Чертов мост

Марк Алданов (Марк Александрович Ландау) – один из немногих писателей, который прочно связал свою творческую судьбу с историческим романом. Его призвание определилось далеко не сразу. Юноша одновременно закончил два факультета Киевского университета: правовой и физико-математический, а затем парижский Коллеж социальных и экономических наук. Получив разностороннее образование, М. А. Ландау занимался исследовательской деятельностью.

Как автор литературных произведений Алданов дебютировал в 1915 году. Его первая книга – «Толстой и Роллан». В этой работе утверждалось значение творчества Толстого и признание «Войны и мира» как одной из лучших книг мировой литературы. Литературоведческий труд вызвал сочувственный отклик в печати, хотя была опубликована лишь первая часть, вторая же

погибла в годы Гражданской войны.

Алданов не принял Октябрьской революции и активно противодействовал ей: в 1918 году он был секретарем делегации, которая пыталась достать оружие и деньги для борьбы за возрождение России. О деятельности этой комиссии он позже рассказал в очерке «Из воспоминаний секретаря одной делегации». Делегация не получила на Западе поддержки.

В 1919 году Алданов выезжает за рубеж. Во Франции в журнале «Современные записки» он печатает свое первое художественное произведение. Во время Второй мировой войны выехал в США и стал одним из создателей и постоянных авторов «Нового журнала». В 1947 году вернулся во Францию и поселился в Ницце.

«В молодости он был внешне элегантен, от него веяло каким-то подлинным благородством и аристократизмом», – писал современник. И. А. Бунин, который не раз выдвигал Алданова на Нобелевскую премию, называл его «последним джентльменом русской эмиграции».

Алданов ритмично и много писал. Его произведения переведены на двадцать четыре языка, но в Россию они стали возвращаться только с 1988 года.

Замысел исторических романов, повестей и пьес писателя был грандиозным и во многом осуществленным. Он пытался в своих шестнадцати романах охватить двести лет истории не только России, но и всей Европы, останавливая особое внимание на войнах и революциях. Так, в тетралогию «Мыслитель», воссоздавшую эпоху Великой французской революции, входят четыре романа: «Девятое термидора», «Чертов мост», «Заговор» и «Святая Елена, маленький остров». Следом за завершением этой тетралогии писатель обратился к созданию трилогии, посвященной судьбам русской революции 1917 года: романы «Ключ», «Бегство», «Пещера». В этой трилогии герои – вымышленные персонажи. Автор утверждал в своем предисловии к роману «Бегство», что он стремится показать, как «на фоне перешедших в историю событий проявляются характеры людей».

Однако в большинстве его произведений играют активную роль исторические лица. Так, в тетралогии «Мыслитель» создана целая галерея исторических портретов: Екатерина II, Павел I, Александр I, Суворов, Воронцов, Робеспьер, Талейран, Нельсон…

Критики не раз говорили, что в произведениях Алданова портреты подлинных исторических героев отличаются особенной яркостью и убедительностью: они превосходят героев вымышленных, что не так часто бывает в исторических романах.

Алданов убежден, что государственные деятели и

полководцы, как правило, не выше, не умнее, не талантливее простых смертных. Иное дело – крупные художники. Хотя и они лишены у писателя романтического ореола, но в свой «звездный час» обретают подлинное величие. Это Микеланджело в «Бельведерском торсе», Ломоносов в «Пуншевой водке», Байрон в «Могиле воина», Бетховен в «Десятой симфонии», Бальзак в «Повести о смерти».

Как публицист Алданов создал большое количество очерков-портретов, которые частично собраны в книгах: «Современники», «Портреты», «Земля, люди». Он писал о Гитлере и Сталине так, как в то время еще не могли их увидеть ни друзья, ни враги.

Сам автор рекомендовал своему читателю, который бы «хотел и имел терпение», ознакомиться с его произведениями, прочесть их в том порядке, который бы следовал ходу истории (эту последовательность и годы обозначил сам Алданов): «Пуншевая водка» (1762), «Девятое термидора» (1792–1794), «Чертов мост» (1796–1799), «Заговор» (1800–1801), «Святая Елена, маленький остров» (1821), «Могила воина» (1824), «Десятая симфония» (1815–1854), «Повесть о смерти» (1847–1850), «Истоки» (1874–1881), «Ключ» (1916–1917), «Бегство» (1918), «Пещера» (1919–1920), «Начало конца» (1937), «Освобождение» (1948) (вышел в свет под названием «Живи как хочешь»). К этому списку, составленному автором, можно добавить и его последние произведения, изданные после смерти автора, – роман «Самоубийство», в котором появляется Ленин, повесть «Бред», события которой завершаются в 1953 году.

На уроке внеклассного чтения предлагается обсудить роман М. Алданова «Чертов мост» (по выбору учителя и учащихся), используя вопросы и задания учебника.

Вопросы и задания для самостоятельного прочтения романа

1. Составьте план главы I (четвертая часть), которую можно озаглавить «Ночь перед боем».

2. Какие приемы для подготовки своей армии к решительному бою использует французский главнокомандующий Жюбер?

3. Опишите сцену неожиданного появления Суворова перед французами. Как она воспринималась французскими и русскими солдатами?

4. В IV главе (часть четвертая) описываются события после победы русской армии под Нови. Как оценивается эта победа и ее реальные результаты?

5. В романе повествователь – вымышленное лицо Юлий Штааль. Как вы представляете его роль в повествовании?

⏩**1.** Какую роль играет пейзаж в описании ночи перед боем?

2. Расскажите о размышлениях Жюбера этой ночью. Можно ли назвать их внутренним монологом героя?

3. Какими средствами достигает автор яркости и драматизма описания решающего сражения – кульминации романа?

⏩⏩**1.** Опишите главные заботы Суворова перед боем (четвертая часть, глава III).

2. Охарактеризуйте денщика Суворова Прохора Дубасова.

3. Какие занятия находил себе Суворов в эту ночь? Почему он так старался занять себя?

4. Попробуйте охарактеризовать особенности характера Суворова.

5. Как изображена забота Суворова об очередной награде? Почему рассказ о желании Суворова получить еще одну награду вызывает такое щемящее чувство?

6. Опишите сменяющие друг друга сцены самого ответственного момента в победе на Чертовом мосту:

а) Суворов на пути к Чертову мосту;
б) описание событий сражения глазами Штааля;
в) краткий финал.

Стефан Цвейг (1881–1942)

Невозвратимое мгновение (*Ватерлоо, 18 июня 1815 года*)

Стефан Цвейг писал стихи и драматические произведения, новеллы и романы… Наибольшим успехом пользовались его прозаические произведения, в которых, как он утверждал, всегда чувствовалось влияние Ф. Достоевского. Точность психологических мотивировок, умелое изображение деталей быта, острая гуманистическая направленность присуща его знаменитым новеллам и биографическим романам, очеркам, эссе, историческим миниатюрам.

Умение ценить личность, которая вступает в поединок с историей, стремление увидеть человека среди событий, в которые он по собственной воле или случаю включился, – яркая и привлекающая читателя сторона его таланта.

Исторические миниатюры под названием «Звездные часы человечества» включают ряд произведений: «Завоевание Византии» (29 мая 1453 года), «Побег в бессмертие» (Открытие

Тихого океана 25 сентября 1513 года), «Гений одной ночи» (Марсельеза, 25 апреля 1792 года), «Невозвратимое мгновение» (Ватерлоо, 18 июня 1815 года), «Мариенбадская элегия» (Гёте на пути из Карлсбада в Веймар, 5 сентября 1823 года), «Открытие Эльдорадо» (И. А. Зутер, Калифорния, январь 1848 года), «Первое слово из-за океана» (Сайрус Филд, 28 июля 1858 года), «Борьба за Южный полюс» (Капитан Скотт, 90 градусов широты, 16 января 1912 года). Как видим, только два изображенных в этих миниатюрах «звездных часа» связаны с войнами. Все остальные посвящены самым разным по своему характеру событиям человеческой истории. Но это всегда эпизоды высочайшего напряжения сил конкретного человека – героя произведения, в центре сюжета – достижение какой-то почти неосуществимой цели. Таких усилий от человека требовало и открытие Тихого океана и Южного полюса, так были созданы и «Марсельеза» и «Мариенбадская элегия», так была открыта телеграфная связь между континентами.

К одному из этих «звездных часов» относит автор и то обстоятельство, которое, как казалось автору, могло принести победу Наполеону. Оно находилось, по воле судьбы, не в руках самого Наполеона, а в руках преданного и честного, но совершенно обычного, ординарного маршала Груши.

Исторические миниатюры «Звездные часы человечества» помогают и даже заставляют читателя понимать, что у любого исторического события есть свое место и свое время. И нет силы, которая бы могла перевести часы судьбы. Миниатюры Цвейга демонстрируют до предела обостренное чувство времени, способность ощущать, улавливать его стремительный бег в событиях различных эпох.

Стефан Цвейг – искренний и вдумчивый художник. Он уже в начале своего пути овладел искусством построения напряженного и содержательного сюжета, быстрой и точной характеристикой героев, способностью сделать читателя своим соучастником в осмыслении и переживании чувств героев созданных им произведений.

Почему историческая миниатюра, посвященная трагическому событию в жизни и судьбе Наполеона, бегло рисует его и маршала Груши, от которого в какой-то момент зависела судьба решающего сражения? Наверное, по мнению автора, все зависит от способности принять необходимое решение – мгновенно и точно, в соответствии с реальной потребностью времени. Поскольку решающие минуты в судьбах человечества случаются нечасто, тем ответственнее возможность и право принять судьбоносное решение. Едва ли мы согласимся с таким взглядом

на ход истории. Мы можем также не считать верным определение каждой из этих ответственных минут, часов, дней. Но никак не сможем отказать автору в искреннем и сильном желании понять, осознать, оценить причины событий и свершений истории. Такое выраженное и страстное стремление, такая способность привлечь внимание к потоку событий и к поиску решающих мгновений в этом потоке не может не привлечь нас к произведениям автора.

Миниатюра «Невозвратимое мгновение» разбита автором на части. Вслед за кратким вступлением идут главки: «Груши», «Ночь в Кайу», «Утро Ватерлоо», «Ошибка Груши», «Решающее мгновение в мировой истории», «После полудня», «Развязка», «Возврат в повседневность». Названия дают представление о композиции: «Решающее мгновение в мировой истории», очевидно, кульминация. Развязка так и названа «Развязка». «Возврат в повседневность», конечно, эпилог.

Наблюдая за событиями, мы видим: «звездный час», даже «звездное мгновенье» было доверено Груши, но он не почувствовал веления судьбы и пропустил свою удачу и этим роковым образом изменил ход исторических событий.

Но так ли это? Что же более всего волнует и автора и читателя? Конечно, сам ход и результат битвы под Ватерлоо. Это сражение так широко известно, что слово «Ватерлоо» практически на всех языках переводится словом «поражение». А, может быть, нас волнует ответ на вопрос, почему обычному человеку не удалось выдержать предложенное ему испытание судьбы? Может быть, хочется до конца понять внутренние причины ошибки Груши, который, достигнув высот военной карьеры, преуспев, так и не сумел вырваться за границы посредственности?

Эти вопросы можно обсудить на уроке внеклассного чтения после знакомства с миниатюрой С. Цвейга «Невозвратимое мгновение» (по выбору учителя и учеников).

Вопросы и задания для самостоятельного прочтения произведения

1. В чем вы видите особенности композиции исторической миниатюры? Можно ли считать, что она полностью отражена в названиях главок миниатюры? Попробуйте обосновать свой вывод.

2. Внимательно перечитайте кульминационную главку. Согласны ли вы с ходом рассуждений и выводами автора?

3. Попробуйте дать хотя бы краткую характеристику одному из исторических героев, изображенных на страницах этой

миниатюры.

1. Оцените рассуждение автора, которым он начинает миниатюру: «Судьбу влечет к могущественным и властным. Годами она рабски покорствует своему избраннику – Цезарю, Александру, Наполеону, ибо она любит натуры стихийные, подобные ей самой – непостижимой стихии». С чем вы согласны и с чем не согласны в этом рассуждении?

2. У рассуждения есть и продолжение, которое касается обычных людей. Внимательно прочтите и согласитесь или поспорьте: «Но иногда – хотя во все эпохи лишь изредка – она вдруг по странной прихоти бросается в объятия посредственности. Иногда – и это самые поразительные мгновения в мировой истории – нить судьбы на одну-единственную трепетную минуту попадает в руки ничтожества. И эти люди обычно испытывают не радость, а страх перед ответственностью, вовлекающей их в героику мировой игры, и почти всегда они выпускают из дрожащих рук нечаянно доставшуюся им судьбу».

3. Как бы вы охарактеризовали главные особенности творчества Стефана Цвейга, которые вы заметили в этой миниатюре или в других, прочитанных вами произведениях? Приведите примеры из текста.

Борис Львович Васильев (Родился в 1924 году)

«Утоли моя печали…». *Отрывки*

Роман Бориса Львовича Васильева посвящен событиям конца XIX столетия, центральным из которых является коронация последнего русского императора Николая II и связанная с этим торжеством трагедия, разыгравшаяся в Москве на Ходынском поле. На этом историческом фоне обрисованы различные судьбы представителей русской интеллигенции, их поиски смысла жизни, возможности приносить пользу России. Васильев очень внимательно изучает взгляды интеллигенции: чувство ответственности за настоящее и будущее родины, оценку окружающего. Ведь мнение интеллигенции по поводу исторических событий нередко существенно отличается от позиций официальных властей.

Среди исторических лиц, воссозданных в романе, – государь император Николай II, члены царской семьи, генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, его жена Елисавета

Федоровна (впоследствии канонизированная за благочестие, огромную благотворительную деятельность и мученическую смерть, принятую во время революции), террористы Иван Каляев и Борис Савинков, журналист и беллетрист Василий Иванович Немирович-Данченко. Они действуют в романе вместе с вымышленными персонажами Олексиными, Хомяковыми, Вологодовым, Беневоленским и другими, среди которых главное место принадлежит Наденьке Олексиной.

Все события в романе сконцентрированы вокруг семьи Хомяковых – Олексиных. Небольшая предыстория вводит читателей в круг основных лиц и семейных отношений, знакомит с их в основном трагическими судьбами. В этой семье есть военные, среди них генерал Федор Иванович, приближенный к императорскому двору, последователь философских учений Льва Толстого Василий Иванович, увлекшаяся народовольческими идеями Маша (она погибла задолго до описываемых в романе событий и является персонажем внесюжетным, но весьма значительным). Видное место занимает вышедший из народа предприниматель Хомяков, муж Варвары Олексиной. Главная героиня Наденька стремится к писательской и журналистской деятельности.

Кульминационным событием для личных судеб героев романа, в особенности для Наденьки и Ивана Каляева, стала ходынская трагедия, жертвой которой чуть не стала главная героиня. Развязкой сюжетной линии Надежды Олексиной стала ее поездка в Соловецкий монастырь, исповедь перед иконой Божьей Матери «Утоли моя печали» и бракосочетание с Викентием Корнелиевичем Вологодовым.

Главный вопрос, который ставит перед читателями автор: каким путем пойдет дальше многострадальная Россия, – остается открытым.

Глава вторая

6

<…> В следующем окне была открыта форточка и распахнуты шторы. Девушки подкрались, осторожно заглянули.

Это была гостиная. В креслах уютно покуривали Беневоленский и Иван.

– При семидневной обороне Шипки я окончательно понял, сколь опасна революция для России. Представь себе обезумевшую толпу под зеленым знаменем Пророка и столь же обезумевшую –

под русским знаменем. Я все время видел перед глазами эти толпы вооруженных людей, когда залечивал отпиленную по локоть руку.

– Ты не прав, Аверьян. То была война за свободу.

– Я не говорю об оценках, поскольку то, что одна сторона считает плюсом, противоположная считает минусом, и наоборот. Я говорю об ожесточении людей. Безумном, неуправляемом ожесточении… Великая Французская революция тоже была борьбой за свободу, но сколь же кровава и жестока она была. А революция в России обречена на еще большую кровь.

– Мы, по-твоему, более жестоки?

– Три четверти нашего народа обижали, угнетали и держали в нищете добрые полтысячи лет. Такое не забывается, Иван, вспомни разинщину и пугачевщину.

– Когда это было…

– Вчера, – строго сказал Беневоленский. – Народ не знает истории, для него существует только вчера и сегодня. И – завтра, если в этом «завтра» ему пообещают молочные реки и кисельные берега.

Феничка разочарованно вздохнула:

– Скушно, барышня…

– Подожди, – строго шепнула Надя.

– …В городах станут вешать генералов и сановников, в деревнях – помещиков, в российской глухомани – офицеров и чиновников. Россия не просто огромна и косматa, как мамонт, – Россия раздроблена. Две столицы и сотни губернских городов, губернские города и уезды, уезды и миллионы деревень, хуторов, аулов, кишлаков. И в каждом – свой уклад, свои отношения, свои начальники, чиновники, богачи и бедняки. И везде, везде решительно господство произвола, а не закона. Произвола, Иван, а произвол порождает обиженных. И толпы этих обиженных ринутся давить обидчиков, как только почувствуют безнаказанность. Поэтому бороться за свободу у нас можно только постепенно, только парламентским путем…

– При отсутствии парламента? – усмехнулся Иван.

– Вот! – громко сказал Аверьян Леонидович. – Ты сам обозначил первый пункт программы: борьба за конституционную монархию как первую ступень буржуазной демократической революции. А далее – только через Государственную думу, или как там еще будет называться этот выборный орган. Иначе – неминуемый бунт. Бессмысленный и беспощадный, как бессмысленна и беспощадна сама толпа…

– Хватит с нас, – задыхаясь, сказала Наденька.

– А как же курица? – спросила Феничка. – Я черную принесла,

у меня в корзинке сидит.

– Мы узнали то, что нас ожидает, – строго пояснила Надя. – Осталось разгадать. Ступай к себе и разгадывай. Только сначала зажги лампу и погаси свечки.

– Покойной ночи, барышня, – радостно сказала горничная, видевшая в гадании очередную барскую причуду.

– Спокойной ночи.

Наденька разделась, накинула ночную рубашку, забралась под одеяло и начала размышлять над услышанным. Но мысли разбегались и путались, и через несколько минут она уже сладко спала. <…>

Вопросы и задания

1. Какое значение имеет прочитанный вами эпизод в романе? Интересен ли он читателю и если да, то чем?

2. Как получилось, что диалог Беневоленского и Ивана был подслушан у окна гадающими девушками?

3. Почему Надя отказалась продолжать гадание? Какова была ее реакция на услышанное?

1. Из какого литературного произведения, изученного вами в этом учебном году, в диалог героев включена известная цитата? В чем ее смысл в обсуждаемой ситуации?

1. Аверьян Леонидович – муж погибшей Маши Олексиной, в прошлом придерживался революционных убеждений, но террор не принял. Этот диалог свидетельствует об изменении его позиций, отказе от революционных идей вообще. Основываясь на прочитанном, подумайте, чем вызвано его теперешнее неприятие революции для России.

Глава шестая

2

Девушкам не удалось ни встретиться с Ваней Каляевым, ни самим увидеть весь торжественный церемониал коронации. Однако учитывая, что эта коронация оказалась последней в истории России, автору представляется, что об этом событии следует рассказать подробно. Так, как оно было описано в газетах и журналах того времени, ничего не прибавляя, но ничего и не убавляя.

«Ко дню, назначенному для коронации, двор между Кремлевским дворцом и соборами и внутренность Успенского собора приняли совершенно особый, своеобразный вид. От Красного крыльца к Успенскому собору и от Успенского собора к Архангельскому, вокруг колокольни Ивана Великого, а из Архангельского собора к Благовещенскому устроены были особые широкие (в рост человека поднятые над землей) помосты, с перилами, крытые красным сукном. Внутри собора, на средине, возвышенное место, обитое также красным сукном, и на том месте поставлены два древних царских трона, к которым из алтарного амвона ведут двенадцать ступеней, устланные бархатом и богатейшими коврами. Сверху, над этими царскими тронами, из коих один предназначается для Императора, а другой для Императрицы, опускается обширный, висячий, великолепно разукрашенный золотом бархатный балдахин, подвешенный на особых связях к цепи, укрепленной в сводах собора. Около Императорского трона ставится на том же возвышении стол для возложения на нем регалий во время самого „чина величания“.

Эти регалии, в канун коронования, переносились торжественно из Оружейной палаты сначала во дворец, а потом в Успенский собор.

В день, назначенный для коронации, съезд и сбор лиц, назначенных к участию в коронационных церемониях или допущенных к присутствованию в Успенском соборе, начинался в семь часов утра и ранее. Торжественный благовест во всех церквах и определенное число выстрелов из орудий в девятом часу утра возвещали всему городу о начале высокознаменательных торжеств.

В девять часов утра Император и Императрица, сопровождаемые своими ближайшими родственниками и окруженные свитою из первейших сановников государства, направляются из Кремлевского дворца Красным крыльцом и помостом к Успенскому собору.

Высшие представители духовенства – митрополиты и архиереи, с соборным духовенством и клиром, встречают Государя и Государыню на рундуке собора у входных дверей. Старший из митрополитов приветствует

Императора краткою речью, после чего подносит Ему крест и кропит святой водою. Певчие поют в это время 100-й псалом: „Милость и суд воспою Тебе, Господи!“

Затем Император и Императрица троекратно преклоняются перед Царскими вратами, прикладываются к местным иконам и восходят на тронное место, около которого все лица, участвующие в церемонии, располагаются в строгом порядке, по церемониалу.

Тогда старший из митрополитов, приступая к Государю, произносит:

„Понеже благоволением Божиим и действием Святаго и Всеосвящающаго Духа и Вашим изволением, имеет ныне в сем первопрестольном храме совершитися Императорское Вашего Величества Коронование и от святаго мира помазание; того ради, по обычаю древних христианских Монархов и Благовенчанных Ваших Предков, да благоволит Величество Ваше, и слуг верных подданных Ваших, исповедати Православно-Кафолическую Веру – како веруеши?“

В ответ на это Император по книге, поданной митрополитом, читает „Символ Веры“.

Митрополит по прочтении Государем „Символа Веры“ возглашает:

„Благодать Пресвятаго Духа да будет с тобою. Аминь“.

И сходит с тронного места, а протодиакон после обычного начала приступает к великой ектении.

Когда пропоют тропарь: „Спаси, Господи, люди Твоя“, – следует чтение пророчества Исаии:

„Тако глаголет Господь: радуйтеся небеса, и веселися земле, да отверзут горы веселие и холми радость, яко помилова Господь люди Своя, и смиренныя людей Своих утеши“ и т. д.

Затем, после прокимна: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь“, читается послание святого Апостола Павла к римлянам (глава Тринадцатая, 1–7: о повиновении властям).

За чтением „Послания“ следует чтение св. Евангелия от Матфея (глава Двадцать первая, 15–22: „воздадите убо Кесарево – Кесареви, Божие – Богови“).

Затем два митрополита всходят на тронное место, Император снимает с себя простую цепь Андрея Первозваннаго и повелевает возложить на себя Императорскую порфиру с принадлежащей к ней

алмазной цепью того же ордена. По возложении порфиры, Император преклоняет голову. Митрополит осеняет верх главы Государя крестным знамением, крестообразно возлагает на оную руки и произносит во всеуслышание, по положению, две молитвы:

1. „Господи Боже наш, Царю царствующих и Господи господствующих, иже чрез Самуила пророка избравый раба своего Давида и помазавый в цари над людом Твоим Израилем. Сам и ныне услыши моление нас недостойных и призри от Святаго Жилища Твоего на верного раба Твоего Великаго Государя Николая Александровича“.

2. „Тебе Единому Царю человеков поклони выю с нами, Благоверный Государь, Ему же земное Царство от тебе вверено“.

По прочтении второй молитвы Император повелевает подать себе большую Императорскую корону. Митрополит принимает корону от ассистентов и представляет ее Его Величеству. Государь Император берет корону в обе руки и возлагает ее на главу Свою, при чем митрополит произносит:

„Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь“.

И засим митрополит читает по книге установленную следующую речь:

„Видимое сие и вещественное Главы Твоея украшение явный образ есть, яко Тебя, Главу Всероссийского народа, венчает невидимо Царь славы Христос, благословением Своим благостынным утверждая Тебе Владычественную и Верховную власть над людьми Своими“.

По окончании этой речи Государь повелевает подать Ему скипетр и державу, и митрополит подает Ему в правую руку скипетр, а в левую – державу, произнося то же, что и при поднесении короны, и вновь произносит по книге следующую речь:

„О, Богом Венчанный, и Богом Дарованный, и Богом Преукрашенный, Благочестивейший Самодержавнейший Великий Государь Император Всероссийский, приими Скипетр и Державу, еже есть видимый образ данного Тебе от Всевышняго над людьми Своими Самодержавия к управлению их и ко устроению всякого желаемого им благополучия“.

По окончании этой речи Государь, приняв скипетр и державу, садится на престол. <…>

Когда звон и пальба прекратятся и в соборе вновь воцарится тишина, Государь поднимается с престола, отлагает скипетр и державу, преклоняет колена и по книге, поданной митрополитом, читает следующую установленную молитву:

„Господи Боже отцев и Царю царствующих, сотворивый вся словом Твоим, и премудростию Твоею устроивый человека, да управляет мир в преподобии и правде! Ты избрал Мя еси Царя и Судию людем Твоим. Исповедую неизследимое Твое о Мне смотрение и, благодаря, величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя в деле, на неже послал Мя еси, вразуми и управи Мя в великом служении сем. Да будет со Мною приседящая престолу Твоему премудрость. Поелико с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима, и что есть право по заповедем Твоим. Буди сердце Мое в руку Твоею, еже вся устроити к пользе врученных Мне людей, и ко славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово: милостию и щедротами единороднаго Сына Твоего, с Ним же благословен еси со Пресвятым и благим и животворящим Твоим Духом, во веки, аминь“.

После этой молитвы Государь становится перед троном, а митрополит и все присутствующие в храме, кроме Государя, преклоняют колени, и митрополит от лица всего народа произносит молитву за здравие Государя, прося Ему у Бога дарования всех благ. Вслед за этою молитвою митрополит обращается к Государю с краткою приветственною речью. <…>

Святых тайн Государь приобщается в алтаре, перед святой Трапезою, по „чину царскому“, как священнослужители, то есть особо Тела и особо Крови Христовой. Государыня приобщается у царских врат, обычным порядком.

После приобщения и Государь, и Государыня возвращаются на тронное место, к престолам Своим. Следуют благодарственная причастныя молитвы, отпуск и многолетие. В заключение литургии митрополит подносит Их Императорским Величествам крест, и Государь, и Государыня к нему прикладываются. После этого Государь возлагает на Себя корону, берет скипетр и державу. Все присутствующие в соборе, не сходя со своих мест, троекратным поклоном приносят Их

Величествам поздравление с благополучно совершившимся коронованием и святым миропомазанием.» <…>

Так торжественно и благостно звучало описание коронации в журналах и газетах того времени. Но в дневниках и письмах свидетели были куда откровеннее:

«…Корона царя так была велика, что ему приходилось ее поддерживать, чтобы она совсем не свалилась…»

«…Бледный, утомленный, с большой императорской короной, нахлобученной до ушей, придавленный тяжелой парчовой, подбитой горностаем, неуклюжею порфирою, Николай Второй казался не величавым императором всея Руси, не центром грандиозной процессии, состоявшей из бесчисленных представителей всевозможных учреждений, классов, сословий, народностей громадного государства, а жалким провинциальным актером в роли императора…» <…>

Вопросы и задания

1. Почему автор дает столь подробное описание коронации Николая II?

2. Каково отношение автора к описываемой церемонии? Как оно выражено в подборе материала, кратком комментарии и письмах свидетелей?

3. Почему в описание коронации обильно включены тексты из Священного Писания, молитвы, прочитанной государем, и т. д.? Каково их значение в описании коронации и в композиции всего романа?

Глава седьмая

4

Перед ними стояла толпа. Стояла молча, странно раскачиваясь, и из глубины ее то и дело раздавались стоны и крики. По головам тесно – плечом к плечу, руками не шевельнешь – зажатых, сдавленных людей порою уже лезли мальчишки, а то и

вполне взрослые парни, упираясь сапогами во что придется. В беззащитные лица, затылки, спины, плечи. А толпа стонала и раскачивалась, раскачивалась и стонала, не двигаясь с места.

– Назад! – крикнула Феничка. – Назад, барышня! В овраге спрячемся, беда будет, беда…

Они повернули назад, но пробежали немного, потому что из оврага выросла вдруг задыхающаяся, распаренная крутым подъемом живая человеческая волна. Девушки сразу остановились, но увернуться от людского потока им уже не удалось. Овражная масса подхватила их, втянула, всосала в себя и помчала туда, куда рвалась сама. Их закружило, оторвало друг от друга…

– Барышня-а!.. – отчаянно, изо всех сил закричала Феничка, но Надя уже не видела ее.

Потом говорили, что как раз в этот момент раздались револьверные выстрелы. Полицейский офицер, заметив обе толпы – стоявшую и бегущую от оврага, – выпалил для острастки несколько раз в воздух, заорав во всю мочь:

– Выдавай подарки! Выдавай! Сомнут!..

Этот выкрик послужил командой не столько буфетчикам, сколько тесно спрессованной, стонущей, топчущейся на месте толпе. Она ринулась вперед, разбрасывая полицейскую шеренгу. И полицейские со всех ног бросились врассыпную, спасая собственные жизни. Буфетчики начали разбрасывать узелки с подарками прямо в наседающую массу, раздались дикие крики, затрещали доски самих буфетов.

А солдат, от которых прятались в овраге и под защиту которых так хотела пробраться Феничка, вообще не было. Они еще не успели подойти к началу официальной раздачи, потому что было только шесть часов утра…

Надю разворачивало и вертело в стремнине еще не утрамбованной толпы. Внутри нее пока еще сохранялась крохотная свобода, позволявшая шевелить руками и даже чуть сдвигаться из одного ревущего ряда в другой, но уже не дававшая никакой возможности вырваться наружу. Пока все – красные, с распаренными лицами – еще дышали полной грудью, жадно хватая воздух широко разинутыми ртами. И при этой относительной свободе овражная толпа, захватившая Надю и набравшая изрядную инерцию движения, врезалась в толпу, появившуюся из Петровского парка. Долго топтавшуюся на месте, долго терпевшую немыслимую тесноту и только-только начавшую двигаться после полицейской команды начать раздачу царских подарков. Удар свежей волны вызвал давку и суматоху, Надю опять куда-то развернуло, прижало к чему-то странно

податливому, почти мягкому…

– Мертвая!.. – дико закричала она, скошенным взглядом на миг единый увидев багрово-синее, раздутое женское лицо с вытаращенными глазами, с запекшейся в ноздрях и на подбородке кровью. – Мертвая тут! Мертвая!..

Рванулась изо всех сил, вцепилась в чью-то синюю чуйку.

– Держись за мной, девка, – хрипло выдохнула чуйка, не оглядываясь. – Руки в кулаки сожми, упри их перед животом. И не опускай! И ногами семени, не отрывай от земли, семени ногами. Споткнешься – затопчут…

Двое парнишек быстро-быстро проползли поверх стиснутой людской массы, упираясь босыми ногами в головы, лица, плечи. Голая нога лягнула Надю, сбив шляпку, и тут же исчезла, торопясь туда, где буфетчики, не глядя, торопливо метали узелки с подарками прямо в народ, увеличивая толкотню, сумятицу и острое желание во что бы то ни стало ухватить заветный царский дар.

Их несло на цепочку дощатых буфетов, на трупы, что уже копились перед ними, куда все так стремились, где совсем недавно так строго блюли очередь, грубо прогнав Надю с Феничкой. Теперь эта очередь, вжатая в неструганый тес буфетов, притиснутая к ним, расплющенная, задушенная, истоптанная и раздавленная, лежала на земле. Напор сзади был столь велик, столь зверино безжалостен и неодолим, что в одурманенной ужасом голове Нади с чистой, пронзительной ясностью мелькнуло вдруг: «Вот и все…» <…>

Поток, в который попала Надя, – а таких отдельных потоков образовалось много, семенил, точнее, бежал, семеня изо всех сил, молча. Слышалось только громкое, единое по вдохам и выдохам дыхание, точно бежали не люди, даже не стадо, а – зверь. Косматый и беспощадный зверь, сотворенный растерявшими облик человеческий и уже озверевшими людьми.

«…по образу и подобию Божьему…»

Уже не было этого. Не было ни образа, ни подобия, уже зачалось иное создание по иному образу и по иному подобию. Еще дико кричали, рыдали, стонали последними стонами, хрипели последними хрипами и ругались последними словами где-то в головах этой гигантской гидры, рвущейся к самоубийству…

Но Надя слышала только единое, короткое, частое, как у загнанной лошади, дыхание толпы. И еще – стоны. Такие же короткие, как вдох и выдох, и поэтому Надя порою слышала слова бегущей впереди спины:

– Кулаки… Кулаки топорщи, девка… И никого вперед не

пускай…

Пустить кого-либо было невозможно ни вперед, ни назад. Все бежали тело к телу, и Надя бежала как все, уткнувшись лицом в широкую, как телега, спину, вдыхая резкий запах насквозь пропотевшей чуйки и уже не ощущая, что ее пот течет по лицу, разъедая глаза, или того, что семенил впереди. Слезы и пот не давали смотреть, перед нею была только спина и ничего более. Ни головы, ни рук, ни ног. Только мокрая, липкая от пота спина… <…>

Густое облако желтой пыли уже поднялось над десятками тысяч людей, вовлеченных в единый семенящий бег по бесконечным кругам между разгромленными буфетами, за которыми начинался никем не огороженный овраг на юге; крепкими балаганами, построенными для народного увеселения, на востоке; потоком людей, все еще двигавшимся из Воскресенской рощи, на севере и Петербургским шоссе, огороженным канатами, на западе. Но и с юга, из Москвы, и с севера, из Всехсвятского, и с запада, из Петровского парка, безостановочно шли толпы, жаждущие царских подарков и дармового пива. И если первые ряды и могли разглядеть в густом облаке пыли, что происходит на предназначенной для народного гулянья площадке Ходынского поля, то остановиться они уже не могли. Сзади напирала толпа, которая ничего не видела, ничего не понимала и ничего не желала понимать. И здесь образовывались свои потоки, часть которых смогла увернуться до того, как врезаться в безумное кружение, а часть не смогла, была подхвачена, вовлечена, свежим напором сбивая уже образовавшиеся круги. Это стало причиной внезапно возникавших людских коловращений, изменений движения, а то и вращающихся живых воронок, всасывающих в себя вращения тех, кто оказывался по краям. <…>

– Карусели!.. – вдруг дико закричали впереди. – Карусели тут, люди добрые! Карусели!..

Яркое полотнище карусельной крыши закачалось перед Надей. Раздались нечеловеческие вопли, с треском рушились надломленные людским напором столбы, цветной шатер пополз вниз и рухнул, накрыв тех, кто оказался рядом. Край его, утяжеленный толстой пеньковой веревкой, с силой ударил по лицу, но Надя не почувствовала боли. Ужас был настолько бесчувственно огромен, настолько объял всю душу ее, что она рванулась из-под полотнища в отчаянном последнем усилии. И спина в промокшей чуйке рванулась туда же, и они выскользнули оба, и та же спина вновь оказалась перед нею. И даже хрипло

выдохнула:

– Цела, девка?.. <…>

Хуже всего здесь приходилось тем, кто оказывался в крайних рядах. За них, как за зубья шестерен, невольно цеплялись из сопредельного ряда, выбивая из гнезда, увлекая за собой. И Надю зацепило это встречное движение, вывоpотило из ее строя, ее потока, ее ряда, оторвало от спасительной пропотевшей чуйки, завертело на одном месте, но кулаков, сжатых перед животом, она не убирала, несмотря на то, что и вертели-то ее те, кто натыкался на них. Не потому, что помнила слова «кулаки упри, девка!» – ничего она сейчас уже не помнила и ничего не соображала, – а потому, что инстинкт самосохранения повелевал действовать именно так. И он же категорически запрещал самостоятельно предпринимать что бы то ни было. Пытаться вырваться, развернуться в иную сторону, выбрать свою скорость и свое направление. Нет, нет, она должна была, обречена была подчиняться только общим законам, тем, по которым существовала вся эта обезумевшая толпа: поворачиваться вместе со всеми, дышать вместе со всеми и покорно семенить туда, куда в данный момент семенило все это огромное, потное, жадно хватавшее широко разинутыми ртами пропыленный воздух людское скопище. Нельзя было кричать, потому что от крика срывалось дыхание, нельзя было шевелиться, потому что ломался единый ритм, нельзя было даже плакать, потому что давка и ужас давно превратили ее слезы в обильный пот, который коркой настывал на лице, ручьями тек по груди, по спине, по животу, по бедрам. <…>

Наконец какой-то из рядов зацепил Надю и потащил за собой, потому что она упорно не опускала сжатых перед животом кулаков. К счастью, ее поволокло, развернув лицом в сторону нового движения, и Надя тут же покорно подчинилась ему, торопливо на семенящем ходу встраиваясь в его ритм. И засеменила неизвестно куда, то утыкаясь лицом в мокрую от пота рубаху впереди, то ощущая тычки в собственную спину.

Кто-то кричал. Боже, как кричал!.. Последним криком. Самым последним в жизни…

Но те, у кого оставался хоть какой-то остаток сил, а с ним и надежда на спасение, не кричали. Они бежали молча, мелко-мелко семеня ногами и стараясь не отрывать их от земли. Многие скользили на собственных ступнях, как на лыжах, и кровавый след их истерзанных ступней втаптывался в пыль поспешавшими следом, потому что здесь не было и не могло быть последних. В толпе не бывает ни первых, ни последних, в ней нет концов и нет начал, в ней все равны великим равенством перед смертью.

Единственным всеобъемлющим равенством для всего сущего на земле. Об этом знал каждый, попавший в гущу живых, об этом знала и безмолвно вопила каждая живая косточка. И все это вместе помалу копилось и в человеке, и в каждой его клеточке, а накопившись до предела, приобретало иное качество. Масса людей со своими характерами, походкой, лицом, темпераментом, возрастом, наконец, превратилась в Живое Безголовое Чудовище, клеточкой которого стал каждый человек: в толпу, повязанную единой волей самоуничтожения. Мыслящее начало растворилось в тупом коловращении, в скольжении без смысла и цели, в движении ради движения, потому что остановка всегда означала чью-то мучительную смерть.

И такая остановка вдруг случилась в том потоке, в котором покорно двигалась Надя. Где-то впереди, в желтой мгле пыли и сознания. Личной воли уже не существовало, она уже перетекла, растворившись в общей воле толпы. Остались одни ощущения, главным из которых стал ужас. Не осмысленный страх, а дикий, животный ужас детства, сна, внезапного падения в пропасть. Это было ощущение неминуемого конца, и Надя восчувствовала его, увидев вдруг под самыми ногами груду бьющихся на земле и друг на друге еще живых человеков. Вероятно, она бессознательно остановилась, потому что ее сильно толкнули в спину. Она упала на еще копошившихся, еще живых людей и тут же быстро-быстро поползла по ним куда-то вперед от того последнего толчка, уже решительно ничего не ощущая и не чувствуя. Ни живой плоти под собою, ни ударов, ни рук, ни ног. Ее схватили за юбку, но она выскользнула из нее, поползла дальше, а ее хватали за руки, за ноги, за остатки белья, за волосы, цеплялись, рвали, а она ползла и ползла, вырываясь из цепких умирающих рук тех, по которым она ползла. Ползла со всей мыслимой быстротой, пока не ударилась головой о нижний брус балагана. Между брусом и землей была узкая щель, и она, распластавшись, втиснулась, пролезла под пол балагана, и на нее сразу обрушилась беспросветная тьма.

Прошло всего пятнадцать, от силы – двадцать минут с того момента, когда разом поднявшаяся из оврага толпа ринулась к буфетам, захватив своим мощным потоком Надю и Феничку. Втащила их внутрь, отрезала Надю от Фенички с ее последним криком «Барышня-а!..», повлекла своим путем, счастливо обвела стороной от буфетов с их темными очередями и вытолкнула на площадку, где стояли карусели, гладко отполированные столбы с парой сапог наверху, качели, эстрады и балаганы для выступлений артистов на веселом народном гулянье.

А Феничку задавили в узком – всего-то с аршин шириной – проходе между соседними буфетами еще тогда, когда Надю только-только выволокла толпа на площадку, в первый круг ее ада. <…>

Вопросы и задания

1. Если описание торжественной коронации императора передано словами официальной прессы, то события ходынской трагедии даны через художественное изображение, частично через восприятие главной героини. Почему Васильев избирает именно такой путь представления в романе одного из главных исторических событий конца XIX века?

1. Почему события, которые произошли в течение 15–20 минут, описаны автором столь подробно, что воспринимаются читателем как длящиеся бесконечно? Какие средства использует писатель, чтобы добиться такого эффекта восприятия времени?

2. Как автор изображает толпу? Какие чувства испытывает Надя, захваченная движением толпы? Какие вы видите в этом тексте особенности психологии толпы?

3. Какие символы мы встречаем в описании ходынской трагедии, в чем, по-вашему, их исторический и художественный смысл?

Глава девятая

1

<…> Хомяков вернулся без Варвары, но с Викентием Корнелиевичем, с которым столкнулся у подъезда. Там же он и выложил о Наденьке все, что знал («Жива, слава Богу, жива, но пока без сознания…»). Вологодов выслушал молча, только странно вздернул подбородок да еще больше выпрямил спину, и без того прямую, как казачья пика. Молча прошел в дом вместе с хозяином.

– А где Варвара?

– Там осталась, – сказал Роман Трифонович. – В палате торчать будет, пока врач не прогонит. Олексины все такие.

Потом все почему-то оказались в буфетной. Пили водку, закусывая тем, что было, и никому в голову не пришло спросить что-нибудь иное. Василий Иванович еще раз с совершенно ненужными сейчас подробностями рассказал, каким чудом нашел

Наденьку, а о Феничке опять так никто и не вспомнил.

– Надеюсь, государь отменит сегодняшний бал у французского посла, – сказал он, подведя тем итог ходынской трагедии.

– Как бы не так, – судорожно, с усилием усмехнулся Викентий Корнелиевич, упорно молчавший до сих пор. – Я имею некоторое служебное касательство именно к этому балу. Два часа назад докладывал о порядке его великому князю Сергею Александровичу и позволил себе попросить Его Высочество осторожно порекомендовать государю отменить на сегодня и завтра все коронационные торжества и объявить общероссийский траур. Заорал великий князь, чуть ногами на меня не затопал: «Ничто не может помешать отрадному празднованию священного коронования!»

– Я… Я убью его! – вдруг закричал Ваня. – Я убью это бессердечное ничтожество, убью!..

По раскрасневшемуся лицу текли слезы. Роман Трифонович обнял его за плечи, ласково приговаривая:

– Убьешь, Ваня, непременно убьешь, а сейчас успокойся. Евстафий, уложи его спать.

Евстафий Селиверстович увел разрыдавшегося Каляева. Мужчины продолжали сидеть в буфетной. Каждый сам себе наливал водку и пил сам, думая о чем-то своем или пытаясь что-то понять. <…>

2

А коронационные торжества продолжались в полном соответствии с высочайше утвержденным расписанием. На следующий день после развеселого народного гулянья на Ходынском поле государь и государыня почтили своим присутствием обед для сословных представителей, имеющий быть в Александровском зале Кремлевского дворца, где изволили пригубить шампанского, а вечером посетили временную резиденцию австрийского посла, дававшего бал в честь Их Величеств. Это почти маниакальное следование предписанным расписанием празднествам озадачило Европу, и в дерзкой французской прессе («Что же вы хотите, господа, республика…») даже промелькнули статьи о загадочной русской душе, как ни в чем не бывало продолжающей отплясывать при забитых до отказа московских моргах. Ну, а на что, собственно, иное можно было списать свинцовое равнодушие российского венценосца, кроме как на загадочность, не требующую ни нравственных

размышлений, ни моральных оценок? Загадочность, она и есть загадочность, только и всего. Этого европейскому обывателю оказалось вполне достаточно, и ничто более никого не смущало.

Никого, кроме москвичей. Отцы, матери, братья и сестры, тихие от испаряющейся с каждой минутой надежды, молчаливыми толпами бродили по больничным моргам да полицейским участкам, упорно разыскивая меж растоптанными, задушенными и раздавленными трупами то, что осталось от их родных, близких и просто знакомых.

Вопросы

1. Почему власти столь равнодушно отнеслись к трагедии москвичей на Ходынском поле?

2. Почему не остановили коронационных торжеств и не объявили общенациональный траур, как посоветовал великому князю Викентий Корнелиевич Вологодов?

Глава десятая

2

К обеду вернулись Василий Иванович и молчаливый, хмурый – даже морщинка появилась на безусом лице – Каляев. Немирович-Данченко рассказал, как отыскали Феничку среди двух тысяч гробов, как познакомились с ее женихом, как потом долго пришлось уговаривать священника найти место и для Феничкиного гроба в переполненной церкви.

– Тихо ходят, тихо плачут, – вздохнул Василий Иванович. – Без русского размаха.

– Зато Ходынка – с русским размахом, – угрюмо сказал Каляев.

– А ты лучше молчи, – отмахнулся корреспондент. – Ты у меня в обманщиках числишься.

Обращение на «ты» к малознакомому человеку звучало весьма неприлично, и Вологодов с удивлением посмотрел на Немировича-Данченко.

– Провинился он, как мальчишка, значит, мальчишка и есть, – добродушно проворчал Василий Иванович. – Тетя у меня в Москве! Тетя на Неглинке в собственном доме!.. Нет никакой у него тети, проговорился в конце концов. Угол снимал в самых дешевых номерах, что в переулках за Трубной. И из Нижнего

сбежал с тремя рублями в кармане, а когда капитал этот кончился, подрядился на Театральной мусор убирать по полтине за ночь.

– Это мне нравится, – улыбнулся Хомяков. – Это – по-нашему.

– Когда похороны Фенички? – спросил Вологодов.

– Завтра первую партию отпевать будут. Тех, кто в церкви и на площадке перед нею. – Василий Иванович помолчал. – Государь с государыней изволили посетить на полчаса Ваганьково кладбище. В обзорах, естественно, время пребывания опустят.

– А виноватого так и не найдут. – Каляев нервно усмехнулся, неприятно осклабившись. – Ну, не может быть на Руси повинного чиновника второго, а уж тем паче – первого класса.

– А вы кого считаете повинным, Ваня? – спросил Викентий Корнелиевич.

– Генерал-губернатора Москвы.

– Вот так, сразу, без суда? А как же быть с презумпцией невиновности?

– Презумпция невиновности для общенациональных трагедий существовать не должна.

– Милый юноша, вы единым махом отменили римское право.

– А заодно и русское «не пойман – не вор», – усмехнулся Роман Трифонович.

– А как насчет того, что «на воре шапка горит»? – поинтересовался Василий Иванович.

– А вот завтра и проверим, – вдруг вновь ворвался в разговор доселе такой застенчивый Ваня Каляев. – Завтра – первая, так сказать, порция похорон, и великий князь Сергей Александрович наверняка изволят прибыть. Не по зову совести, так по зову службы.

– Злым ты становишься, Ваня, – тихо сказал Хомяков. – Нехорошо это, обидно нехорошо. Простейшие решения чрезвычайно редко бывают правильными. Это я тебе из личного опыта говорю.

– Простите, Роман Трифонович. Только я в Бога больше не верю. Ходынка теперь между нами.

– Да при чем тут Бог…

– Он же прощать велит. Кстати, самое, что ни на есть, простейшее решение.

– Ошибаетесь, Ваня, – вздохнул Викентий Корнелиевич. – Как раз – одно из сложнейших. Воли требует, а не импульсивных действий. Воли, размышлений и осознания. <…>

Эпилог

<…> Очередные столетия начинаются календарной датой только в календарях, учебниках да в мертвых официальных документах. Обыкновенные современники отсчитывают начало каждого нового века, а уж тем паче – столетия – сообразуясь с собственной точкой отсчета.

Для России такой точкой отсчета стала священная коронация царствующего монарха. Подданные ждали от Николая Второго каких-то решений, действий, разумных шагов. И считали, загибая корявые пальцы:

– Уж четвертый год, как Богом помазанный.

Однако у жителей второй русской столицы и особенно у московской интеллигенции точкой отсчета стала не коронация, а ходынская трагедия. Может быть, потому, что роковое сие событие было тихо-тихо спущено на тормозах вскоре после громкого решения начать следствие «по факту многочисленных безвинно пострадавших», может, по иной какой причине. Никто ничего, естественно, не объяснял, однако само «Следственное дело» вдруг было приостановлено, а постояв в бездействии, вновь лихо понеслось вскачь, но уже с другим ямщиком на облучке.

А замерло оно по той причине, что дотошный и весьма старательный следователь по особым делам Кейзер нашел главного обвиняемого без особых хлопот, испросив у государя разрешение допросить генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича. Вот тут-то и случилась заминка, так как прознавшие про законную просьбу следователя великие князья братья Александр, Алексей и Павел Александровичи тут же привезли царю свои отставки на случай, если их брата великого князя Сергея Александровича вздумают допросить хотя бы в качестве официального лица.

Естественно, отставленным оказался Кейзер. А спешно подобранный на замену весьма оглядчивый следователь был скорее специалистом по делам не столько особым, сколько особенным. В результате его деятельности великий князь Сергей Александрович был освобожден от необходимости давать показания, однако, учитывая настроения жителей второй столицы, назначен на другую должность с повышением, став одновременно не только генерал-губернатором Москвы, но и Московской губернии и командующим войсками.

А виновными быстро объявили роковые стечения обстоятельств, неразумное поведение народа и персонально – обер-полицмейстера Власовского вместе с его заместителем полковником Рудневым. Как должностных лиц, не сумевших учесть все перечисленные следствием объективные причины трагедии. Но даже в этом, весьма облегченном варианте до суда

дело так и не дошло, ограничившись служебным разбирательством с последующей отставкой без мундиров обоих стрелочников. И «Дело о трагических последствиях вследствие недостаточного соблюдения порядка при раздаче подарков на Ходынском поле» было списано в архив.

Персоны первого и второго классов Табели о рангах никогда не были, да и не могли быть повинными в чем бы то ни было. Ваня Каляев оказался прав…

Последнее свидание выступающего под видом извозчика члена Боевой организации эсеров Ивана Каляева с руководителем боевиков Борисом Викторовичем Савинковым произошло в грязном и полутемном трактире Замоскворечья.

– Я очень устал, Борис, устал нервами, – беспрестанно потирая руки, говорил Каляев. – Ты знаешь, я не могу больше ждать. Я буду спокоен только тогда, когда Сергей будет казнен.

– Семнадцатого января, Иван, – тихо сказал Савинков. – Семнадцатого в Большом театре торжественный спектакль. Будешь ждать великого князя по дороге в театр на Воскресенской площади, у здания городской Думы. Тебя прикрывает Куликовский.

Вечером того же дня Иван Платонович написал последнее письмо:

> «Вокруг меня, со мной и во мне ласковое, сияющее солнце. Сегодня мне хочется только тихо-сверкающего неба, немножко тепла и безотчетной радости для изголодавшейся души… Здравствуйте же, все дорогие друзья, строгие и приветливые, бранящие нас и болеющие с нами!»…

Был сильный мороз, начиналась вьюга. Каляев, кутаясь в потертый полушубок, стоял на уготованном ему первом номере. В начале 9-го часа от Никольских ворот Кремля показалась карета, которую Каляев узнал по белым и очень ярким огням фонарей. Бросился наперерез карете, уже поднял руку и…

В ярко освещенной карете рядом с великим князем сидела его жена и двое детей…

«Маша Олексина!..» – вспомнилось вдруг Каляеву, и он отступил в сторону.

Карета Сергея Александровича благополучно проехала к подъезду Большого театра…

– Ты поступил правильно, Ваня, – сказал Савинков. – Обождем до лучших времен. Ты успокоишься…

– Ни в коем случае, Борис! – возмутился Каляев. – Я дал

слово казнить великого князя, ты знаешь, при каких обстоятельствах и за что именно.

– Хорошо, – подумав, согласился Борис Викторович. – Второго февраля, в Кремле, когда великий князь поедет в свою канцелярию. Прощай, Янек.

– Прощай, Борис.

Они расцеловались и разошлись.

Каляев (письмо из Бутырской тюрьмы):

> «Я бросил бомбу с разбега… Я был подхвачен вихрем взрыва. После того как дым рассеялся, я оказался у разбитых задних колес кареты. Я был ранен и обожжен, но встал… Мог ли я убежать? Мог. Но тогда это было бы убийством великого князя, а не казнью за Ходынку…»

Жена убитого великого князя Сергея Александровича Елисавета Федоровна пожелала навестить убийцу мужа. Ее свидание с Иваном Каляевым произошло в Пугачевской башне Бутырской тюрьмы.

– Мне очень больно, что я причинил вам горе, – тихо сказал Каляев. – Но я исполнил свой долг.

– Кто оценит долги наши? Люди? Бог? Будущее?.. – Елисавета Федоровна помолчала. – Примите от меня на память иконку Божьей Матери «Утоли моя печали». Я буду молиться за вас.

– Мне больно, что я причинил вам горе, – повторил Иван. – Но совесть моя чиста. Прошу вас, Ваше высочество, не ходатайствовать перед государем о даровании мне жизни. Я не приму помилования. Нас разделяют горы трупов Ходынки и сотни тысяч разбитых человеческих сердец.

В ночь на десятое мая 1905 года в Шлиссельбургской крепости палач Филипьев завязал петлю на шее Ивана Платоновича Каляева. Он отверг исповедь и последнее целование креста, успев сказать перед тем, как Филипьев вышиб под ним опору:

– Я счастлив, что исполнил приговор главному виновнику ходынской трагедии. Учитесь смотреть в лицо истории, люди. Учитесь смотреть в ее лицо!..

Дочери Надежды Ивановны Олексиной Калерии, Лерочке Вологодовой как раз в этот день исполнилось ровно пять лет…

Вопросы и задания по всему тексту романа, прочитанному самостоятельно

▸**1.** Как вы понимаете слова писателя, что для России точкой отсчета нового столетия стала «священная коронация царствующего монарха», а «у жителей второй русской столицы и особенно московской интеллигенции точкой отсчета стала не коронация, а ходынская трагедия»?

2. Почему стала возможной ходынская трагедия? Как на этот вопрос отвечает автор?

3. Прав ли Каляев, увидевший главного виновника трагедии в лице князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы?

4. В романе затрагивается проблема политического террора. Как автор относится к героям, ставшим на путь террора? Почему это произошло с Каляевым?

5. Какое значение имеет в романе образ Маши Олексиной?

▸▸**1.** Проанализируйте диалог Елисаветы Федоровны и Ивана Каляева. В чем его смысл? Как можно понять слова великой княгини: «Кто оценит долги наши? Люди? Бог? Будущее?..»?

2. В чем вы видите смысл названия романа «Утоли моя печали…»?

▸▸▸**1.** Почему роман «Утоли моя печали…», посвященный событиям рубежа XIX–XX веков, обращен к сегодняшнему читателю?

Великая Отечественная война в лирике XX века

Тема войны – особая тема в русской литературе XX века. Поэзия этого периода – явление уникальное. В ней, как правило, органически сочетаются гражданские и интимные мотивы.

Поэты писали и о самой войне, ее тяготах, военных сражениях, трагедии отступления, о победных походах, о женщинах и детях на фронте, о партизанах, передавали трагедию многих семей. Много стихов посвящено образу родины. В одних стихотворениях и песнях страна изображалась от «краю и до края», в других отчизна воспевалась через любимый город или малую родину поэта, в образах которых просматривались

безбрежные ее просторы. Картины родной природы соседствовали с картинами боев и тем самым усиливали патриотическое и лирическое звучание стихотворения.

Однако лирика военных лет не просто отражала или рисовала какие-либо реальные картины и события, проходившие перед глазами поэтов, многие из которых были участниками боевых действий, военными корреспондентами и т. д., но и давала представление об особенностях сознания человека, защищающего отечество или приближающего своим трудом и всей жизнью победу в глубоком тылу.

Единый патриотический порыв народа прозвучал в опубликованном 24 июня 1941 года стихотворении В. Лебедева-Кумача «Священная война», которое было положено на музыку А. Александровым, став самой популярной песней. Простые доходчивые слова запоминались, широкий напевный мотив делал ее легкой для исполнения. Она стала музыкальным символом тех лет, одной из главных военных песен.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отродью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Встает страна огромная,

Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Во время Великой Отечественной войны со своими стихами выступали поэты разных поколений – и маститые лирики, пришедшие в литературу еще в дореволюционные годы, и поэты, ставшие известными в 20–30-е годы, и молодые фронтовики. Среди них имена А. Ахматовой, А. Суркова, Н. Тихонова, М. Исаковского, А. Твардовского, И. Сельвинского, А. Прокофьева, М. Дудина, К. Симонова, В. Инбер, П. Антокольского, Ю. Друниной и др. Многие из их стихотворений стали популярными песнями времен Отечественной войны и последующих десятилетий. Часто поют их и сегодня.

Прочитайте предлагаемые в учебнике стихи о Великой Отечественной войне. Выберите одно-два стихотворения для самостоятельного анализа, сделать который вам помогут вопросы и задания.

Анна Андреевна Ахматова
(1889–1966)

Клятва

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Вопросы и задания

1. Что вкладывает поэтесса в слово «мужество»? Какие чувства она выразила в этом коротком стихотворении?

1. Что означают в стихотворении понятия «русская речь», «великое русское слово»? В чем смысл эпитетов «свободный», «чистый» применительно к русскому слову?

2. В стихотворении порой повторяются почти рядом одни и те же слова («ныне» в первой и второй строках, «час» и «часах» в третьей строке, союз «и», отрицательная частица «не»). Какое влияние оказывают повторы на содержание и форму стихотворения?

3. Автор пишет: «Не страшно под пулями мертвыми лечь, / Не горько остаться без крова». В чем смысл и какова композиционная роль этих строк в выражении ее позиции? Какой художественный прием заключен в них?

4. Почему слово «навеки» занимает в стихотворении отдельную строчку?

Александр Андреевич Прокофьев
(1900–1971)

Москве

Вся Родина встала заслоном,
Нам биться с врагом до конца —
Весь пояс твоей обороны
Идет через наши сердца.

Идет через грозные годы
И долю народа всего,
Идет через сердце народа
И вечную славу его!

Идет через море людское,
Идет через все города…
И что это, братья, такое,
Что враг не возьмет никогда!

Вопросы и задания

1. В стихотворении А. А. Прокофьева патриотические чувства и настроения автора передаются через его отношение к родному городу, столице страны. Какими художественными средствами связывается образ Москвы с образом всей страны?

2. Выделите художественные образы, через которые раскрывается связь лирического героя стихотворения с родиной.

3. В чем заключается роль повторений «идет через», которыми начинаются несколько строк стихотворения?

Константин Михайлович Симонов
(1915–1979)

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины…

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: – Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша, изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: – Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!» – говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» – говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
По русской земле раскидав позади,
На ваших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

Вопросы и задания

1. Как обрисованы в стихотворении русские женщины? Какие качества русского народа воплощены в их образах?

2. К какому жанру лирики можно отнести стихотворение Симонова? Как выбор жанра повлиял на его основную тональность и восприятие его читателями?

1. Какими словами выражено в стихотворении патриотическое чувство автора? Почему образ Родины олицетворяет для него «не дом городской», а «проселки, что дедами пройдены…»?

2. Отметьте композиционные особенности стихотворения, характер эпитетов, метафор, сравнений, другие особенности лексики.

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971)

Рассказ танкиста

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку,

И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти – двенадцати. Бедовый.
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас как дорогих гостей.

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду ведрами – не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы недозрелые суют…

Шел бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперед.
А он гвоздит – не выглянуть из башен, —
И черт его поймет, откуда бьет.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился, – сколько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
– Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведал…
Я подполз, они вон там, в саду…
– Да где же, где? – А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждет. – Влезай сюда, дружище! —
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка – мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырем.

Подъехали. – Вот здесь. – И с разворота
Заходим в тыл и полный газ даем.
И эту пушку, заодно с расчетом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозем.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шел большой пожар.
И, помню, я сказал: – Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал…

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Вопросы и задания

1. В чем, по-вашему, заключается основная тема этого стихотворения и как она связана со всей военной лирикой периода 1941–1945 годов?

2. Как нарисован образ мальчишки? Обратите внимание на передачу рассказчиком особенностей его речи.

1. В стихотворении органически сочетаются повествовательно-эпические интонации с глубоким лиризмом. Какими лексическими и синтаксическими средствами достигается это сочетание?

2. Как вы думаете, почему строфа, с которой начинается стихотворение, его же и завершает? Как называется этот композиционный прием и в чем состоит его особое значение в лирике?

Юлия Владимировна Друнина
(1924–1991)

Зинка

Памяти однополчанки – Героя Советского Союза Зины Самсоновой

I

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

– Знаешь, Юлька, я – против грусти,
Но сегодня она не счет.
Дома, в яблочном захолустье,

Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый.
У меня – лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет…
Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она – не счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг – приказ: «Выступать вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

II

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со славой жить.
…Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав,
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

Знаешь, Зинка, я – против грусти,
Но сегодня она не счет.
Где-то, в яблочном захолустье,

Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
…Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала.

Вопросы и задания

1. Какие особенности военного времени отражены в стихотворении «Зинка»?

2. Какова, по-вашему, основная тональность стихотворения – трагическая, грустная, жизнелюбивая? Аргументируйте свое мнение анализом текста.

1. Обратите внимание на композиционные особенности стихотворения. В чем вы видите смысл почти дословного повторения второй и третьей строф первой части в финале (мысленное продолжение диалога поэтессы с однополчанкой Зиной)?

2. Попробуйте прокомментировать строки:

Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Михаил Александрович Дудин (1916–1993)

Здесь грязь, и бред, и вши в траншеях…

Здесь грязь, и бред, и вши в траншеях.
И розовое облако вдали.
Душа моя, когда ж похорошеют

Обугленные площади земли?

Давно пора. Под пеленою пепла
Протухли трупы и свернулась кровь.
Душа моя, ты в сотый раз ослепла
От черствых слов и прозреваешь вновь.
Смотри – весна. И над равниной русской
Молочно-лиловатый свет.
…Влетела в амбразуру трясогузка
И весело уселась на лафет.

Вопросы и задания

1. Обратите внимание на смену настроения автора на протяжении этого короткого стихотворения. Как переданы его чувства?

1. Определите основной прием изображения фронтовой действительности в стихотворении М. Дудина. Как через него передаются чувства и ожидания лирического героя?

2. Чем объясняется повторяющееся обращение «душа моя»?

Алексей Александрович Сурков
(1899–1983)

Бьется в тесной печурке огонь…

Софье Кревс

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,

А до смерти – четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Вопросы и задания

1. Холодная землянка – это примета фронтовой реальности, фронтового быта. Но только ли эту роль выполняет образ землянки в стихотворении? Что противопоставлено тяжелым солдатским будням в землянке? Найдите в каждой строфе противопоставления и осмыслите их значение в выражении чувств героя.

1. Какими художественными средствами создается в стихотворении образ любимой? Почему, как вы думаете, здесь нет описания конкретных черт адресата стихотворения?

1. Песня на стихи А. Суркова о землянке – одна из самых популярных в военные и послевоенные годы. Чем близко это стихотворение читателям и слушателям? Какие общечеловеческие мотивы в ней развиваются? Только ли в военные годы актуальны переживания лирического героя?

Михаил Васильевич Исаковский
(1900–1973)

Огонек

На позицию девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтовая семья,

Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабыть он не смог:
– Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет;

Все, что было загадано,
Все исполнится в срок, —
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего,
От ее письмеца.

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За советскую родину,
За родной огонек.

Вопросы и задания

1. Михаил Исаковский – преимущественно поэт-песенник, автор таких известных произведений, как «До свиданья, города и хаты…», «Катюша», «Ой, туманы, мои растуманы…», «В прифронтовом лесу». Прослушайте на уроке записи песен на стихи Исаковского. Удалось ли передать композиторам мелодичность лирики поэта, его настроение?

2. Что сближает названные стихотворения в смысловом и художественном отношении?

3. Какие традиции русского фольклора вы находите в них?

На протяжении всей послевоенной истории и поэты-фронтовики, и поэты новых поколений продолжали и

продолжают обращаться в своем творчестве к событиям Великой Отечественной. Но сейчас они уже воспринимают ее в прошлом и осмысливают ее влияние как на свою жизнь, свое сознание и чувства, так и на жизнь всего нашего общества. Скорбь о потерях в этих стихах сочетается с обретением жизненной мудрости, стойкости, нравственной чистоты. Трагические и жизнеутверждающие мотивы соседствуют в них. Эта лирика не только обращена в прошлое, военные годы, но и в какой-то степени в будущее.

Предлагаем несколько стихотворений, представляющих этот значительный пласт русской поэзии XX века.

Булат Шалвович Окуджава (1924–1997)

До свидания, мальчики

Ах, война, что ж ты сделала,
подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли —
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом – солдат…
До свидания, мальчики!
Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте
высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите,
и все-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война, что ж ты, подлая,
сделала:
вместо свадеб – разлуки и дым,
наши девочки платьица белые
раздарили сестренкам своим.
Сапоги – ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон…
Вы наплюйте на сплетников,
девочки.

Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не
во что,
что идете войной наугад…

До свидания, девочки!
Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

Евгений Михайлович Винокуров
(1925–1993)

В полях за Вислой сонной…

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвой
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

Владимир Семенович Высоцкий
(1938–1980)

Штрафные батальоны

Всего лишь час дают на артобстрел.
Всего лишь час пехоте передышки.
Всего лишь час до самых важных дел:
Кому – до ордена, ну, а кому – до «вышки».

За этот час не пишем ни строки.
Молись богам войны – артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так, мы – штрафники,
Нам не писать: «Считайте коммунистом».

Перед атакой – водку? Вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку.
Поэтому мы не кричим «Ура!»,
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец —
Коли, руби фашистскую бродягу!
И если не поймаешь в грудь свинец,
Медаль на грудь поймаешь «За отвагу».

Ты бей штыком, а лучше бей рукой —
Оно надежней, да оно и тише.
И ежели останешься живой,
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг – морально мы слабы.
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль, и вот сейчас – обстрел.
Ну, бог войны! Давай – без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, а большинству – до «вышки».

Вопросы и задания ко всей теме

1. Самостоятельно подготовьте оглавление к сборнику стихов «Поэты о Великой Отечественной войне» и напишите к нему предисловие.

2. Выберите одно из стихотворений послевоенного периода и самостоятельно проанализируйте его.

3. Сопоставьте стихи о войне, написанные в период 1941–1945 годов и в послевоенные годы. Что их сближает и что отличает (мотивы, отношение к событиям, глубина эмоционального отклика и т. д.)?

4. Подготовьте вечер поэзии «Строки, опаленные войной».

Леонид Максимович Леонов (1899–1994)

Л. М. Леонов прожил долгую творческую жизнь. Родившись накануне двадцатого столетия, он был свидетелем и участником многих событий, выпавших на тот многострадальный век, и ушел в вечность всего за несколько лет до его окончания. В произведениях Леонова запечатлена и осмыслена целая историческая эпоха.

Леонид Леонов – писатель философского склада. Он рассматривает важные исторические события с позиций общечеловеческой нравственности, размышляет о смысле человеческого бытия, счастье, патриотизме, о том, какое место в духовном мире человека занимает его чувство к родине, в том числе и малой родине, где он появился на свет и провел свое детство, юность. «Патриотизм состоит не в огульном восхвалении или умолчании отечественных недостатков. Не на моем языке родилась поговорка ubi bene, ibi patria – где хорошо, там и отечество, – мудрость симментальской коровы, которой безразлично, кто присосется к ее вымени, было бы теплым стойло да сладким пойло. Для мыслящего человека нет дороже слова **отчизна**, обозначающего **отчий дом**, где он появился на свет, где услышал первое слово материнской ласки и по которому впервые пошел еще босыми ногами. С малых лет мы без запинки читаем эту книгу жизни, написанную лепетом наших весенних ручьев, грохотом нашего Днепра, свистом нашей вьюги. Мы любим отчизну, мы сами физически сотканы из частиц ее неба, полей и рек. Не оттого ли последней мечтой политических скитальцев и даже просто бродяг было – вернуть в родную землю хоть кости свои с чужбины…»

Для обсуждения в классе (на выбор учителя и учащихся) предлагается пьеса Л. М. Леонова «Золотая карета».

Золотая карета. *Пьеса в четырех действиях*

Особое место в творчестве Л. М. Леонова занимает пьеса

«Золотая карета» (1946–1954), в которой воплотились и исторические и философско-нравственные раздумья автора о только что прошедшей Великой Отечественной войне, о судьбах людских, о патриотизме, о самом сокровенном, чем живет душа человека, о понимании им сущности человеческого счастья, наконец, о возмездии за содеянное.

Не сразу пьеса была разрешена к постановке в театре. Запечатленная в ней страшная послевоенная действительность («обугленное пространство», «весь город ничком полег»), обнаженный показ страданий и бедствий, принесенных войной, вызвали негативную реакцию властей. Комитет по делам искусств и лично секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии Жданов возмутились и посчитали, что нельзя бередить рану. В 1946 году пьеса была запрещена к постановке в Малом театре в Москве.

«Я стремился сделать вещь прочно, с запасом прочности. Но какие усилия приходилось порой употреблять – не только написать, но и преодолеть заранее ощущаемое и неминуемое сопротивление к этой вещи!» – писал Леонов.

Действующие лица

Щелканов Сергей Захарович.
Марья Сергеевна – его жена, председательница горсовета.
Марька – их дочь.
Березкин – полковник, проездом в городе.
Непряхин Павел Александрович – местный житель.
Дашенька – его жена.
Тимоша – его сын.
Кареев Николай Степанович – заезжий ученый.
Юлий – сопровождающий его сын.
Рахума – факир.
Табун-Турковская – мадам.
Раечка – секретарша.
Маслов – тракторист.
Макарычев Адриан Лукьяныч, Галанцев Иван Ермолаевич – председатели колхозов.
Отцы с невестами, командировочные и прочие.

Действие происходит в бывшем прифронтовом городке в течение суток, тотчас после войны.

Действие первое

Вскоре после окончания войны в бывший прифронтовой провинциальный городок по дороге на отдых заезжает известный академик-геолог Николай Степанович Кареев с сыном Юлием. От директора местной гостиницы Павла Александровича Непряхина, как оказалось, друга его юности, он узнает, что Машенька Порошина, в которую был когда-то влюблен, а ныне Марья Сергеевна Щелканова, работает председателем горсовета и пользуется уважением и любовью горожан.

Юлий между делом открыл водопроводный кран над раковиной в углу, оттуда ничего не течет, пощупал ледяную печь и сокрушенно покачал головой.

Юлий. Судя по хозяйству, в горсовете у вас тоже сом с аршинными усами сидит.

Непряхин. Каб везде-то такие сидели! Нашу председательшу, Марью-то Сергевну, еще в какие города сманывали: с трамваями. А не отпустили трудящие-то.

Кареев (*не оборачиваясь*). Это какая же Марья Сергеевна?.. не Машенька ли Порошина?

Непряхин. Хватил!.. Порошиной она, почитай, годов двадцать пять назад была. Щелканова теперь, спичечного директора жена. (*Насторожась.*) Извиняюсь, живали у нас или так, проездом случалося?

Юлий. Мы геологи, любознательный старик. Это сам Кареев, академик, к вам пожаловал… слыхал такого?

Непряхин. Не возьму греха на душу, не слыхивал. Много на свете Кареевых-то. У меня дружок был, тоже Кареев. Сомов вместе ловили, на памирских горах погиб. Сколько я понимаю, в недрах наших пошарить приехали?.. Давно ждем. Нам бы не злато, а хоть бы слюдицу, керосинчик там али другую какую полезность отыскать. Больно с войной-то поизносилися; и деток жалко, и святыньки не на что починить.

Юлий. Нет, мы проездом… Ну, прописывай наши пачпорта и насчет дровец похлопочи.

Что-то бормоча под нос, не чувствуя на себе пристального кареевского взгляда, Непряхин идет с паспортами к двери, но с полдороги возвращается.

Непряхин. Зреньице мое с годами шибко поослабло. Дозвольте товарищу академику в личико бы заглянуть.

Они смотрят друг на друга, рассеивается туман двух десятилетий. К великому удивлению Юлия, следует

молчаливое и несколько затянувшееся по вине Непряхина объятье.

Кареев. Ну, полно, полно, Павел… смял ты меня совсем. Кроме того, остерегись: простудился я в дороге.

Непряхин. Друже ты мой, друже… А я-то кажную осень об эту пору мысленно обегаю горы памирские, кличу тебя, братец ты мой… и отзвуку мне нету. Ведь как одурел, ровно от вина: что и сказать тебе на радостях, не знаю… Миколай Степанович!

Кареев. Ладно… перестань, дружок, перестань. Все пройдет и сравняется… И зови по-прежнему: неужто я такой важный да старый стал?

Непряхин. Куды, ты еще полный орел. Вот я… Как Власьевна моя приказала долго жить, я с тоски-то на молоденькой женился, Дашенькой звать. Со стороны глянуть – вроде живи да поправляйся: при месте нахожуся, весь должностями окружен… музей тоже на меня возложен. Опять же обувку шить навострился за войну-то, тоже копеечка бежит. И кровля имеется, и сынок, слава Богу, живой с поля боя воротился. Слышь, как внизу орудует?

Юлий. Он и есть знаменитый тракторист?

Непряхин. Зачем, то другой. Моего-то мужики наняли в трактористову честь на гармони играть. Мой-то голова был, в городе Ленинграде на звездочета обучался. Разов пять не то семь в заграничных вестниках печатали… Тимофеем звать. Вознесся старый Непряхин гордынею, – тут его судьба сперва Дашенькой стуканула, глянула в очи – маловато!.. Тимошей добавила. У кого руку-ногу, у него глаза отобрала, война-то, у звездочета моего!

Пауза молчания.

Окаянный, ай денег на марку не было: за столько годов весточки не прислал?

Кареев. Были тому особые причины, Палисаныч.

Непряхин. Понятно, понятно: копил, в мертвых таился до поры. Жива, жива Машенька-то Порошина.

Пронзи ее своей славой, Миколай Степаныч, до самого сердца пронзи! Чего дровец… я вам и кипяточку погреться раздобуду!

Юлий снимает пальто с отца. **Непряхин** бежит исполнять обещанное. С порога оглянулся.

Местность у нас ветрена, круглые сутки ровно орда шумит. И дверь не прикрывайте – печка в коридоре утром топилася…

Снова вперемежку с ветром тяжкий гул самозабвенного пляса. Некоторое время старший Кареев разглядывает что-то в непроглядном, кабы не зорька на краю неба, пространстве за окном.

Кареев. Когда-то эти сорок километров я обыденкой хаживал… в непогоду у Макарычева в Глинках ночевал. Былинный был богатырь… на войне не побили, тоже поди облунел весь. Бывает перед закатцем: молодость пройдет прощальным маршем, жаром обдаст и дыханьем лугов… и в яму потом!

Юлий. Не жар ли у тебя, родитель, в лирику вдарило… Нука, я тебя пристрою начерно пока!

Он усаживает отца в кресло, наливает чарочку из походной, в желтой коже, фляги, потом дает две большие белые пилюли. В полутьме коридора за открытой дверью проплывают смутные фигуры местных и командировочных.

Кареев. В этом самом городишке, однажды, юный совсем учитель полюбил девушку… каких нынче и не бывает на свете. Отец у ней был важный чиновник с жесточайшими седыми бакенбардами и такая же мать… если не изменяет память, уже без бакенбард. Так вот, ровно двадцать шесть лет назад этот нищий мечтатель отправился с ними на гастроль заезжего факира. Обожа-ал эти наивные провинциальные чудеса для бедных!.. но в тот вечер видел только мерцающий профиль своей соседки. В антракте чудак осмелился испросить у старика руку его дочки… и до сих пор мерещится мне, дружок, его зычный негодующий бас и этакое вращательное движение сердитых бакенбард… А получив афронт, он вот в такую же бездомную ночь и отправился искать счастья…

Юлий (*в тон ему, из потемок*). На Памир, как говорит легенда. Аминь! Извини, еще немного побеспокою…

Сын укрывает клетчатым пледом ноги отца, расставляет привезенную еду. Внезапно падает накал в лампочке, что заставляет младшего Кареева зажечь две свечи из чемодана.

И здесь эти судороги подыхающей войны. Тебе не дует ниоткуда?.. Это и была Машенька Порошина?

Кареев. Не вздумай включать это в мою академическую биографию!

Юлий. А я-то всю дорогу гадал: с чего тебя понесло в такую трясовицу? Греза юности!

Кареев. Юность моя прошла безрадостно, однако не ропщу… В каждом возрасте содержится свое вино, только мешать не рекомендуется… во избежание изжоги и разочарований!

Голос с порога. Ну, ежели во благоразумной однородности мешать, тогда безопасно… Прошу дозволения войти.

Насколько можно разобрать в потемках, на пороге стоит худой и высокий, с седыми висками незнакомый **полковник**. Через плечо висит набитая полевая сумка, в руке трофейная бутылка неожиданной формы. Слова свои он произносит замедленно, с суровым достоинством, причем время от времени утрачивает нить рассказа. Кажется, черное послевоенное безмолвие вступает сюда за ним по пятам. Юлий высоко поднимает свечу с клонящимся на сторону пламенем.

Юлий. Войдите… вам угодно?

Березкин. Прежде всего краткие описательные сведения. Полковник Березкин, бывший командир гвардейской бригады… в отставке. Случайно задержался здесь на сутки.

> Он показывает колодку орденов, которая вслед за тем с оловянным звуком возвращается в карман. Юлий склоняет голову в полупоклоне.

Не ношу из деликатности перед этим обугленным городом.

Юлий. Ясно. А мы, Кареевы, по части геологии, тоже проездом. Итак, чем могу… полковник?

Березкин. Разве только совместно помолчать часок и, если найдете причины основательными, пригубить этого занимательного напитка.

Юлий (*стремясь ослабить шуткой странное стеснение перед гостем*). Однако **оно** у вас зеленоватое. Сколько я понимаю в химии, это водный раствор медного купороса?

Березкин. Внешность вещей обманчива, как и у людей. (*Вскинув бутылку на просвет.*) Данный состав содержит в себе малоизвестный мягчительный витамин «У». Незаменимо от простуды и одиночества.

> Юлий жестом приглашает полковника к столу, куда тот дополнительно к расставленным выкладывает и свои припасы. Почему-то его, как и старшего Кареева, тянет к стеклянной двери.

Примечательно – прошел со своей бригадой Европу наискосок… и след поучительный оставил. А вот вернулся, взглянул на это, милое, и стою, как мальчишка, и колени дрожат. Здравствуй, первейшая любовь моя…

Юлий. Кого вы подразумеваете, полковник?

Березкин. Россию.

Он открывает дверь на балкон, ветер относит занавеску, раскачивает лампочку на шнуре, гасит пламя одной свечи, которую не успел прикрыть ладонью Юлий. Слышно, как надсадно кричат грачи и грохочет где-то лист порванной кровли.

Юлий. Попрошу прикрыть дверь, полковник. Отец простудился в дороге, а мне не хотелось бы раньше срока остаться сироткой.

Кареев (*из своего угла*). Ничего, сюда не задувает.

Закрыв дверь, Березкин берет свечу со стола и находит глазами кареевское кресло. Видимо, полковника вводят в заблуждение длинные волосы сидящего перед ним человека.

Березкин. Прошу прощенья, товарищ художник, не различил впотьмах. (*Сухо щелкнув каблуками.*) Бывший военный Березкин.

Кареев. Приятно… но, как уже было сказано моим сыном, я не художник, а геолог.

Березкин. Прошу снисхожденья за дурную память: уволен по контузии. Сказали: ты свое отвоевал, теперь иди отдыхай, Березкин. Тогда Березкин взял чемоданчик и пошел в пространство перед собою…

Что-то случается с ним; с закрытыми глазами он мучительно ищет порванную нить. Кареевы переглядываются.

Простите, на чем я остановился?

Юлий. Вы взяли чемоданчик и пошли куда-то…

Березкин. Точно, я пошел отдыхать. Вот я хожу и отдыхаю. (*Неожиданно жарко.*) Я любил мою армию! У ее походных костров мужал и крепнул еще совсем юный и нищий пока, желанный мир… Тут я выяснил мимоходом, что именно первей всего нужно человеку в жизни.

Кареев. У нас также настроение по погоде, полковник. Хороший случай проверить действие вашего напитка…

Они садятся. Все трое смотрят на жарко полыхающую свечу. Течет долгая объединяющая их минута.

Так что же, по вашему мнению, прежде всего надо человеку в жизни?

Березкин. Сперва – чего не надо. Человеку не надо дворцов в сто комнат и апельсиновых рощ у моря. Ни славы, ни почтенья от рабов ему не надо. Человеку надо, чтоб прийти домой… и дочка в окно ему навстречу смотрит, и жена режет черный хлеб счастья. Потом они сидят, сплетя руки, трое. И свет из них падает на деревянный некрашеный стол. И на небо.

Кареев. У вас большое горе, полковник?.. семья?..

Березкин. Так точно. В начале войны я перевез их сюда с границы – Олю-большую и Олю-маленькую. Опрятный такой домик с геранями, на Маркса, двадцать два. Последнее письмо было от девятого, десятого их бомбили всю ночь. Вот третьи сутки сижу в номере и отбиваюсь от воспоминаний. Чуть сумерки, они идут в атаку. (*Потирая лоб.*) Опять порвалось… не помните, на чем порвалось у меня?

Юлий. Это не важно… Раскроем и мы нашу аптеку. У нас тут имеется отличная штука от воспоминаний.

Березкин (*отстраняя его бутылку*). Виноват, старшинство – войне!

Он разливает, и сперва Кареев прикрывает свою чарку ладонью, потом уступает полковнику, не выдержав его пристального взгляда.

Сожалею, что лишен возможности показать вам карточку моих Оль. Утратил по дороге в госпиталь. Только это и могло разлучить нас.

Он поднимается и с чаркой в руке, не чуя ожога, не то дразнит, не то обминает пальцами длинное, трескучее пламя свечи. Кареевы не смеют прервать его раздумья.

Ну, за мертвых не пьют… тогда за все, за что мы дрались четыре года: за этот бессонный ветер, за солнце, за жизнь!

Они закусывают, беря еду просто руками.

Кареев. На мой взгляд, витамина «У» здесь у вас шибко переложено… (*Морщась от напитка.*) Большие раны требуют грубых лекарств, полковник!

Березкин. Если меня не обманывает болезненное предчувствие, вы собираетесь пролить мне бальзам на рану.

Кареев. Пожалуй. Увечья войны лечатся только забвеньем… Кстати, вы уже побывали там… на Маркса, двадцать два?

Березкин. Виноват, плохая голова, не схватываю маневра. Зачем: удостовериться, порыться в головешках… или как?

Юлий. Отец хочет сказать: на это следует наглядеться один раз досыта и уезжать на край света. Раны, на которые смотрят, не заживают.

Снова откуда-то из подземелья осатанелый топот множества ног.

Березкин. Во имя того, чтоб не замолк детский смех на земле, я многое предал огню и подавил без содроганья. Малютки не упрекнут Березкина в малодушии… (*с ветром изнутри и положив руку на грудь*), и пусть они берут что им сгодится в этом нежилом доме!.. Но как же вы порешились, товарищ художник, протянуть руку за последним моим, за надеждой? (*Тихо.*) А что, если выхожу я на Маркса, двадцать два, а домик-то стоит и дочка мне из окна платочком машет? Еще не все мертво на поле боя. Не трогайте человеческих сердец, они взрываются.

Он снова отходит к балкону. В небе за стеклянной дверью осталась лишь желтая полоска дикой предзимней зари.

Какая глубина обороны! Ни одна твердыня не устоит, если двинуть со всего плеча этих континентальных расстояний…

Кареев. Но ведь вы затем и поехали в такую глушь, чтобы навестить ваших… милых Оль?

Березкин. Не совсем так. Я прибыл сюда с другим заданием – наказать одно здешнее лицо.

Юлий. Любопытно. Вас послали – суд, закон, командование?

Березкин. Меня послала война. <…>

Полковник Березкин рассказывает о неприглядном поведении на фронте Сергея Захаровича Щелканова, мужа Марьи Сергеевны, директора спичечной фабрики. Жена Непряхина Дашенька с удовольствием рассказывает сплетни о личной жизни Щелкановых, о том, что муж изменяет Марье Сергеевне и готов уйти к другой женщине.

Юлий (*для отца*). Несчастна, значит?

Дашенька. Промашка у ей вышла. Она из богатого дома, отец-то всем телеграфом у нас заведовал… учителишка один в нее и влюбись! Вроде и он по́ сердцу ей пришелся, да только бедный: ни ножа в дому, ни образа, ни помолиться, ни зарезаться. В молодые годы сомов с моим-то ловили!.. Ну и высказали учителишке напрямки: чего ты, арифметика горькая, у крыльца бродишь, травку топчешь, наших псов дразнишь? Чем ты королевну нашу одарить можешь, окроме нищеты да чахотки? А ты ступай в люди, добивайся да приезжай за ей в золотой карете. Тогда посмотрим, што за прынц такой – вон как!.. И пошел он с горя в страну Памир, да и канул: то ли в пропасть кувырнулся, то ли со спирту зачах. А на третий, кажись, годок Щелкан-то и подвернулся… до гроба за ту вину ее казнить!

Березкин. Вкусно сплетничаешь. (*Наливая ей.*) В чем же ее вина, раз он сам от нее ушел?

Дашенька. Не в том ейная вина, что ушел, а в том, что вослед за ним не побежала.

Юлий (*жестко и мстительно, за отца*). Вот именно в том, что босиком по снегу, в ночь глухую за ним не побежала!

Дашенька. Мой-то жижик сказывал: она впоследствии времени все письма ему писала… (*с восторгом зависти*) на Памир, до востребования.

Вернувшийся с косынкой **Непряхин** машет ей рукой со стороны.

Чего размахался, ай опять подслушивал?

Непряхин. Иди домой, рыжая ты удавица!.. Не верь ты ей, Миколай Степаныч: семейство дружное, без взаимного попреку живут. И чего душа не захочет, полный стол у них имеется!

Дашенька (*зловеще*). Это верно: всё в доме есть, окроме нужды да счастья. <…>

В конце первого действия происходит знакомство Марьки Щелкановой и Юлия Кареева. Молодые люди явно заинтересовались друг другом.

Действие четвертое

Вечер в доме Щелкановых. На день рождения Марьки собрались гости.

Домой возвращается **Марья Сергеевна**.

Марька. Здравствуй!.. Уж снег повалил? (*Снимая пальцами.*) И капельки на бровях… Ну вот, еще на год постарела твоя дочка.

Марья Сергеевна. Не огорчайся… Даже не подозреваешь, как хорошо на свете, Марька… несмотря ни на что. Даже этот непригожий снежок. (*Вполголоса.*) Тимошу привезла, куда-то за подарком тебе забежал… встреть. (*Гостям.*) Никак я к самому веселью подоспела. С кем еще я тут не видалась-то?

Приветливо кивая по сторонам, она направляется к факиру, который под наблюдением Кареева готовит к сеансу свою адскую снасть: достает из дареного чемодана мрачное покрывало с символами Зодиака, на восковой свечке стерилизует старинный артиллерийский тесак.

Извините, скучать вас заставила, Николай Степанович. Повестка накопилась ужасно длинная… буквально с разбитого корыта каждую мелочь приходится начинать. Такое в зале поднялось, как о вашем приезде сообщила. Обнадежились земляки-то, ведь вы у нас главный комендант при подземных кладовых!

Кареев. Об отъезде надо было, Марья Сергеевна… В следующий раз теперь, уж на отлете мы. Хозяйку поблагодарить осталось. <…>

Пока они пошучивают перед расставаньем, появляется и **Тимоша**. Марька спешит к нему навстречу и вот пугается протянутых к ней Тимошиных рук. Так они стоят на глазах у обступивших сверстников по войне или школе.

Тимоша (*опуская руки*). Простите мне опозданье, Марька. У водников вечеринка по случаю соревнованья. Ставят суда на зимний ремонт… (*Начинает раздеваться.*) Весь мокрый… снежная мгла и капель на улице.

Марька. Мы теперь вешалку туда перенесли, Тимоша.

Следует нетерпеливый, даже властный кивок Юлию, и тот с воодушевлением новой надежды приближается к Тимоше.

Юлий. Позвольте, я отнесу на место ваше пальто.

Он ловко принимает на руки Тимошину шинель, в порыве усердия стряхивает талую изморось с его

оброненной шапки. Пожалуй, не столько его торопливое послушание бросается в глаза, как невозмутимое величие, с каким Тимоша принимает услугу от соперника.

Марька. Весь вечер… как мне вас не хватало, Тимоша. Но что же вы стоите, как чужой. Пойдемте, тут у меня все наши прежние, мальчики и подружки, собрались.

Тимоша. Давно не бывал у вас, Марька!.. и вот уж не могу уловить происшедших перемен.

Марька. Вам с непривычки кажется, Тимоша. С тех пор как вы меня по алгебре готовили… ну, ни чуточки не сдвинуто с тех пор, кроме вешалки.

Тимоша. Нет, это вы, Марька, по своей доброте преувеличиваете мои несчастья. Самое главное я вижу острей, чем прежде. На вас голубое платье, например… верно?

Марька подает знак окружающим молчать о его ошибке: платье на ней розовое.

Вижу черную ленточку на горле. И с левой стороны локон на бровку упал.

Все аплодируют прозорливости слепого. Марька суеверно касается черной бархотки на шее, отводит назад прядку волос со лба.

Дашенька. Ладно, приступай к работе, гармонист… ребятам покружиться охота. А то скоро и свет выключат…

Тимоша. Погоди, тетя Даша. Долго думал, что вам подарить, но… к сожаленью, мало чего осталось достойного вас в нашем бедном городе. Только вот…

Шумит бумага, и затем из громадного свертка в Тимошиной руке показывается ослепительная на длинном черенке алая роза. Шелест восторженных восклицаний кругом: «Смотри, живая!» – «И даже роса на ней…» – «Мальчишки, ведь зима же, почти зима на дворе». – «Он, верно, душу черту заложил!» Старшие тоже подходят взглянуть на подношение слепого. Марька медлит, пятится, молчит.

Непряхин. Бери, не стесняйся, дочка… Нет ничего на свете щедрей солдата.

Дашенька. Забирай, девушка, должность ихняя такая,

кавалерская. (*Марье Сергеевне.*) Мой-то, бывалошнее дело, всё лимоны подносил. Положит на стол и вздыхает, аромат на все общежитие. Знал, окаянный, чем сердце женщины покорить.

Тимоша (*тихо и внятно, про розу*). Не бойтесь ее, она скоро завянет… возьмите, Марька!

С погасшим лицом Марька принимает смутительный дар. Спеша на выручку дочери, Марья Сергеевна вскоре отберет его – подивиться, понюхать это не по сезону чудесное явление природы.

Вот я и готов к исполнению обязанностей. (*В полушутку.*) Теперь ведите, где он тут… мой железный стульчик?

Марья Сергеевна. Видать, придется нам, милый Тимоша, до следующего раза танцы отложить. Да и молодежь вон по домам собралась…

Дашенька. На последний автобус торопятся. Жалость такая: вроде и разрезание посмотреть не терпится, да и грязищу-то неохота мерить эку даль!

Часть молодежи схлынула в прихожую одеваться.

<…> **Кареев**. …Однако же примите от путешественников признательность за гостеприимство… и жаль, что у вас обеих такая, видимо, врожденная неприязнь к Памиру. (*Взглянув на часы.*) Вы готовы к отбытию, незаурядный сын мой?

Тот давно уже держит наготове отцовское пальто. Судя по тишине в прихожей, гости без прощанья побежали на последний автобус. Краем своего теплого платка прикрыв плечо прильнувшей сбоку дочки, Марья Сергеевна улыбкой прощается с молодостью… Свет предупредительно гаснет три раза.

И вот уж ночь стучится в жизнь.

Марья Сергеевна. Нет, еще целых пять минут нам осталось.

Кареев. Что же, величайшие события истории укладывались в пять минут. (*Со значением, для Марьки.*) При желании это целая груда времени…

Марья Сергеевна. …иногда, пожалуй, даже нестерпимая, если делить ее на дольки.

Юлий. Вот до самого отъезда я и буду вам напоминать звонком о каждой дольке… можно?

Церемонный поклон, и **Кареевы** уходят,

провожаемые до порога. Пауза, и чуть позже, спохватившись при виде раскиданного факирского инвентаря, мать и дочь с запоздалым сожаленьем взирают друг на дружку.

Марья Сергеевна. Что же мы наделали-то, Марька?.. Можно было и Рахуму в пролетку к ним приладить. Марк Семенович, где вы там?

Они спешат на его голос, и тогда шевеленье в углу, за жардиньеркой, напоминает нам о Тимоше; забытый, он ждет там своего часа, откинувшись затылком к стене. Что-то, не только холод из распахнутой двери в прихожей, заставляет его выйти на опустелую сцену, где уже стоит **Березкин** с его шинелью на руке.

Тимоша (*шепотом*). Время, полковник?

Березкин. Одевайся, солдат… отдохнули на привале, и в дорогу. Ни зги кругом… ни плачущих, ни провожатых: хорошо. (*Про рукав.*) Теперь другой…

Правильно разгадав шарящее Тимошино движенье, он из-за спины, по праву тени, останавливает поиск слепого.

Кроме горсти пепла – ничего с собою. В дорогу к звездам надо отправляться налегке.

Тимоша. Проститься…

Березкин (*сзади и в самую душу*). Не мешай ей, солдат. Сейчас ее увезут в золотой карете… и до первых, скорых слез она не вспомнит о тебе ни разу. Не расплещи своего горя, солдат, оно поведет тебя в зенит… и до самой ночки своей она будет глядеть тебе вслед заплаканными глазами. <…>

Гости разошлись. Марья Сергеевна с дочерью остаются одни.

Марька. Посидим еще немножко… люблю глядеть на первый снежок, хорошо. (*Вдруг.*) Интересно, а на Памире большие бывают снега?.. Ведь это правильно, мамка, что я от поездки отказалась, правда?

Мать и дочь пережидают, пока кончится повторная серия настойчивых звонков.

Скажи мне хоть что-нибудь, мамка!

Марья Сергеевна. Ты сама должна решать, Марька. И я вовсе не отговариваю тебя, но… прикинь заранее, хватит ли твоих силенок на эту ношу.

Марька. Но ты же несешь свою, вот и я буду… Хотя все равно разлучаться нам с тобой. Правда, обсерватория Тимоше не нужна теперь, зато потребуются, наверно, трудные, главные книги. (*Убежденно*.) И знаешь, мы с ним будем двое самых трудолюбивых на свете. Уж во всем городе погаснут окна, а еще будет светиться наш чердак. И мы всего добьемся, потому что он сильный и ничего теперь не боится… ни тьмы, ни войны, ни смерти.

Опять звонки, заключительные.

Именно потому и глупо ему сердиться, если б я совсем ненадолечко вырвалась на мир посмотреть. Месяца мне за глаза хватит, даже меньше. Только разочек пройдусь по Памиру и – назад. Даже вещей брать не стану, а просто так, как есть… правда?

Марья Сергеевна. Ну, нельзя совсем без вещей, Марька. Как же ты обойдешься первое время? Кстати, мой большой чемодан свободен. Примерь хоть начерно.

Они достают со шкафа чемодан: сообщницы!

Марька. Конечно, сюда все поместится, даже теплые вещи. Любопытно, суровая ли там зима?.. А ты думаешь, мне еще не поздно?

Марья Сергеевна. Ах, в твои годы, Марька, ничего не поздно!

Мать легонько толкает Марьку в плечо, и теперь видно – все давно примерилось в их воображении: где и что лежит. Как бы вихрь проходит по комнате: отовсюду, из сундука и ящиков вещи как попало летят в раскрытый на полу чемодан, цветными пламенами вспыхивая на лету.

Мой новый костюм бери. Убавишь в плечах, будет как раз впору…

Марька (*с колен*). …а сама, сама?

Марья Сергеевна. С деньгами соберусь, другой сошью. Скорее, там погладить. (*Высвобождаясь из ее объятий.*) Ладно, ладно, у тебя же считанное время… сейчас позвонят в последний раз. На ключ запри и одевайся… ветрено, потеплей!

Укладка наконец завершена. Мать сама закутывает в шарф Марькину шею. Все готово. Обе долго и выжидательно смотрят на телефон, который молчит теперь.

Марька. Уехали…
Марья Сергеевна. Не может быть, им же по дороге.
Марька (*с пылающими щеками*). Значит, мимо проехали.

Медленное ночное время. В лихорадке нетерпенья как-то шелестяще неразборчиво звучит Марькина скороговорка.

Теперь уже, наверно, к вокзалу подъезжают… (*Со слабеющей надеждой.*) На всякий случай, если Палисаныч котенка принесет, обещал сибирского… скажи, что пока не надо. И Кате ничего не говори. Я же совсем ненадолго, ты даже пыли у меня на столе не вытирай. Вернусь – сама… (*После паузы.*) Нет. Уехали.

Напрасно они ждут звонка, и наконец – желанный шум в потемках прихожей, шевелится от низового ветерка брошенная на полу газета, – запыхавшийся **Юлий** предстает на пороге.

Юлий (*беспощадно*). Карета у подъезда и… ровно одна минута, Марька!

Он с ходу хватает приготовленный Марькин чемодан и с беглым жестом приветствия исчезает.

Марька. Прощай, мамка… ну, прощай же! Я тебе с дороги напишу. (*Плача и ликуя.*) Только ты скажи Тимоше, ради Бога, что я ни в чем, ни в чем не виновата…
Марья Сергеевна. Да, да… опоздаешь, ступай!

Марька исчезает, чтобы через мгновенье еще раз показаться с заключительной полуфразой: «И ты объясни ему…» – после чего вступает в свои права ночь. Марья Сергеевна берет чей-то нетронутый бокал с этажерки.

Так и не поздравила я тебя, милая ты моя. За твои горы высокие, Марька!

Вопросы и задания ко всему тексту пьесы, прочитанному самостоятельно

▶**1.** Как вы думаете, о чем эта пьеса? Какие вопросы поставил ее автор перед читателями и зрителями?

2. В чем заключается конфликт пьесы «Золотая карета», какие события способствуют его развитию?

3. Действие пьесы происходит в разрушенном послевоенном городе. Как повлияла война на судьбы и характеры героев пьесы? Какие проблемы заботят горожан и председателя горсовета Щелканову?

4. Что вы можете сказать о взаимоотношениях Марьки и Тимоши? Есть ли, по-вашему, у них общее будущее? Искренна ли Марька, когда говорит о том, что всего лишь ненадолго уедет на Памир с Кареевыми, а потом вернется к Тимоше?

5. Чем привлекают друг друга Юлий Кареев и Марька?

6. В чем видит Марья Сергеевна счастье дочери? Почему оказывается наготове чемодан, хотя предложение поехать с Кареевыми было сделано экспромтом?

7. Сопоставьте судьбы старших персонажей пьесы и только что намечающиеся пути в жизнь их детей. Не повторяет ли Марья Сергеевна ошибок своей молодости?

▶▶**1.** Как вы понимаете выражение «золотая карета»? Вспомните известные вам литературные сюжеты, связанные с этим образом. Почему Леонид Леонов так назвал свою пьесу?

2. Многие персонажи часто в своих диалогах обращаются к выражению «золотая карета» (или «карета»). Раскройте понимание каждым из них смысла этого понятия.

3. Есть ли «золотая карета» в жизни Марии Щелкановой? Почему Кареев-старший говорит, что именно ей обязан всеми своими успехами?

▶▶▶**1.** В прочитанных вами диалогах герои часто говорят о родине, в том числе о малой родине. Как понимают автор и действующие лица пьесы патриотизм? Как отражается это понимание в их поступках, в выборе жизненного пути?

2. Обратите внимание на план нового города, который показывает Марья Сергеевна академику Карееву. В чем смысл этого плана, какова его роль в пьесе? Что символизируют названия будущих переулков и проспектов, планируемые объекты и т. д.? Как раскрывается в этом эпизоде духовный облик Щелкановой?

3. Когда Кареев спрашивает о сроках претворения в жизнь плана города, Щелканова отвечает: «В данном случае это и не важно…» Как вы понимаете смысл этой фразы? Только ли в этом плане заключена мечта Марьи Сергеевны?

4. Какое значение в пьесе приобретает постоянное упоминание Памирских гор – это лишь информация о роде

занятий Кареева или нечто большее? Вспомните, что в финале Щелканова обращается к дочери: «За горы твои высокие, Марька!»

5. Будущий академик Кареев после неудачного сватовства ночью уходит из города, чтобы добиться успеха; в темную ночь призывает Тимошу уйти вместе с ним Березкин, чтобы достичь высот; ночь вступает в свои права, когда с Кареевыми уезжает Марька. Это случайное совпадение или автор вкладывает определенный смысл в образ ночи?

6. Как вы думаете, чем объяснить сложные поиски Леонидом Леоновым финала пьесы? Попробуйте понять его нравственные и художественные сомнения.

Мотивы былого в лирике поэтов XX века

В знаменитом стихотворении «Юному поэту» поэт Валерий Брюсов, обращаясь к «юноше бледному со взором горящим», изложил для него «три завета». И первый из них —

…не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.

В этих стихах В. Брюсов даже не вспомнил о прошлом. А между тем поэтическое осмысление минувшего заняло в его творчестве видное место: он пристально и неспешно наблюдал, как «шли дни, ряды десятилетий». Его взор был обращен и к Атлантиде, и к Элладе, и к Римской империи, к Средневековью и Возрождению, к Реформации и революциям, к XIX веку и мировой войне XX века. Но Валерий Брюсов не был одинок в обращении к былому. К исторической памяти призывал и законодатель мод в поэзии начала XX века Константин Бальмонт:

Но нельзя к минувшему остынуть,
Но нельзя о прошлом позабыть!

Бальмонту вторит «король поэтов» Игорь Северянин:

Былое так головокружно!
Былого не могу забыть!

Пылкому утверждению Северянина не противоречит спокойно-ироническое высказывание Георгия Иванова:

Так приятно в вольтеровском кресле
О былом повздыхать иногда.

В. Брюсов, К. Бальмонт, И. Северянин, Г. Иванов и многие другие мастера стиха – это новое поколение поэтов, возникшее в недрах литературы XIX века. И если XIX век, ознаменовавшийся великим расцветом русской литературы, вошел в историю культуры как золотой век литературы, то поэзия начала XX века стала называться поэзией серебряного века. Серебряный век с его великим культурным и интеллектуальным подъемом – это эпоха длиной чуть более четверти века.

Блистательная плеяда поэтов серебряного века положила прекрасное начало многоликой и богатой поэзии XX столетия. Многие из поэтов серебряного века – А. Ахматова, А. Белый, М. Волошин, С. Есенин, М. Кузмин, В. Маяковский, О. Мандельштам, Б. Пастернак – остались жить в новой России. По-разному сложились их судьбы. Но их яркое, разноголосое поэтическое творчество оказывало благотворное влияние на литературу века.

Потребности и устремления эпохи 20-х годов выразили в своих стихотворениях и поэмах Н. Асеев, Э. Багрицкий, Н. Тихонов.

В эти же годы смело заявили о себе «юноши стального поколенья» М. Светлов, А. Безыменский, А. Жаров.

Свой голос и свое место в поэзии находят Н. Заболоцкий, А. Твардовский, В. Луговской, завоевавшие признание читателя уже в 30-е годы.

Поэзию второй половины века трудно представить без имен В. Федорова, А. Прокофьева, Я. Смелякова, Е. Винокурова. В 60-е годы зазвучали свежие, сильные голоса А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, Б. Ахмадулиной, Н. Рубцова. Широкую известность получили исполнители авторской песни Б. Окуджава, А. Галич, В. Высоцкий.

Глубокий лиризм и чуткость в осмыслении бытия характеризуют поэзию И. Бродского, который четверть века своей

жизни прожил вне России.

В поэзии XX столетия выразились тревоги века. Ей пришлось «прожить, продумать до конца» «всей жизни каждый шаг и миг». Но поэтам века удалось «как бы ступить через межу» и заглянуть в «тьму былого», осмыслить «книгу сокровенную» столетий. Владимир Высоцкий от имени своего поколения имел полное право сказать и пропеть:

Чистоту, простоту мы у древних берем,
Саги, сказки из прошлого тащим,
Потому что добро остается добром —
В прошлом, будущем и настоящем!

Прочитайте стихотворения, помещенные в хрестоматии, и выберите для самостоятельного анализа наиболее понравившиеся. При разборе текста обратите внимание на вопросы и задания.

Валерий Яковлевич Брюсов
(1873–1924)

В поэзии Брюсова отчетливо выделяются две главные темы: тема большого города с его грохотом, «буйством» людских скопищ, быстро мчащимися экипажами, с его соблазнами, противоречиями и тема исторического прошлого. По словам Максима Горького, Брюсов обладал «тонким и редким даром проникновения в прошлое». Для поэта, историка по образованию, минувшее было «знакомым миром», с которым он «одной душой когда-то жил». В знаменитых циклах стихов Брюсова «Любимцы веков», «Правда вечная кумиров», «Властительные тени», «Завес веков» – «как будто в вечность приоткрылись двери»:

Столетия – фонарики! о, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени, протянутой в уме!

В стихотворениях Брюсова перед читателем проходит вереница исторических и легендарных героев разных стран и эпох. Здесь и суровый воин, не представляющий жизни без битв, и ассирийский царь Ассаргадон, который «воздвиг свой мощный трон» «на костях врагов», и древний наблюдатель природы, постигающий «таинства миров», и полководец Александр Великий, и поэт Данте, и Наполеон… В далеком прошлом поэта

притягивают личности яркие, носители сильных страстей, которые могут служить примером для «безгеройной» современности. Размышляя о прошлом, Брюсов соединяет его с настоящим и будущим. «Если бы мне жить сто жизней, – записал поэт в дневнике, – они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня».

Тени прошлого

Осенний скучный день. От долгого дождя
И камни мостовой, и стены зданий серы;
В туман окутаны безжизненные скверы,
Сливаются в одно и небо и земля.

Близка в такие дни волна небытия,
И нет в моей душе ни дерзости, ни веры.
Мечте не унестись в живительные сферы,
Несмело, как сквозь сон, стихи слагаю я.

Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребенных, —

Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинать безумными словами!
О тени прошлого, как властны вы над нами!

Вопросы и задания

1. Что в прошлом особенно дорого поэту? С какими строками стихотворения соотносится его заглавие?

1. Почему осенний день назван поэтом «скучным»? Какие краски преобладают в пейзажной зарисовке первого четверостишия?

2. Каким настроением проникнуто второе четверостишие? Как вы понимаете метафору «волна небытия»?

3. Составьте схему рифмовки брюсовского сонета.

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945)

Литературное наследие Зинаиды Николаевны Гиппиус составили пять стихотворных сборников, шесть сборников рассказов, несколько романов, драмы, литературная критика, дневники, две книги воспоминаний. Ее одержимое, пламенное творчество поражает глубиной и энергией мысли, силой и остротой эмоций. «Ничто в мире не доставляет мне такого наслаждения, как писание стихов, – может быть, потому, что я пишу по одному стихотворению в год – приблизительно. Но зато после каждого я хожу целый день как влюбленная, и нужно некоторое время, чтобы прийти в себя». В стихотворениях Зинаиды Гиппиус, глубоких по содержанию и безукоризненных по художественной форме, всегда решаются коренные вопросы бытия. Чаще всего это раздумья о человеке, любви и смерти. Ряд ее стихотворений имеет форму молитвы, воплощающей идеальные представления, порыв в вечность:

И не о счастии для вас молюсь —
О том молюсь, что выше счастья.

14 декабря

Ужель прошло – и нет возврата.
В морозный день, в заветный час,
Они, на площади Сената,
Тогда сошлися в первый раз.

Идут навстречу упованью,
К ступеням Зимнего крыльца…
Под тонкою мундирной тканью
Трепещут жадные сердца.

Своею молодой любовью
Их подвиг режуще-остер,
Но был погашен их же кровью
Освободительный костер.

Минули годы, годы, годы…
А мы все там, где были вы.
Смотрите, первенцы свободы:
Мороз на берегах Невы!

Мы – ваши дети, ваши внуки…

У неоправданных могил
Мы корчимся все в той же муке,
И с каждым днем все меньше сил.

И в день декабрьской годовщины
Мы тени милые зовем.
Сойдите в смертные долины,
Дыханьем вашим – оживем.

Мы, слабые, – вас не забыли,
Мы восемьдесят страшных лет
Несли, лелеяли, хранили
Ваш ослепительный завет.

И вашими пойдем стопами,
И ваше будем пить вино…
О, если б начатое вами
Свершить нам было суждено!

Вопросы и задания

1. Как в общем тоне и в отдельных словах стихотворения сопоставляются время изображенное и время, когда было написано стихотворение?

2. Как в начале стихотворения переданы высокие устремления тех, кто сошелся «на площади Сената»? Как их подвиг оценивается спустя «восемьдесят страшных лет»? Почему, обращаясь к восставшим, поэтесса называет их «первенцами свободы»?

1. В каких словах стихотворения с особенной силой передана взволнованность Гиппиус, вспоминающей спустя годы о подвиге восставших? Почему в «14 декабря» так последовательно сопоставляются местоимения «они», «вы», «ваши» и «мы»?

Николай Степанович Гумилев
(1886–1921)

Николай Степанович Гумилев – одна из ярких и самобытных фигур русской поэзии начала XX века. Первый сборник его стихотворений «Путь конквистадоров» вышел в Петербурге в 1905 году, когда его автор был еще учеником гимназии. С тех пор тема путешествий в пространстве и времени, экзотики дальних стран

прочно входит в лирику Гумилева. Чтобы «в новой обстановке найти новые слова», поэт в 1908, 1910 и 1913 годах совершает путешествия в Африку. В 1914 году, с началом мировой войны, Николай Гумилев уходит добровольцем в армию. Поэт подвига, певец бесстрашия, на фронте – отчаянный разведчик, он награждается за храбрость двумя Георгиевскими крестами:

Святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.

В сборниках «Жемчуга», «Чужое небо», «Колчан», «Костер», «Огненный столп» его занимает тема душевных исканий человека и всего человечества. Многие стихотворения Гумилева пронизаны «светом памяти» о любимом минувшем («…помилуй прошедшее!»). В них он проводит читателя «через Неву, через Нил и Сену», вспоминает о «мореплавателе и стрелке», об «угрюмом зодчем храма», о «достохвальной» кисти Андрея Рублева. Николай Гумилев высоко ставил звание поэта и искренне считал, что поэзия может изменить мир. Его стихотворения, полные сильных страстей и жизнелюбия, отличаются изысканностью художественной формы.

Старина

Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.

Вот дом, старинный и некрашеный,
В нем словно плавает туман,
В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзан[38].

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцевали контреданс[39].

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и томная,
Незолотая старина.

…Теперь бы кручи необорные,
Снега серебряных вершин
Да тучи сизые и черные
Над гулким грохотом лавин!

Вопросы и задания

1. Проследите за «сменой мыслей, чувств и образов, вложенных в стихотворение». В какой мере они приближают читателя к постижению главной мысли стихотворения?

1. Говоря о существе поэзии, Гумилев отмечал следующие ее «отделы»: фонетику («звуковую сторону стиха» – «ритм, рифму, сочетание гласных и согласных»), стилистику («сочетание слов»), композицию («интенсивность и смену мыслей, чувств и образов, вложенных в стихотворение»). Можно ли сказать, что в стихотворении «Старина» названные особенности гармонически сочетаются?

2. Проследите за «звуковой стороной стиха». Какую роль в стихотворении играет чередование дактилических (рифмы с ударением на третьем от конца слоге) и мужских (с ударением на последнем слоге) рифм? Какие строки или строфы стихотворения показались вам наиболее благозвучными?

3. Какие особенности стилистики стихотворения позволяют оттенить чувства, переживаемые лирическим героем? Что достигает поэт повтором слов «одну» – «одна», «гулкие» – «гулким»?

1. В первой публикации стихотворения между второй и третьей строфами была еще одна строфа:

Тревожный сон… Но сон о небе ли?
Нет! На высоком чердаке
Как ряд скелетов – груды мебели
В пыли почиют и в тоске.

Подумайте, почему эти строки были изъяты из текста стихотворения в его последующих публикациях.

Прапамять

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,

Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.

Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят,
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седою гривой машет море,
Встают пустыни, города.

Когда же наконец, восставши
От сна, я буду снова я —
Простой индиец, задремавший
В священный вечер у ручья?

Вопросы и задания

▸**1.** Какой предстает жизнь в восприятии поэта? Как показано в стихотворении движение времени? Какое значение имеет в стихотворении повторение союза «и» и частицы «вот», указывающей на последовательность действий, смену явлений?

▸▸**1.** Приставка *пра-* обозначает либо первоначальность, наибольшую древность (прародина, праславянский), либо степени родства (прадед, правнук). Как вы понимаете заглавие стихотворения Гумилева – «Прапамять»? В первом издании в сборнике «Костер» стихотворение было опубликовано под другим заглавием – «Жизнь». Как вы думаете, почему поэт в дальнейших изданиях предпочел название «Прапамять»?

▸▸▸**1.** Николай Гумилев мечтал о читателе-друге. «Этот читатель, – отмечал он, – думает только о том, о чем ему говорит поэт, становится как бы написавшим это стихотворение… Прекрасное стихотворение входит в его сознание, как непреложный факт, меняет его, определяет чувства и поступки». Что в позиции автора стихотворения особенно привлекает вас? Что утверждает поэт стихотворением «Прапамять»?

Михаил Алексеевич Кузмин
(1872–1936)

В жизни и творчестве Михаила Алексеевича Кузмина очень тесно связаны слово и музыка. Он учился в Петербургской консерватории в классе композиции Н. А. Римского-Корсакова и был известен как автор опер, романсов, музыкальных иллюстраций к произведениям писателей-современников. Он сочинял музыку к своим собственным сонетам и пел их со сцены на литературных вечерах. В художественную литературу М. Кузмин вошел как прозаик, драматург, переводчик, критик, но широкую известность он получил прежде всего как поэт, обладающий «даром стиха певучего и легкого». Многие его стихотворения, богатые живыми интонациями, воспринимаются как искренние обращения к близким людям, друзьям. В первых поэтических сборниках М. Кузмин воспел «дух мелочей, прелестных и воздушных», «веселую легкость бездумного житья». С годами его поэтический взор все чаще останавливается на живых явлениях и чувствах:

Все трепетней, все благодарнее
Встречает сердце мир простой…

Глубокое и разностороннее образование поэта, «гражданина мира», находит воплощение в стихотворных произведениях, воскрешающих прошлое. «Среди ночных и долгих бдений» Михаил Кузмин обращается к искусству античности и Возрождения, жеманного XVIII века, к русской старине, вдохновляется «сказками и былями» русского народа, воспевает «старые портреты» «в старых книжках» да «краски нежные икон».

Летний сад

Н. А. Юдину

Пропало славы обветшалой
Воспоминанье навсегда.
Скользнут в веках звездою шалой
И наши годы, господа.
Где бабушкиных роб[40] шуршанье,
Где мелкий дребезг нежных шпор
И на глазах у всех свиданье,
Другим невнятный разговор?
Простой и медленной прогулкой
В саду уж не проходит царь,
Не гонит крепость пушкой гулкой

Всех франтов к устрицам, как встарь.
Лишь у Крылова дремлют бонны[41],
Ребячий вьется к небу крик,
Да липы так же благовонны
И дуб по-прежнему велик.
Демократической толпою
Нарушен статуй странный сон,
Но небо светится весною,
А теплый ветер, тот же он!
Ты сам устроил так, о Боже,
Что сердце (так слабо оно)
Под пиджаками бьется то же,
Что под камзолами давно.
И весь проспект большой аллеи
Вымеривая в сотый раз,
Вдруг остановишься, краснея,
При выстреле прохожих глаз.
Но кто же знает точный час
Для вас, Амура-чародея
Всегда нежданные затеи?

Вопросы и задания

▶**1.** Во многих стихотворениях поэт, воссоздавая прошлое или непосредственно окружающий его мир, откровенно любуется «милыми мелочами» жизни. Какие «пустяки мирного житья» привлекли автора стихотворения «Летний сад»?

▶▶**1.** Какие приметы Летнего сада в Петербурге нашли отражение в стихотворении М. Кузмина?

2. В лирике М. Кузмина часто используется прием сопоставления, который позволяет поэту «добиться удивительной стройности» (Н. Гумилев) в построении всего стихотворения. Какие сопоставления позволяют поэту воссоздать картины минувшего и настоящего в их сходстве и различии?

▶▶▶**1.** Концовка стихотворения, в которой поэт обращается к читателю, нарушает мерное течение четверостиший и представляет собой трехстишие. Подумайте о том, как концовка должна прозвучать в выразительном чтении «Летнего сада».

Марина Ивановна Цветаева
(1892–1941)

К вам душа так радостна влекома!
О, какая веет благодать
От страниц «Вечернего альбома»! —

так отозвался поэт Максимилиан Волошин о первой книге стихотворений Марины Цветаевой «Вечерний альбом», изданной втайне от отца, на собственные деньги. В гибких, завораживающих ритмах ее первых стихотворений чувствуется глубокая искренность, открытость, чистота взволнованного сердца. Уже в «Вечернем альбоме» нашли отражение основные мотивы будущего творчества Марины Цветаевой: жизнь, смерть, любовь, дружба… В последующих сборниках – «Волшебный фонарь», «Версты» – расширяется художественное пространство: «безумное любование пустяками жизни» уступает место стремлению познать мир в его многоликости и сложности.

Сборник стихов «Разлука» издан уже за границей, в 1922 году. Он положил начало бесприютному и многотрудному существованию поэтессы в семнадцатилетней эмиграции – Берлин, предместья Праги, Париж… Стихотворения, составившие последнюю прижизненную книгу Марины Цветаевой – «После России», приобретают трагедийную тональность: «…мой читатель остается в России, куда мои стихи… не доходят». Только в 1939 году Марина Цветаева вернулась на родную землю, но силы ее были на исходе: «Я свое написала, могла бы еще…» В состоянии душевного надлома, под гнетом личных несчастий она ушла из жизни. «Каждое слово Марины Цветаевой принадлежит русской поэзии, принадлежит народу и будущим поколениям» (К. Паустовский).

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,

Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пяльцам,
Взгляды портретов в упор…
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, —
Грозные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

Вопросы и задания

1. С каким чувством обращается Марина Цветаева к «домикам старой Москвы»?

1. Как вы понимаете слова:

Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

1. В статье «Поэт о критике» М. Цветаева отметила: «Обольщусь сутью, форма сама придет». Проследите, к каким художественным средствам прибегает поэтесса, чтобы передать волнующее ее чувство. Какие слова стихотворения говорят о преклонении поэтессы перед Москвой уходящей и о неприятии того, что приходит на смену старому? Какое значение в стихотворении приобретает использование уменьшительно-ласкательных суффиксов?

Генералам двенадцатого года

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери, – вчера
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера!

Вам всé вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

* * *

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена…
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна…

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век…
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Что́ так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие —
И весело переходили
В небытие.

Вопросы и задания

▶**1.** Почему М. Цветаева построила свое стихотворение как обращение к «генералам двенадцатого года»? Найдите обращения. В чем их особенность? Какие оттенки в характер поэтического переживания вносит употребление поэтессой междометий?

2. Каким чувством пронизано стихотворение? Какую роль играют в нем восклицательные предложения? Почему в стихотворении местоимения «все» и «что» выделены логическими ударениями?

3. Какие строки стихотворения произвели на вас особенно сильное впечатление?

▶▶**1.** Какие эпитеты и определительные прилагательные передают неподдельное восхищение поэтессы «молодыми генералами»?

2. Каково значение антитезы в характеристике героев стихотворения? Какой оттенок сообщают стихотворению устаревшие и традиционно-поэтические слова?

▶▶▶**1.** Подготовьте выразительное чтение стихотворения, ключом к которому могут стать слова М. Цветаевой: «А что есть чтение – как не разгадывание, толкование, извлечение тайного,

оставшегося за строками, за пределом слов… Чтение – прежде всего – сотворчество». Передайте в своем чтении то, что вам близко и дорого в стихотворении.

Евгений Александрович Евтушенко
(Родился в 1933 году)

Евгений Александрович Евтушенко – поэт, прозаик, критик, кинорежиссер. Первая книга его стихотворений «Разведчики грядущего» была напечатана в 1952 году, когда поэту исполнилось девятнадцать лет. Она положила начало многим поэтическим сборникам разных лет, романам, сборникам литературно-критических статей, киносценариям, переводам. Вся поэзия Евгения Евтушенко отмечена страстной и высокой гражданственностью («Гражданственность – талант нелегкий…»). Он предстает в своих стихах летописцем быстротекущего дня, осознает высокую роль поэзии в преобразовании жизни. Поэтическое творчество Евгения Евтушенко пронизано пристальным и добрым интересом к человеку, и он не устает повторять: «Я жаден до людей, я жаден все лютей». Поэт стремится «объять необъятное», нетерпеливо высказаться по многим вопросам бытия, занимающим людей, и даже попытаться их немедленно решить. «Для меня, – признается Евгений Евтушенко, – поэзия – это исповедь сразу перед всеми…» Пристально наблюдая повседневную жизнь, поэт проникновенно осмысливает прошедшее и обращает свой взор к будущему, тесно соединяя свою судьбу с судьбой России:

Идут белые снеги,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.

Идут снеги большие,
аж до боли светлы,
и мои и чужие
заметая следы…

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я…

Когда звонят колокола

Ах, колокольчик под дугой,
ты, правда, крошечный такой,
но где-то спрятана в тебе большого колокола грусть,
и звоном душу мужика
ты выражала все века
от колокольчика до колокола, – Русь.

Когда звонят колокола,
роса особенно светла,
и васильки чуть привстают, как очи синие лугов.
Благословляет этот звон
героев павших вечный сон,
благословляет детский смех и чью-то первую любовь.

Когда звонят колокола,
они звонят, не помня зла,
но каждый колокол внутри – он затаенно не забыл,
что они были бунтари,
что их плетьми секли цари,
и, вырывая языки, везли их стражники в Сибирь.

Когда звонят колокола,
то просыпается зола
врагом сожженных деревень на распроклятой той войне,
и в каждом колоколе скрыт
набат, который чутко спит,
и в каждом русском скрыт набат – пусть где-то в самой глубине.

Когда звонят колокола,
им даль бескрайняя мала,
и птицы медные летят и по полям и по лесам,
и ты, смиряя в сердце дрожь,
глаза закроешь и плывешь
по зазвеневшим небесам, ну а куда – не знаешь сам.

Вопросы и задания

1. Как в стихотворении сочетаются картины прошлого и настоящего? Как упоминание о «всех веках» в начальной строфе

раскрывается в общем содержании стихотворения?

⏩**1.** Какими художественными средствами передается в стихотворении взволнованность и острота поэтического переживания? Обратите внимание на начало стихотворения и его общее построение. Как подчеркивается стилистическое единство стихотворных строф? Почему поэт назвал свое стихотворение «Когда звонят колокола»?

2. Открыто делясь с читателем охватившими его чувствами, поэт создает в стихотворении цельный образ колоколов, колокольного звона и набата как сигнала тревоги, подаваемого ударами колокола. Какая роль в создании этого образа принадлежит олицетворениям? Выпишите олицетворения, которые содержатся в каждой строфе стихотворения. Почему поэт так последователен в использовании этого поэтического приема?

3. Какую роль играют в стихотворении повтор слова «благословляет» и параллелизм «и в каждом колоколе скрыт набат…» – «и в каждом русском скрыт набат…»? С помощью каких изобразительных средств поэт создает яркие, запоминающиеся картины природы? Каков смысл переклички слов «душа» в начале стихотворения и «в сердце дрожь» в конечной строфе?

⏩⏩**1.** Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения «Когда звонят колокола». Обратите внимание, что большинство его строф представляет собой одно сложное предложение (лишь во второй строфе поэт прерывает их ряд, интонационно выделив слово «благословляет»). Подумайте, как воспроизвести в своем чтении удлиненные третий и шестой стихи каждой строфы.

Владимир Семенович Высоцкий
(1938–1980)

Творчество Владимира Высоцкого – яркое и многогранное явление русской культуры. Он был актером одного из самых популярных театров – Московского театра драмы и комедии на Таганке, где среди многих ролей сыграл и роль шекспировского Гамлета, мечту всякого драматического актера. Он сыграл двадцать пять ролей в кино, где выступил не только как актер, но и как автор песен. Поэт много и плодотворно работал над авторской песней, считая ее «неумирающим искусством»: он сам писал тексты, мелодии, сам их исполнял. «Самое главное в авторской песне, – говорил Высоцкий, – текст, информация, поэзия. Это вообще не песня – это стихи, которые исполняются под гитару и положены на ритмическую основу…» Владимиру Высоцкому принадлежит, по его признанию, «около тысячи» стихотворных текстов. «Если на две чаши весов бросить мою

работу: на одну – театр, кино, телевидение, мои выступления, а на другую – только работу над песнями, то, я вас уверяю, песня перевесит!» – утверждает поэт в очерке «О песнях, о себе», который составился из его многочисленных интервью и публичных выступлений. Тематика поэзии Владимира Высоцкого многообразна. Это и городские песни, и «спортивные» песни, и песни-сказки… Большое место в его поэтическом творчестве занимает военная тема. Во многих своих стихотворениях и песнях поэт размышляет о судьбах своего поколения и о своей собственной судьбе, о своих душевных исканиях и сомнениях. При жизни стихотворения и песни Высоцкого публиковались нечасто, но поэт искренне верил, что его песни получат широкое народное признание:

Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним…

Иногда как-то вдруг вспоминается…

Иногда как-то вдруг вспоминается
из войны пара фраз —
например, что сапер ошибается
только раз.
Зарыты в нашу память на века
И даты, и события, и лица,
А память, как колодец, – глубока:
Попробуй заглянуть – наверняка
Лицо – и то – неясно отразится.

Разглядеть, что истинно, что ложно,
Может только беспристрастный суд:
Осторожно с прошлым, осторожно, —
Не разбейте глиняный сосуд.

Одни его лениво ворошат,
Другие неохотно вспоминают,
А третьи даже помнить не хотят, —
И прошлое лежит, как старый клад,
Который никогда не раскопают.

И поток годов унес с границы
Стрелки – указатели пути,

Очень просто в прошлом заблудиться, —
А назад дороги не найти.

С налета не вини – повремени:
Есть у людей на все свои причины —
Не скрыть, а позабыть хотят они, —
Ведь в толще лет еще лежат в тени
Забытые заржавленные мины.

В минном поле прошлого копаться —
Лучше без ошибок, потому
Что на минном поле ошибаться
Просто абсолютно ни к чему.

Один толчок – и стрелки побегут, —
А нервы у людей не из каната, —
И будет взрыв, и перетрется жгут…
Но, может, мину вовремя найдут
И извлекут до взрыва детонатор!

Спит земля спокойно под цветами,
Но когда находят мины в ней —
Их берут умелыми руками
И взрывают дальше от людей.

Вопросы и задания

1. Поэт признавался, что его стихотворениям и песням присуща «манера что-то сообщать, как-то разговаривать с близкими друзьями». Как воплощается такая «манера» в тексте стихотворения? Каким предстает перед читателем поэт, размышляющий о прошлом? В каких словах он серьезен, в каких – ироничен, в каких – глубоко лиричен?

2. Как передано в стихотворении отношение людей к прошлому? Почему к прошлому, по мысли поэта, нужно относиться осторожно, избегать ошибок?

1. Характеризуя прошлое, поэт искусно использует сравнения и метафоры. Как они передают отношение автора стихотворения к прошлому? Обратите внимание на то, что слово «прошлое» поэт употребляет четырежды, каждый раз создавая новый образ. В чем смысл развернутой метафоры пятой, шестой, седьмой и восьмой строф стихотворения? Как соотносится с

этими строфами эпиграф?

2. Как вы понимаете метафоры – «прошлое лежит», «поток годов», «в толще лет»? Как они дополняют образ прошлого в стихотворении?

3. В чем вы видите особенности ритмики стихотворения? Чем отличен ритмический строй стихов в четных и нечетных строфах стихотворения? Почему поэт так часто сочетает в своих стихотворениях и песнях строфы, написанные разными стихотворными размерами?

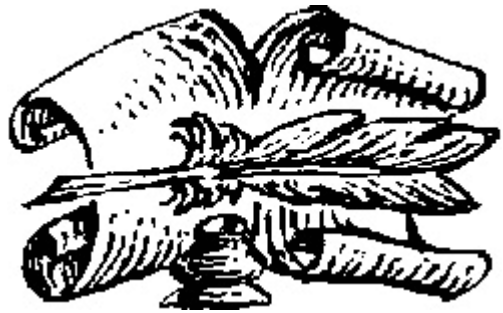
Вопросы и задания ко всей теме

1. Какие строки из включенных в раздел стихотворений вы бы предложили в качестве эпиграфа к «Мотивам былого в лирике поэтов XX века»?

2. Каков масштаб осмысления прошлого поэтами серебряного века?

3. Какое из стихотворений, включенных в раздел, произвело на вас наиболее сильное впечатление? Выучите наизусть это стихотворение и напишите письменный отзыв о нем.

Подведем итоги



Завершено изучение литературы в 8 классе. В течение года вы вновь и вновь встречались с художественными произведениями, которые помогали вам представить жизнь людей и происшедшие события на протяжении многих столетий.

Курс литературы 5–7 классов охватывал литературный процесс от древности до наших дней. В 8 классе эта модель повторилась, но в ней особую роль играл фактор времени. Вы как читатели не только видели на страницах художественного текста события и героев истории, но и оказывались свидетелями того, как само понятие времени при нашей встрече с художественным произведением становилось многозначным. Вы убеждались в том, что, знакомясь с тем временем, которое изобразил писатель, вы неизбежно думаете о времени, когда было создано произведение, и о том моменте, когда вы прочли это произведение.

Размышление о многообразии времени неизбежно связано с позицией автора, которая становится очевидной при чтении его произведения. При этом у вас возникала масса вопросов: почему автор избрал именно то время, к которому он обратился? Он уходил от проблем своего времени и пытался найти прибежище в другой эпохе или искал в прошлом ответы на вопросы сегодняшнего дня? Что помогало ему увидеть другое время? Какие приемы способствовали созданию достоверной и убедительной картины иного времени? Надеемся, что эти вопросы не остались без ответов.

Итоговые вопросы и задания

1. Как вы объясните важность понимания позиции автора при чтении художественных произведений?

2. Все ли произведения фольклора можно отнести к какому-

то неопределенно далекому времени? Приведите примеры.

3. Какие качества исторической личности привлекали древнерусских авторов?

4. Какое из произведений XII–XVII веков помогло вам составить впечатление об этом времени, о людях, живших в этот период, их быте, нравах?

5. Чем отличаются исторический труд и художественное произведение, посвященное историческим событиям? Ответьте на вопрос, используя произведения Карамзина и Пушкина.

6. Авторы XIX и XX веков с интересом и любовью обращались к былинам. Как вы считаете, их волновала родная история или художественные достоинства народных произведений? Попробуйте объяснить этот интерес.

7. Попробуйте кратко охарактеризовать три времени, которые связаны с повестью «Капитанская дочка» А. С. Пушкина: время, которое изображено в произведении, время создания повести и сегодняшнее время.

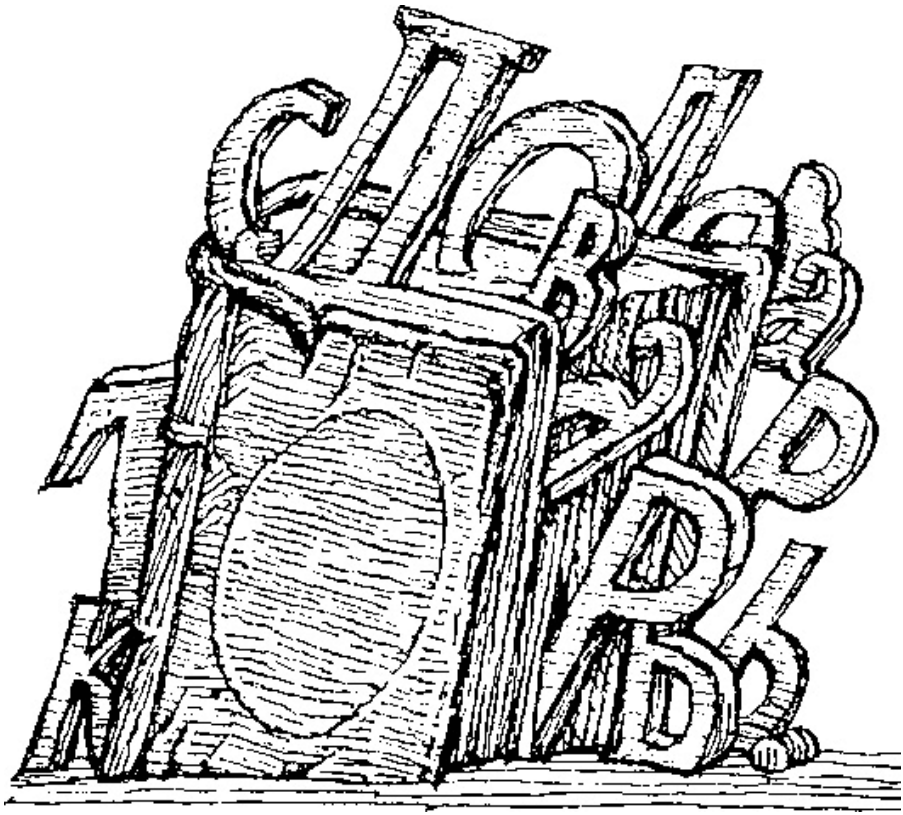
8. Назовите произведения, созданные Пушкиным на исторические сюжеты. Определите их жанры. Попытайтесь обосновать авторский выбор жанра.

9. События «Песни… про купца Калашникова» Лермонтова и «Тараса Бульбы» Гоголя происходят примерно в одно историческое время. Вспоминали ли вы про это, когда знакомились с текстами произведений, или об этом вы даже и не задумывались?

10. В поэме Лермонтова «Песня… про купца Калашникова» и в произведениях А. К. Толстого «Василий Шибанов» и «Князь Серебряный» один из героев – Иван Грозный. Попробуйте создать собирательный образ царя или указать на различия в его характеристике.

11. Какое из прочитанных в 8 классе произведений произвело на вас наибольшее впечатление? Напишите отзыв.

Краткий словарь терминов



Анахрони́зм (от греческих – обратно, против и время) – 1) ошибка в хронологии; 2) использование слов, присущих конкретному историческому периоду, при описании другой эпохи.

Архаи́змы (от греческого – древний) – слова и выражения, а также синтаксические обороты, вышедшие из активного употребления.

Архаи́ка (от греческого – старинный) – ранний этап в развитии какого-то явления.

Археоло́гия (от греческих – древний и учение) – наука, изучающая историю общества по материальным остаткам жизни и деятельности людей – археологическим памятникам.

Архи́в – 1) учреждение или его часть, хранящая документы; 2) совокупность документов, образовавшихся в результате чьей-либо деятельности.

Биографи́ческий рома́н – жизнеописание, жанр художественной прозы.

Варвари́змы – иноязычные слова и выражения, не полностью освоенные языком и искаженные, воспринимаемые как инородные.

Ви́ды истори́ческих рома́нов – исторический роман, роман-хроника, роман авантюрный, роман публицистический, роман биографический и др.

Вре́мя в худо́жественном произведе́нии – в философском смысле: время – форма последовательной смены явлений и состояний материи. Самые главные свойства времени – длительность, неповторяемость, необратимость. Историческое время связано со сменой событий в ходе истории. Среди событий различного масштаба и значимости обширный пласт создают те, которые объединяются в историю культуры и ее часть – историю литературы. Есть время, которое изобразил художник, и время, когда создавалось произведение. Однако есть и время, когда произведение читается.

Документа́льная литерату́ра – научно-художественная проза, основанная на фактах, достоверных материалах.

Дра́ма истори́ческая – жанр литературного произведения, в котором драматические конфликты отображают конкретные исторические события, воплощающиеся в поведении и поступках героев, в их диалогах и монологах.

Истори́зм – принцип подхода к действительности, который учитывает ее изменение во времени.

Истори́змы – слова, вышедшие из повседневного употребления, поскольку предметы, понятия, которые они обозначали, уже неизвестны говорящим.

Исто́рия (от греческого – рассказ о прошедшем) – 1) процесс развития природы и общества; 2) комплекс общественных наук, изучающих прошлое человечества во всем его многообразии.

Исто́рия созда́ния худо́жественного произведе́ния – сведения о работе автора над созданием художественного произведения, изучение творческой лаборатории писателя при работе над созданием конкретного текста.

Истори́ческая литерату́ра – общее название литературы на темы истории.

Истори́ческий докуме́нт – документ конкретной исторической эпохи, один из источников изучения эпохи письменности.

Истори́ческий исто́чник – письменный документ или предмет, непосредственно отражающий исторический процесс и дающий возможность изучать прошлое. К историческим источникам относятся: памятники культуры, языка, письменности, обычаи, обряды и пр.

Истори́ческая пе́сня – жанр русского фольклора, эпические песни об исторических событиях.

Истори́ческий жанр – художественные произведения, связанные с историей. Чаще употребляется применительно к изобразительному искусству.

Леге́нда (от латинского – то, что должно быть прочитано) – народное предание о каком-нибудь замечательном событии или судьбе.

Летопи́сец – автор, ведущий летопись, запись исторических событий по годам.

Ле́тописи – исторические произведения, вид повествовательной литературы в России XI–XVII вв. Они состояли из погодных записей либо представляли собой памятники, состоящие из ряда различных записей, – так называемые летописные своды.

Мемуа́ры (воспоминания) – разновидность документальной литературы, литературное повествование о событиях общественной и литературной жизни, участником которой был автор.

Сказа́ние – в фольклоре: общее название повествовательных произведений исторического и легендарного характера. Среди сказаний различают предания, легенды, бывальщины и др.

notes

Примечания

1

Ста́нсы – небольшое стихотворение, каждая строфа которого выражает законченную мысль и состоит из четырех стихов четырехстопного ямба с перекрестными рифмами.

2

Эле́гия – стихотворение, проникнутое грустным размышлением. Для элегии как жанра лирики характерна ритмическая неторопливость, плавность звучания.

З

Вы́я – шея.

4

Ритори́ческое восклица́ние – прием построения речи, утверждающий то или иное понятие в форме восклицания. Риторическое восклицание усиливает эмоциональность высказывания, сообщает ему поэтическое воодушевление и торжественную приподнятость. Ритори́ческий вопро́с – вопрос, не требующий ответа и усиливающий эмоциональность, выразительность высказывания.

5

Строфоками́л – страус.

6

Перстяно́е ожере́лье – оплечье.

7

Ры́нда – здесь: телохранитель, оруженосец.

Попле́чник – ровня, товарищ.

9

Саада́к – набор охотничьих принадлежностей.

10

Грешневи́к – головной убор простолюдина.

11

Еще (франц.).

12

Альфонс Карр (франц.).

дорогая (франц.).

как у Николая I (франц.).

15

Мятéль – метель (такое написание слова характерно для лирики К. Бальмонта).

16

Загне́тка – углубление в русской печи, куда сгребаются горячие угли.

17

Оны́ча – кусок плотной материи, навертываемый на ногу при ношении лаптей или сапог.

18

Шело́м – шлем.

19

В название романа Тынянов вынес лицейское прозвище В. К. Кюхельбекера. Так его звали друзья-лицеисты.

20

Ирóния – тонкая скрытая насмешка. Истинный смысл высказывания оказывается не прямо выраженным, а противоположным ему, подразумеваемым.

21

Гротéск – чрезмерное преувеличение, придающее образу фантастический характер, изображение чего-либо в уродливо комическом виде; гротеск нарушает границы правдоподобия.

22

Дани́лыч, ге́рцог Ижо́рский – Александр Данилович Меншиков, любимец Петра. Императору стали известны преступления Меншикова – захват частной и казенной собственности, взяточничество, которые были столь велики, что Данилыч не надеялся вернуть доверие царя и ждал расплаты. По его преступлениям уже велось следственное дело.

23

Го́род Бату́рин – столица малороссийского гетмана Мазепы. Был взят штурмом войсками под началом Меншикова.

24

Ма́етность – собственность, имение.

25

Да́ча – взятка.

26

Растре́ллий (Растре́лли Ка́рло Бартоломе́о) – литейщик и скульптор, итальянец по происхождению.

27

Дук – французское «дюк», от латинского dux; значило: князь, воевода, также и – герцог. (Примечание Ю. Тынянова.)

28

Алте́сса – титул, примерно: «светлость». Говорили и писали: «ваше алтесса» и «ваша алтесса». (Примечание Ю. Тынянова.)

29

Фурм, фу́рма – чугунная труба для плавки. (Примечание Ю. Тынянова.)

30

Вере́я, вере́йка – небольшая лодка с парусом, шлюпка.

31

Пи́тер-Бас – голландское слово baas – заведующий работами, смотритель, мастер. Цеховое звание. Петр получил его в Саардаме. Курс от корабельного подмастерья до баса он прошел всего в два дня. Явный парад. (Примечание Ю. Тынянова.)

32

Апра́ксин Фёдор Матве́евич – граф, сподвижник Петра, генерал-адмирал; был назначен президентом Адмиралтейств-коллегии.

33

Кунштка́мора (нем. «палата искусств», «палата редкостей», музей) – кунстка́мера – первый музей в России, созданный по инициативе Петра I.

34

В 1718 году был издан указ о «соблюдении всякого человеческого или скотского урода»; были назначены цены, которые надлежало выплачивать. Позднее были даны указания о покупке для кунштка моры «обретаемых в сибирских могилах драгоценностей и всяких вообще любопытных вещей».

35

Ягужи́нский Па́вел Ива́нович – генерал-прокурор, был любим Петром I, считался его «правым глазом».

36

Шаф (от немецкого schaffen – делать, создавать) – шкап. (Примечание Ю. Тынянова.)

37

Неслы́ханный скандал – имевший место скандал между Меншиковым и Ягужинским в споре о внешней политике.

38

Пейза́не (пейза́ны) – крестьяне, изображенные в произведениях искусства идиллически.

39

Контреда́нс (контрда́нс) – старинный танец, исполнявшийся четырьмя, шестью, восьмью парами.

Ро́ба (устар.) – одежда, платье.

41

Бо́нны – воспитательницы из иностранок при маленьких детях в дворянских семьях.